

# Александра Руда Кнопка

## Аннотация

*Новый роман про целеустремленную девушку по прозвищу Кнопка, про магов, бога Таракана. Как всегда, любви много, кровищи и драк — мало. ВНИМАНИЕ!!!!!! это не юмористическое фэнтези!!! это немного грустная и неоднозначная вещь. очень прошу воздержаться о комментариях типа «Ола» лучше". «Ола» и «Кнопка» — это очень разные миры, люди и маги!*

## Что такое не везет, или О магах

"Для того, чтобы помыть один коридор огромного академического здания уходит полчаса и два ведра воды. Всего коридоров пять. Да пятьсот пятьдесят две ступеньки.

Я — счастливый человек. У меня есть самая лучшая в мире работа, когда над головой не стоит злое начальство. Я — сама себе голова. Я сама устанавливаю себе график. Главное — чтобы все пять коридоров да пятьсот пятьдесят две ступеньки блестели к приходу студентов и профессоров в восемь утра.

Я работаю уборщицей в Академии Духа.

И учусь на аптекаря. Совсем скоро я буду уважаемым человеком. Если у кого-то что-то заболит, они будут обращаться ко мне. Они будут говорить: "Уважаемая Таша, пожалуйста, обратите на меня свое драгоценное внимание! Я вас умоляю, помогите! У меня болит живот!". И тогда никто, никто не будет вспоминать то, как я мыла коридоры и убирала в домах богатых соседей.

Да, я — счастливый человек. У меня есть работа, есть любимое дело, есть семья — мама, папа и двое братишек-близнецов. И еще несколько лет — и я буду аптекарем! У меня уже даже продуман интерьер моей будущей лавки. У нее будут красные стены. В нашем городе ни в одной аптеке нет красных стен, а у меня будут. И все будут знать, что это — Ташина аптека. Нет, это аптека уважаемой Таисии Ворон, вот!

Это в будущем, а пока я мою полы. Моя подруга Инна говорит, что это — унижительно. А я считаю, что нет унижительной работы, если ты трудишься от души. Сама Инна работает в лавке, торгующей лекарственными растениями. Ее хозяйка — баба злобная и жадная, она постоянно кричит, стоит Инне уронить хоть былинку. Впрочем, я считаю, что это происходит из-за того, что у хозяйки болят зубы. Когда болят зубы, хочешь — не хочешь, а станешь тараканьим отродьем.

О, а это что за пятно? Какое здоровенное, фиолетовое. На весь коридор растеклось! Вот не повезло! Наверное, пробирку с какой-то дрянью разбили".

Я потеряла пятно тряпкой. Хоть бы чуть-чуть побледнело. Вот невезенье! Я уж надеялась скоро домой пойти, поспать. Завтра еще коллоквиум по витаминным порошкам писать. Я порылась в сумке, где-то должно было быть мыло. Ага, вот оно!

Это мыло по своему сверхсекретному рецепту варила моя соседка. Мыло отъедало любые пятна, и я всегда носила с собой на работу кусочек. Размочив его в воде, я старательно натерла пол и присела, опершись о стенку. Чтобы пятно исчезло, надо немного подождать.

Вдруг...

Вообще-то в моей жизни практически нет места таким словам, как "а вдруг". Я стараюсь все четко планировать, чтобы ни минуты не пропало зря, чтобы все успеть. Учеба, домашние задания, работа, отдых. Вдруг случался тогда, когда моим братцам было лень нести в мусорное ведро лягушку, жертву их научных опытов, и они подкалывали ее мне в

сумку. И тогда — вот тогда а вдруг случался такой, что хотелось их придушить — по середине реферата обнаруживалось подозрительное пятно, а с подкладку сумки приходилось долго вычищать от воняющих останков. Отомстить похожим мне не давала гордость старшей сестры.

Так вот, вдруг я услышала шаги. Ну, что за ночь сегодня! Сначала пятно на полу, теперь вот, кто-то из магов припозднился. Согласно инструкции, при виде мага я должна была вести себя тихо-тихо, как мышка, чтобы ни словом, ни жестом не нарушить его концентрацию. Ведь магия — дело очень и очень ответственное, требующее напряжения всех сил и строжайшей концентрации внимания. К счастью, за год работы мне ни разу не приходилось встречаться с магами, кроме нанимателя.

Фигура, закутанная в балахон вышла из-за угла, помедлила и направилась ко мне. О, нет, нет, нет!!! Только не по мыльному полу! Он же скольз...

Маг упал на пол с жутким грохотом. Кажется, что-то у него сломалось. Или сломалось то, что он нес.

Проклятье! Проклятый Таракан!

Я на четвереньках подползла к магу. Он лежал, не двигаясь, но, кажется дышал. Стиснув зубы, я заставила себя пальцем дотронуться до пострадавшего. В народе ходили жуткие слухи, что маг, потерявший концентрацию, взрывается, и мне оставалось только молиться, чтобы эти слухи не имели под собой реальной почвы. Я приложила палец к шее мага и зажмурилась. Ничего не произошло, ни взрыва, ни даже хлопка, как от петарды. К моему величайшему облегчению, жилка на шее билась.

— Эй, маг! — прошептала я.

Он, конечно же, не ответил. Зря надеялась.

На четвереньках, чтобы не упасть, я направилась к ведру. Жаль, что вода грязная, но какая есть. Придется магу потерпеть.

Никогда не думала, что волоочь ведро с водой по скользкому полу на четвереньках будет так тяжело! Глубоко вздохнув, я вылила часть воды на мага.

— Ааах, — сказал он, широко открывая глаза.

Резко сев, он застонал, схватился за голову и попытался опять упасть. Хорошо, что я успела подставить руки! Через густые волосы прощупывалась здоровенная шишка. Но хоть крови нет, и то хлеб.

Проклятье! Проклятье! Интересно, меня сразу выгонят с работы или дадут возможность оправдаться?

— Что со мной? — простонал маг.

— Вы упали на пол, — сказала я. — Полежите немного, вам лучше сейчас не вставать.

Маг застонал и, кажется, снова потерял сознание.

Вот тараканье отродье!

Я уже представила себе заголовки газет: "Уборщица из бедного квартала убила мага!". И моя физиономия на половину первой страницы! Конечно, я мечтала о том, чтобы попасть в газеты или украсить собой первую страницу модного журнала, но никак не быть героиней криминальной хроники! И что мне светит? Двадцать, тридцать лет каторжных работ?

А если... а если он всего лишь покалечился? Тогда мне дадут всего пять-десять лет, а это куда меньше, чем двадцать, правда?

Осторожно я нашарила на спине мага капюшон и натянула его ему на голову. Переползла к сухому месту на полу, встала, взяла мага за ноги и поволокла по коридору. Не хорошо, что он так вот лежит, у всех на виду. Еще пройдет кто-то и задаст мне вполне законный вопрос: "а что это у вас, уборщица, на полу маги валяются?" Ведь маг в нашем государстве — личность куда ценнее, чем двести уборщиц, вместе взятых. А может, и триста.

Маг оказался страшно тяжелым. Его с виду не такое уж и упитанное тело волоклось по полу очень трудно. Ух, хоть бы спину не потянуть. А, вроде, худой. Хотя, может быть, у него там ляжки, как у борова, которого на продажу откармливают. А может, это магическая

энергия его таким тяжелым делают.

Слава всем Богам, что хоть не взорвался до сих пор.

Ну почему мне с моим вечным невезением, если уж такое приключилось, не попался хотя бы маленький, какой-нибудь subtilный маг. Или старый-старый профессор, смерть которого можно было бы списать на естественные причины? Нет же, здоровенный бугай, чтоб ему пусто было. И чего вот это в полночь ему дома не спалось, а? Ну почему, если я тяну билет на экзамене, то мне попадается самый сложный, если я стою в очереди за чем-то, то продукт заканчивается прямо передо мной, когда распределяют больных на лечение, то мне достается не прекрасный молодой юноша с переломом руки, а вредный и вьедливый старикан, у которого все болит.

Превысив свой лимит по проклятиям и обращениям к Таракану лет на пять, я покорила сегодняшней судьбе, на которой, вероятно вышеупомянутый злобный бог потоптался.

Затолкав бессознательного мага в подсобку, где хранились метлы, швабры и прочий уборщицкий инвентарь, я пошла домывать полы. А то еще кого нелегкая принесет, а еще одна подсобка аж двумя этажами выше. По лестнице наверх мне еще одно тело никак не затащить.

Как и ожидалось, чудо-мыло тетушки Маши отъело фиолетовое пятно напрочь. Я быстро сполоснула пол, закончила с оставшимся кусочком коридора, выплеснула в туалет грязную воду. Тщательно помыла ведро и налила туда холодной воды. Пора оживлять тело в подсобке.

При тусклом свете лампочки маг лежал в такой же позе, в какой я его оставила. Размахнувшись, я окатила его водой.

— Что случилось? — спросил он хрипло, открывая глаза. — Я так хорошо спал... А почему у меня болит голова?

Спал? Спал?? Спал???

Тут на меня накатило. Я сползла по стене вниз, уткнув лицо в колени, и разразилась истерическим смехом.

— Э... уважаемая... что с вами?

Что со мной? Я уже мысленно похоронила свою молодость, отдав ее на растерзание каторжным работам, а он спрашивает "что со мной?"

Смех перешел во всхлипы. На мое плечо легла холодная ладонь и тонкая ткань рубашки мгновенно промокла.

— Что здесь происходит? — требовательно, но спокойно, спросил маг.

— Простите, господин маг. Вы упали в коридоре, — с трудом выговорила я. — Сильно ушиблись. Я решила, что здесь вам будет лучше.

— А где я?

— В подсобке, — призналась я, избегая на него смотреть. — Я вас водой облила, чтобы вы в себя пришли.

— Гм... — задумчиво сказал маг. — А почему я упал?

Как же я боялась этого вопроса! Но лгать магу — себе дороже. Говорят, в таких случаях все тело покрывается страшными струпами. Может и врут, как и со самовзрыванием магического тела, но проверять боязно.

— Я... пол был скользким, — пролепетала я, зажмурившись и приготовившись к смерти.

— Почему вы меня не предупредили? — гневно спросил маг.

— Нам запрещено вас отвлекать от раздумий, — еле слышно пролепетала я.

— Что ж... понятно, — спокойно сказал маг. — Кажется, ничего страшного не случилось. Не надо меня так сильно бояться.

Неужели в его голосе я услышала смех? Осторожно приоткрыв один глаз, я в щелочку осмелилась посмотреть на магический балахон. Вроде, ничего страшного.

Открыв оба глаза, я посмотрела на пол, и увидела, как там собираются маленькие

темно-зеленые лужицы. Почему темно-зеленые? Потому что чудо-мыло отъело с черного балахона зеленую краску, которой на нем были нарисованы узоры.

Проклятье.

Маг застонал, видимо пощупав голову.

— Хорошо же я приложился, — сказал он.

— Вам нужно завтра полежать и ни в коем случае не перетруждать глаза, — посоветовала я, обретая уверенность. Пусть он даже маг, но физиология-то у него человеческая! А уж в этом я разбираюсь!

— Так и сделаю.

Кажется, между нами налавился мостик взаимопонимания. Пора признаваться.

— Господин маг, — робко сказала я, с тоской рассматривая лужи на полу, — у вас в сумке, когда вы упали, что-то хрустнуло.

— Что? — взревел маг так злобно, что я подскочила на ноги. Мой нос оказался на уровне его солнечного сплетения. Разгневанный мужчина возвышался надо мной, как сторожевая башня над молодым лесом. — Мой прибор, открытие века, над которым я проводил бессонные ночи, сломан?

Он схватился за сумку и принялся в ней шарить, извлекая какие-то обломки.

— Я тебя сейчас... — начал он, но продолжения я не стала дожидаться.

Вылетев из подсобки, я помчалась по коридору.

— А ну, стой! — грохотал голос, отражаясь от стен устрашающим эхом.

Ага, нашел дуру! Чтобы он меня испепелил на месте?

Не останавливаясь, я выбежала из здания и помчалась домой. Только там, спрятавшись под подушку и одеяло, я смогла перевести дух. Вот попала так попала! Наверное, завтра утром меня уже будет ждать послание от управляющего делами Академии. Я приду на встречу, а они меня там колесуют, а потом четвертуют, а мои родители всю свою жизнь будут компенсировать магам ущерб за сломанный аппарат и полинявший балахон.

Как бы страшно не было, изменить я уже ничего не могла, тем более, что оставалась призрачная надежда, что я успею улизнуть из дома до получения неприятного послания, и таки напишу коллоквиум. Интересно, бывают аптекари — бывшие каторжники?..

— Ташка! Ташка! Эй, засоня, подъем! — чем-чем, а нежностью в обращении с сестрой Флориан никогда не отличался.

— Отдай одеяло, зараза! — отозвалась я. — А вдруг я голая!

— Тю, — удивился младший брат, — я что, тебя голой не видел?

— Что? — взревела я не хуже, чем вчерашний маг.

Флор кинул в меня одеялом и, уже за дверью, крикнул:

— Тебе же на коллоквиум надо!

— А-а-а! — заорала я, глянув на старые механические часы.

Противный братец, который всегда вставал раньше всех, разбудил меня так, чтобы я успела только причесаться, накинуть платье и бегом побежать в колледж. Ну, вернусь, если еще буду жива, растерзаю мерзавца! И когда это он меня голой видел? Небось, подглядывал, когда я купалась, маленький паршивец. Хотя не маленький, на голову выше меня, хоть и на пять лет младше.

В колледже на меня никто не пялился, за спиной не было слышно шепотков. Все как обычно. Неужели до начальства не дошли вчерашние события? Или маги решили разобраться в своем кругу?

Поэтому я решила отправиться на работу пораньше, даже не заходя домой, чтобы не заставлять господ магов меня ждать.

Академия встретила меня пустыми гулками коридорами. А я-то думала, что меня будут встречать толпы, требующие крови. Как же, посягнула на здоровье мага! Да у нас на улицах даже в тени их боялись стоять. Маги — это ведь и хорошая погода, и свет в жилищах, и отличный урожай, и благополучные роды, и, самое главное — мир и безопасность государства.

Вчерашним своим неуважительным отношением к бесчувственному телу мага я нарушила десятки неписанных законов. Сама не понимаю, что на меня нашло. Может быть, это все из-за выброса адреналина? Когда гормоны бурлят в крови, мозгу очень трудно соображать.

Медленно и страдаяще, я побрела на третий этаж, где был кабинет проректора по хозяйственной части. Из-под двери пробивалась тоненькая полоска света. Я постучала, обливаясь холодным потом.

— Кто там? Входите! — сердито отозвался проректор.

— Это Таша, коридорная уборщица, — робко сказала я, просунув голову в дверь. — Вы меня вызывали?

— Нет, — сказал проректор.

— Точно?

— Конечно, — подтвердил проректор.

— А вас устраивает моя работа? — не могла поверить я своему счастью.

— Так, смотрю новости среди обслуживающего персонала разлетаются быстро. Если вы пришли за прибавкой к жалованию, как сразу и скажите!

— Э... — сказала я, пытаюсь собрать разбегающиеся мысли в кучку. Я же за наказанием шла, разве нет?

— Ректор сказал, что нужно давать молодым больше возможности себя проявить, — сказал проректор неодобрительно. — Как вам прибавка в две серебряных монеты?

— Э...

— В три?

— А...

— Четыре монеты — мое последнее слово. Но, если вы будете и дальше так прилежно исполнять свои обязанности, мы доверим вам мыть аудитории.

Я мягко прикрыла за собой дверь, а в коридоре прижалась пылающим лицом к оконному стеклу. Из-за того, что я приходила убирать очень поздно, то практически не общалась с другими работниками, а, оказывается, жалование увеличивают. Вот так, нет худа без добра, если бы я не пришла к проректору, то не видать бы мне дополнительных денег!

Но что же этот маг? Он что, никому ничего не рассказал?

Весело насвистывая, я принялась за работу. Придется одну из монеток пожертвовать Таракану, Богу всех неприятностей и злключений, случающихся с людьми. А еще одну — Подкове, Богине Счастливого случая, без его вмешательства тут явно не обошлось.

Сегодня работалось как никогда легко. Быстро закончив с четырьмя коридорами и ступеньками, я спустилась на первый этаж и радостно принялась за последний коридор. Четыре лишних монеты в месяц можно было потратить на покупку каких-нибудь нужных зелий или учебников для учебы. А сегодня ночью Флор получит свое! Я ему устрою, не будь я старшей сестрой двух сорванцов. Что бы такое придумать? Может быть, стянуть с кафедры физиологии скелет и подложить ему в кровать? Если сделать это ночью и вернуть рано утром, то никто и не заметит. Или достаточно будет одного черепа? Начнем, пожалуй, с черепа. Я знала тетушку, которая мыла полы в нужных кабинетах, когда я только начинала работать в Академии, она дала мне пару полезных советов. Думаю, попросить у нее ключ не составит никаких проблем.

Протерев последний участок, я вприпрыжку направилась к подсобке. Открыла дверь и... Там стоял какой-то мужчина. Высокий, в черной мантии.

— Бу! — сказал он Очень Злобным Голосом.

Завизжав, я захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, тяжело дыша. Это еще кто? И что он делает в подсобке? Когда я брала там швабру и ведро, его там точно не было!

С недавних пор в девичьих туалетах Аптекарского Колледжа начали шептаться, что начали пропадать девушки. При чем пропадают не с темных улиц, возвращаясь поздно домой, а из самых, казалось бы, благонадежных мест. Возле ярко освещенной и полной людей чайной — никто из посетителей ничего не слышал и не видел; на полянке городского

парка — вот только-только была здесь и уже нет; и самое ужасное — возле самого дома, у калитки.

Городские власти ничего сделать ничего не могли. Как водится, на фоне этих происшествий подняли голову и другие преступные элементы. Не на столько, чтобы привлечь к очистке города магов, но ощутимо.

Все эти слухи казались неправдоподобными только до того мгновения, как в моей, можно сказать, родной, подсобке, объявился незнакомец.

Кто это? Насильник? Да, так и есть!

Он пришел, чтобы забрать мою девичью честь, иначе чего бы он прятался? Ведь я сегодня так хорошо выгляжу! Правда, я всегда хорошо выгляжу, когда иду на учебу. Внешний вид аптекаря — это часть успеха! Никто не пойдет за лекарствами к неряхе. Но тут-то этого не знают! Мыть полы я всегда приходила в старой-старой юбке неопределенного цвета, в папиной рубаше, которую ему уже было стыдно носить на работу, а волосы прятала под платок. Выследил у Академии и поджидает.

Нет уж, я не достанусь всяким типам, которые прячутся по подсобкам и пугают молодых девушек! Как-то братья, в порыве родственных чувств, провели мне наглядную демонстрацию того, как нужно себя вести при встрече с недружелюбным типом. Главное — не растеряться! Я схватила швабру и подперла ею двери. А потом, для верности, добавила метлу. Теперь он так быстро не выберется.

Перепрыгивая сразу через несколько ступенек, я помчалась в другую подсобку, схватила топор, и понеслась обратно.

Запертую дверь дергали со всех сил и вопили:

— Эй! Кто-нибудь! Выпустите меня!

Не выпуская из руки топор, я осторожно вытянула из дверной ручки швабру.

— Выпустите меня! — вопил насильник.

— Сейчас, сейчас, не ори! — пропыхтела я. Метла застряла и никак не хотела вытаскиваться. — Я не могу открыть дверь, когда ты ее так дергаешь! А ну, прекрати!

— А ты меня выпустишь?

— Выпущу, выпущу, — проворчала я, вытащила, наконец-то, метлу и обеими руками подняла над головой топор.

Когда дверь открылась, я закричала:

— А ну, не с места! А то зарублю!

— Ах, какая ты воинственная! — насмешливо сказал вчерашний головой ударенный.

Да, теперь-то я его признала! Хлопая глазами я уставилась на широкоскулое лицо с твердым квадратным подбородком. Маг пригладил рукой волнистые каштановые волосы, растрепавшиеся, пока он тряс дверь. Теперь, когда на нем не было балахона, бедра, на которые я вчера грешила, оказались вовсе даже не упитанными. Все было в меру.

— Опусть топор, — почти ласково сказал маг.

— Не опускаю! Лучше сначала скажи... те, что вы делали в моей подсобке!

— Ах, маленькая уборщица! Ты же меня вчера сама сюда затащила.

— В жизни не поверю, что вы просидели там сутки! — буркнула я и тут же исправилась: — Господин маг.

— Нет, конечно, — заявил маг. — Ты мне кое-что должна.

— И что же?

— Вот, — он развернул тканевый ком, который держал под мышкой. — Моя мантия. После вчерашнего она очень полиняла. С ней можно что-то сделать?

Я аккуратно положила топор на пол и не без опаски взяла мантию. Хотя было не похоже, чтобы маг задумал что-то плохое, но кто их, магов, знает!

— Боюсь, — сказала я, задумчиво уставившись на серое пятно вылинявшего куска, — тут уже ничем не поможешь.

— Я так и думал, — кивнул маг. — В таком случае, с тебя четыре короля.

Четыре золотых монеты? А не жирно ли? У меня весь гардероб хорошо если шесть

монет стоит.

— Ха-ха! — сказала я. — Что-то вы загнули, господин маг.

— Это была фирменная мантия, они очень дорогие, — снизошел до объяснений полинявший.

— А я-то тут при чем?

— Это из-за тебя я упал.

— Ну уж нет! — решительно заявила я. Помыл бы он огромные коридоры за два золотых, и не так бы запел. Ах да, я же забыла про ступеньки! Пятьсот пятьдесят две ступеньки, которые нужно тоже вымыть, наклоняясь к каждой. — Смотрели бы под ноги — не упали бы. Господин маг.

— Послушай, — удивленно сказал маг. — Ты вообще отдаешь отчет, с кем ты разговариваешь?

— Да! — гордо сказала я, хотя вся тряслась от страха. — Я в ваших проблемах не виновата!

— Ну, малявка! — рассердился маг и сердито прищурился.

Ненавижу, просто ненавижу, когда меня называют малявкой! Ну и что, что я ростом не вышла, это не повод! Ценность человека вовсе не в росте!

— Я вас слушаю, господин маг, — холодно произнесла я. — Денег вы не получите, у меня их нет. Вы что-то хотели еще?

— А если натурой? — издевательски спросил маг и взял меня за подбородок.

Нет, не зря у меня два брата! Их наука пошла впрок. Резко подняв ногу, я одновременно с ударом размахнулась и вlepила нахалу пощечину. Он сдавленно охнул и схватился за больное место. Я подхватила свой инвентарь и юркнула в подсобку, запершись изнутри. Ой, что же теперь будет! Как же я так? Что же меня понесло так, а? Кошмар!!! А все из-за детских комплексов, то же мне, обиделась. Конечно, он имеет право назвать меня малявкой, ведь я же с трудом ему до груди достаю. А я... нагрубила магу — это уже преступление! А удар — это вообще! Теперь мне точно конец. Не буду я Флору ничего делать, приду домой, попрощаюсь со всеми, скажу, как сильно я их люблю.

Меня затрясло, я обхватила себя руками и разрыдалась.

Сквозь собственные всхлипы сначала даже не расслышала, как кто-то стучится в дверь.

— Эй ты, Кнопка!

Вот, и нос мой курносый он тоже заметил. Ну, не красавица я, не красавица!

— Что с топором делать?

Проглотив несколько обидных слов, я решила, что грубостей на сегодня достаточно.

— Сама разберусь, — буркнула я. — Эй, господин маг! Вы меня на месте не испепелите?

— Обойдешься, — отозвались с той стороны двери. — Еще на тебя магическую энергию тратить.

— А донесете?

Он промолчал, а потом, со вздохом ответил:

— Нет, живи уж, пользуйся моей добротой.

Ага! Значит боится, что его засмеют — как же, девчонка побила! Да еще и простая уборщица! Все они, мужики, одинаковые, что дети, что взрослые, что господа маги!

— Спасибо, — отозвалась я. — Я вам много должна за тот приборчик, изобретение века?

— Какой приборчик? Ах, этот... я просто пошутил. Там карандаши в сумке сломались и еще какая-то мелочевка. Просто ты меня так боялась, что мне было интересно, как тыотреагируешь.

Я-то полночи не спала, мучалась! Я-то целый день тряслась и из-за этого коллоквиум наверняка завалила! Ах, ты!!!! Он решил надо мной посмеяться! Да кто он такой, а?

Я рывком открыла дверь и завопила:

— Ах вы, тараканье отродье!

— Что? — удивился маг, сидящий на полу.

"Помни о своей семье! Им не понравятся твои обгоревшие останки" — воззвал внутри слабый голос разума.

— Ничего. Отдайте топор, господин маг, пойду отнесу на место.

— А ты меня им не зарубишь? — поинтересовался маг, но в карих глазах плясали рыжие тараканчики.

— Велика честь, — буркнула я и отправилась на третий этаж относить топор на место.

Теперь у меня есть собственная тайна — я знаю, что маги не такие уж и страшные, как рисует их народная молва! Да и ореол величия и всемогущества вокруг них в моих глазах очень померк.

## **Интимный вопрос, или Об учебе**

Сегодня моя подруга Нана пришла в колледж с прекрасной прической, вызвавшей вздохи восхищения и зависти у всех сокурсниц. Десятки маленьких косичек образовывали на голове чудесный узор, украшенный мелкими цветочками.

— Сестра заплела, — сказала она, получив достаточную порцию восхищения. — Я сегодня на очень важное свидание иду. Надо обратить на себя внимание, очень уж парень хороший. Я так мечтаю выйти за него замуж!

— Здорово, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос не выдал всей степени обуревавшей меня зависти.

Когда я ходила на свидания, то в сумочке неизбежно обнаруживались или лягушки, или мыши, или гнилые яблоки. Правда, мне это никогда не мешало держать на лице улыбку, но все же настроение портилось.

— А еще она дала свое платье поносить, — продолжала хвастаться Нана. — Оно такое голубое, оборочки здесь и здесь...

Я погрузилась в мечты о прекрасном мире, в котором у меня есть сестра, зато нет братьев. Я бы с ней игралась в куклы, мы бы делали друг другу прически и менялись платьями. И никогда, никогда под ноги бы мне не попадались острые углы кубиков, в кровати не ждала бы заботливо налитая ледяная лужа, и никто бы не подглядывал за мной, пока я купаюсь!

Как ни приятно предаваться мечтам, но от действительности никуда не денешься. Куратор нашей группы, дородная преподавательница по прозвищу Большая Медведица, вошла в аудиторию, радостно помахивая кипой листочков.

— А вот и ваши индивидуальные задания на этот семестр, — пропела она. — Тяните наугад, они все разные.

Народ поморщился. Из семестра в семестр задания становились все сложнее и сложнее, а преподаватели — все требовательнее и требовательнее. Количество человек, обучающихся на потоке, стремительно уменьшалось. Но без диплома путь в аптекари был закрыт, максимум, что ожидало недоучку — подсобные работы. Целебные травы растереть в порошок, пробирки и мензурки помыть.

— Колдуй баба, колдуй, дед, колдуй серенький медведь, — пробормотала я детскую считалочку, которую считала для себя счастливой.

Вытянула задание. Так, что тут у нас? Неужели мне повезло в кои-то веки! "Разработать комплекс для профилактики простудных заболеваний". Ура! Можно будет обойтись местными травами, не надо будет покупать дорогостоящие средства с горных лугов! Помнится, на втором курсе мне досталось средство от аллергии. Так пришлось месяц работать на двух работах, чтобы купить лунные брызги, растение, появляющееся только при полной луне и только на полянах, полностью окруженных березами. Правда, с пациентами будет много мороки. Один погуляет под осенним дождем в одной рубашке, второй напьется воды из колодца, а потом будут доказывать, что средство никуда не годится. Но это мелочи.

— Куратор Лиза! — раздался плачущий голос Наны. — А можно поменять задание?



— Нет, Нана, — нахмурилась преподавательница. — Ты же знаешь правила!

— Но у меня... у меня... — залилась краской Нана.

Леопольд, высокий белобрысый парень, выхватил у одногруппницы листок с заданием.

— О-о-о! — застонал он в притворном восхищении. — А у Наны-то импотенция! В смысле, в ее задании.

— Здорово! — не удержались некоторые мои одногруппницы.

— Вовсе не здорово! — закричала Нана. — Как я препараты испытывать буду?

Парни заржали, как стадо молодых жеребцов, на лицах у девушек появилось сочувствие. Все препараты, которые готовили студенты, испытывались на пациентах бесплатной лечебницы, которая располагалась на первом этаже колледжа. Сюда приходили либо бедные, либо жадные, либо любители поэкспериментировать с собственным здоровьем — результат, который получался при приеме некоторых зелий и порошков, зачастую был сюрпризом даже для их создателей. Поэтому я посочувствовала Нане. Даже самые бедные мужчины вряд ли будут рисковать самым дорогим. Да и как проверить результат? Имея опыт обращения с двумя братцами, я уже поняла, что мужчины в таких делах склонны очень сильно преувеличивать. Совсем недавно я слышала, как во дворе Флор рассказывал своей компании, что ночью побывал в спальне общепризнанной на улице красавицы и поэтому у него такой невыспавшийся вид. А на самом деле мы до глубокой ночи стояли с ним карточные башни — на спор, у кого выше. Победил брат, но только потому, что так усиленно дышал в сторону моей башни, что она развалилась. А потом еще оправдывался — я же не могу не дышать! А рядом с тобой воздух приятнее пахнет. Что на это скажешь?

— Нана! — строго сказала куратор. — Ты же будущий аптекарь. К тебе люди будут идти с любыми жалобами! Учись справляться с разными ситуациями.

Девушка застонала, уронив лицо в ладони.

— Кстати, — вдруг сказала наша преподавательница, — вам всем нужно этому учиться. Поэтому я рассчитываю на то, что через месяц вы все представите мне результаты исследований, связанных с влиянием на половую сферу человека различных факторов. Только, пожалуйста, в качестве испытуемых берите противоположный пол. Минимальная группа — десять человек. Тему исследования можете выбрать сами, а все необходимое возьмете у завскладом.

— Что??? — завопили мы хором.

— Куратор Лиза, — возмутился Леопольд. — Этого нет в учебном плане!

— Но вы же хотите стать хорошими аптекарями? — спросила преподавательница. — Как же вы сможете помогать людям, если над вами будет довлеть ложный стыд? Или вы будете предлагать несчастным обращаться к магам?

— Конечно, нет, — сказал Лео, — это себе дороже. Но как я смогу спросить у женщины, что у нее... у нее...

— Советую вам, Леопольд, открыть учебник анатомии, там вы найдете подходящие слова для вашего вопроса, — посоветовала Лиза.

— Куратор, — сказал наш староста Антиох, — это жестоко. Где мы найдем столько желающих пострадать во благо науки?

— Почему обязательно пострадать? — спросила преподавательница. — Вы же не отравой их кормить будете. А кто знает, возможно, именно вы совершите какое-нибудь грандиозное открытие и ваше имя войдет в анналы истории не только нашего колледжа, но и науки в целом.

— Мое уже вошло, — мрачно пробормотал Леопольд.

— То, что вы пытаетесь выучиться на аптекаря уже десять лет — это еще не повод войти в историю, — нравоучительно сказала куратор и вышла.

— Это все из-за тебя! — накинулись мои одногруппники на несчастную Нану. — Если бы ты не стала закатывать истерики, мы бы не получили дополнительного задания!

Нана тихо плакала. Она никогда не хотела становиться аптекарем, поступать сюда ее заставили родители, соблазненные престижностью профессии. Подруга училась еле-еле,

направляя всю энергию на поиски подходящего мужа.

Мне тоже хотелось высказать Нане свое негодование, но приходилось признать, что куратор была права. И если я хочу, чтобы моя будущая аптека с красными стенками пользовалась популярностью, то нужно научиться решать деликатные вопросы. Жаль только, что психология пациента у нас будет только в весеннем семестре!

— Спокойно, ребята, я придумал! — ошастливил нас Лео. — Мы будем испытывать лекарства друг на друге.

— Но ведь у всех будут разные задания, ты представляешь, что будет, если мы горстями будем есть лекарства? — спросил кто-то.

— Я про исследование половой сферы, — пояснил Лео. — Мы все будем пить один препарат, только задачи будут разные. Ты, например, будешь проверять, как это на печень действует, ты — на почки, ты — на настроение. Жаль только, что девчонок у нас всего пятеро, но можно подбить и другой курс! Зато вам, наши дамы, здорово повезло — нас-то как раз десять!

На лицах остальных моих одноклассников читалось сомнение, но никто не протестовал.

— Это будет не честно, — тихо сказала я. — Ведь задание не провести эксперимент. Нам же будут выдавать уже запатентованные порошки. Задание — научиться общаться с представителями противоположного пола на щекотливые темы.

— Таша, ты все усложняешь, — сказал Антиох укоризненно.

— Я помогу вам, но использовать вас не буду, — сказала я, под всеобщими укоряющими взглядами.

— Заучка, — припечатал Леопольд. — Если делать, то только всем. Иначе твои результаты от наших будут отличаться и Лиза что-то заподозрит.

— Я просто хочу стать хорошим специалистом, — попробовала я объяснить свою позицию. — Как вы этого не поймете?

— Хорошим специалистом можно стать и без этой ерунды, — сказал Антиох. — Тем более, что ее даже нет в учебном плане. Это инициатива нашего куратора.

Я молча смотрела на враждебные лица и не знала, как объяснить то, что я пытаюсь ухватить любую крупицу опыта, чтобы стать в своем деле если не лучшей, то одной из лучших. У меня нет богатых родителей, как у Леопольда, которого они пытаются выучить уже больше десяти лет, нет надежного тыла в виде папиной аптеки, как у Антиоха и нет чарующей красоты, сводящей с ума мужчин, как у Наны. Чтобы моя аптека с красными стенками была популярной, приходилось надеяться только на себя.

— Ладно, ребята, — прервал Антиох затянувшееся молчание. — Расходимся. Если ничего не получится с набором группы добровольцев, то вернемся к плану Леопольда.

— Вот так всегда, — буркнул Лео. — Из-за этой учебы совсем времени ни на что не остается, а у меня свидание сегодня с чудной кралечкой. Всем пока!

— Еще две пары, — попробовал остановить его Антиох.

— Я этот курс уже третий раз прохожу, — ухмыльнулся Лео. — Ничего нового мне там не скажут.

По окончании занятий я брела домой и думала о наборе добровольцев. Как уговорить мужчин на такое? Конечно, я сразу повесила объявление в нашей лечебнице, но реакция посетителей была вполне ожидаемой — подталкивая друг друга плечами, потенциальные испытуемые ухмылялись и отпускали пошлые шуточки. Желания поучаствовать не высказал ни один. Обращаться к практикующим у нас в клинике аптекарям я не хотела — для чистоты эксперимента нужны больные хотя бы с одной хворью, и принимающие одни и те же лекарства. А в идеале — вообще здоровые.

Повесить объявления на заборах? Или обратиться за помощью в аптеки? Нет, их владельцы потребуют себе мзду, а денег у меня мало.

Спрашивать у проходящих мимо мужчин? А как? "Не желаете ли испытать свою потенцию?". Или "Предлагаю вам бесплатно повысить свою потенцию?". Пожалуй,

нормальный убежит от меня, как от огня, а ненормальных мне не нужно. Ну, а все же, если рискнуть?

Я медленно шла по улице, заглядывая в лица проходящих мимо парней. Кто-то не обращал внимания, кто-то хмурился, кто-то лихорадочно оглядывал себя, кто-то просто улыбался. Наконец, один парень остановился, улыбнулся мне и спросил:

— Вы кого-то ищете?

— Да! — радостно ответила я. — Вполне возможно, что я ищу вас.

— Ух ты! Здорово! А зачем?

— Я... видите ли... мне нужно проверить вашу потенцию, — еле слышно прошептала я, заливаясь краской стыда.

— Что-что? — переспросил он и наклонился ко мне, чтобы расслышать.

Я повторила. Парень отшатнулся, удивленно вытаращив глаза.

— Что, так сразу? — сдавленным голосом переспросил он. — А как же цветы, ухаживания, знакомство с родителями?

— Нет! Нет! — запротестовала я, понимая, что этот разговор меньше всего похож на тренировку обсуждения щекотливых тем с пациентом. — Вы не так поняли! Я аптекарь, будущий. Мне нужно провести кое-какой эксперимент, поэтому мне нужны молодые мужчины.

— А, — успокоился парень, — понятно. Что ж, желаю удачи.

— А вы мне не поможете? — спросила я.

— Нет-нет, — с нервным смешком ответил он. — У меня... дела у меня, вот. Занят я.

— И друзей подходящих у вас нет? — не отставала я.

— Нет! — отрезал парень. — Хорошим бы я был другом, если бы подписал их на такое!

— Это не опасно... — попробовала возразить я, но молодой человек уже удалялся от меня с такой скоростью, будто я ему предложила пожертвовать крупную сумму на собачий приют.

Что ж, если я хочу полноценно заняться своим заданием, то остается последнее средство. Будем беседовать об интимном с уже отобранными кандидатами.

Я пришла домой и сразу же заглянула в комнату к братьям. Флор быстро что-то спрятал под кровать, я сделала вид, что не заметила. Эту книжку пошлых рассказиков я уже давно прочитала, она ходила у нас по рукам в школе. Федор, как обычно, сидел, углубившись в учебники.

— Братцы, — сказала я, перегораживая собой выход из комнаты, — вы мне нужны.

— Зачем? — подозрительно поинтересовался Флор.

Вот так всегда! Нет, чтобы сказать: "да, дорогая сестричка, чем можем помочь?". А вот была бы у меня сестра, она бы обязательно так сказала!

Я решила ничего не скрывать:

— Я на вас буду испытывать средство для улучшения потенции.

— Таша, — серьезно сказал Федор, — у нас все в порядке с потенцией. Мы еще не достигли того возраста, когда увеличивается вероятность половой дисфункции у мужчин.

— А мне этого и не надо. Я решила провести исследование, призванное выяснить, как влияют средства для потенции на здоровых мужчин.

— Мы против, — заявил Флор.

Федор молча снял очки и принялся задумчиво протирать их полой рубашки.

— Вы же мои братья! — сказала я. — Неужели вы мне не поможете?

Флор отрицательно замахал головой.

— А сколько раз я помогала вам делать домашнее задание, неблагодарные! А это мое домашнее задание, помогите, хоть раз!

— Таша, не кипятись и не вали все в одну кучу, — рассудительно заявил Федор. — Одно дело — помогать делать домашние задания, а другое — травить себя какой-то гадостью.

— Это не гадость, — сказала я мрачно. — Это средство для повышения потенции. Просто мне интересно, как оно подействует, если проблем с потенцией не будет. Может быть, к вам в голову прильется кровь и вы будете выдавать гениальные мысли?

— Федор у нас и так слишком умный, — заявил Флор. — А мне этого не надо. Я и так девчонкам нравлюсь.

— А так будешь нравиться еще больше, — сказала я уныло, по лицам братцев понимая, что склонить их к участию в эксперименте не получится. — И что же мне теперь делать? На вас вся надежда была. Где я себе добровольцев найду, а?

Уловив в своем голосе жалобную подвывающую нотку, я умолкла.

— Спокойно, сестра, — сказал Федор. — Мы можем договориться. Сколько тебе нужно человек?

— Десять! — сказала я.

— Ты вообще что творишь, Федор? Где мы найдем столько идиотов? — завопил Флор.

— Успокойся, брат, — остановил его Федор. — Сколько платишь?

— Плачу?

— Естественно. Мы находим тебе добровольцев, мужчин, ведущих активную половую жизнь, здоровых, честных и ответственных. И получить за это вознаграждение было бы вполне справедливо.

— Здорово, — восхитился Флор.

Я быстро произвела в уме подсчеты собственных сбережений. Если Федор обещает что-то сделать, то он это делает. И делает превосходно. Я вообще тайком считаю, что нам его подменили при рождении какие-нибудь злые духи. Иначе откуда в нашей семье, не блещущей талантами, юный гений?

— По графу каждому участнику, — скрепя сердце, сказала я. — И по десять медяков вам.

— Одна серебряная монета тому, что согласится рисковать — мало, — покачал головой Федор.

— Нет, ну почему нам всего по десять баронов? — возмутился Флор.

— Тихо, брат, — остановил его Федор. — Цена достаточная. Тем более, это наша сестра, мы должны ей помочь.

— Вот-вот, — сказала я, надеясь выторговать себе скидку. — Сестрам надо помогать бесплатно, по-родственному.

— Мы и помогаем тебе бесплатно, — пояснил Федор. — Но ты же нас поблаговаришь, правда?

— Конечно, — вздохнула я, мысленно попрощавшись с новыми сапогами на зиму. Придется старые еще раз отремонтировать.

— По рукам, — сказал Федор, протягивая свою ладонь.

Я хлопнула по ней, отметив, что моя ладошка намного меньше его. Вот так, а когда-то два розовых пищащих человечка цеплялись за меня своими крохотными пальчиками. А теперь мне в исследовании потенции помогают.

Чем больше я найду добровольцев сама, тем меньше мне придется платить братьям. Пытаясь продумать стратегию разговора с потенциальным испытуемым, я невнимательно и быстро мыла коридоры Академии Духа.

— Привет, — раздался за моей спиной глубокий, чувственный мужской голос.

От неожиданности я подпрыгнула, уронив швабру.

— Здравствуйте, — настороженно ответила я, медленно поворачиваясь.

Небрежно привалившись к стенке, при тусклом свете ночных ламп, на меня смотрел полинявший маг. Надо же, раньше я даже и не замечала, какой у него голос. Прямо до костей пробирает, брр. Может быть потому, что ему удалось меня застать врасплох, полностью погруженную в свои мысли.

— Что вы хотели, господин маг? — спросила я.

Неужели он такой крохобор, что опять явился требовать от меня деньги?

— О каких мировых проблемах задумалась маленькая уборщица? — поинтересовался маг.

— О разных, — осторожно ответила я.

Что ему нужно? Мы, обычные люди, старались лишней раз никогда не связываться с магами. Впрочем, когда я соглашалась работать в Академии Духа, я знала на что шла. Но, честно говоря, надеялась, что удастся обойтись без лишнего контакта с «кучерявыми» — так в народе презрительно иной раз называли магов — волнистые волосы были их отличительной чертой, больше ни у кого не встречаясь. Некоторые модницы закручивали свои волосы на маленькие папильотки, но наши жесткие прямые пряди никогда не ложились такими ровными пышными волнами. Как-то раз я тоже попробовала накрутить себе волосы и с тех пор зареклась это делать. С кудрями так много мороки!

— Скажите, уважаемая, ведь вы работаете в аптеке? — спросил маг.

— Нет, я только учусь. А откуда вы знаете? — надо же, как мы теперь общаемся! Как воспитанные люди!

— От вашей одежды пахнет травами, — сказал маг. — Такой... специфический запах.

Странно, мне уже давно никто этого не говорил. Наверное, родные и друзья просто привыкли.

— Вам нужна помощь, господин маг?

Маг машинально дотронулся рукой до затылка, где у него была шишка от падения.

— Нет, я хорошо себя чувствую.

— Тогда чего же вы хотите, господин маг? — немного резковато спросила я.

То, что сказал маг, заставило меня молча в изумлении вытаращиться, открыв рот.

— Я хочу с вами подружиться, — заявил он.

Это было равносильно тому, чтобы он сказал: "давайте завтра свергнем короля" или "давайте вдвоем завоюем соседнюю страну".

— Но... Маги не дружат с обычными людьми, — наконец обрела я дар речи, начиная подозревать, что удар головой повлиял на моего собеседника слишком сильно. — Маги не дружат и не женятся ни на ком, кроме таких же магов.

— Да, я в курсе, — согласился головой ударенный. — Просто пришло время изменить эту традицию!

Он стал в такую позу, которую обычно принимал Флор перед прочувственной речью "Мама и папа, как вы могли подумать, что это сделал я? Ведь перед вами — идеальный ребенок!".

— Почему? — любопытствовала я.

— Время пришло, — туманно объяснил маг.

— Какое-то пророчество? — дрожащим голосом спросила я.

Маг изменил патетичную позу на обыкновенную и махнул рукой:

— Какое там пророчество! Просто мы, партия обновленцев, решила, что нам, магам, нужно быть поближе к людям.

— Ого! — уважительно произнесла я. Это действительно переворот в отношениях между людьми и магами. — И много вас таких?

Маг вздохнул:

— Увы, пока далеко не все понимают пользу от сотрудничества с людьми. Эрнесто.

— Что?

— Меня зовут Эрнесто, — сказал маг, сияя улыбкой. В отсветах коридорных ламп она выглядела довольно кровавой.

— Таша. Господин маг, вы верите в дружбу между парнем и девушкой? — подозрительно спросила я. Может быть, все эти рассказы об обновленцах — всего лишь попытка затянуть меня в постель? Физиология-то и у магов, и у людей одинакова!

— Верю, — сказал маг. — А в чем дело? А-а-а, Кнопка, ты думаешь, я тебя хочу? Нет, я еще так низко не опус...

Это меня неимоверно обидело.

— Вот что, господин маг, — сердито сказала я, взмахнув шваброй. — Мне работать нужно.

— Я вовсе не имел в виду, что ты не привлекательна, — проникательно сказал Эрнесто. — Просто мы, маги, стараемся не заводить интимных отношений с обычными женщинами.

"В бордель вы не гнушаетесь ходить", — чуть было не сказала я.

Это информацию под грифом "совершенно секретно" мне разболтал Флор, который наблюдал, как группа магов, не скрываясь, заходила в дом разврата. Да и от кого им было там скрываться? Жители того района не имели привычки рассказывать кому-то о том, что они видели. Я тогда решила не спрашивать младшего брата, а что, собственно, ОН делал возле борделя. Решила, что мои нервы этого не переживут.

Впрочем, разве можно назвать посещение продажных женщин "интимными отношениями"?

— Ну-ну, Кнопка, не дуйся! — сказал маг. — Мы же хотели подружиться?

"Как дети! — вздохнула я. — Или это новый вид шутки?"

— Хорошо, господин маг, — лукаво улыбнулась я. — Если вы желаете подружиться... Ведь друзья часто помогают друг другу, не так ли? Вот, мне осталось помыть два коридора и около двухсот ступенек. Поможете?

— Э-э-э, — замялся маг. — Друзья, конечно, помогают друг другу, но мы же только-только подружились... И вообще, меня ждут дела. Извини, как-нибудь следующий раз.

Вечная истина "хочешь избавиться от мужчины — предложи ему помочь тебе по хозяйству" сработала и на этот раз, подтвердив еще раз: маг или не маг, мужчина остается мужчиной.

На лавочке у подъезда сидело несколько подозрительных типов. Увидев меня, один из них приподнялся и спросил:

— Таша?

— Д-д-да, — проблеяла я. Вот так и пропадают почти у дверей дома.

— Не бойтесь, мы к вам от Флориуса.

— К-какого Флориуса? Я не знаю никаких Флориусов! Я сейчас отца позову! И жениха!

— Он сказал, что он ваш брат, — немытая личность дохнула на меня перегаром. — И что у вас есть для нас работа. Какую-то отраву глотать.

— Ага, — зловеще сказала я, успокаиваясь. Ну, погоди же у меня, "Флориус"! — Понятно. Приходите завтра утром, да не сюда, а в лечебницу Аптекарского Колледжа.

Еще не хватало, чтобы мои соседки месяц судачили о таких типах, которые приходят ко мне! Ведь их острые язычки вмиг меня окрутят с одним из этих небритых, а от другого сделают ребенка. Что тогда будет с моей репутацией?

— Флор! — зашипела я, зайдя в комнату к братьям.

Братец неубедительно притворялся спящим.

— Не придуривайся! — я дернула его за ногу. — В такое время ты с десяти лет спать не ложишься!

— А я за сегодня устал, — соврал брат, в мгновение ока оказываясь за спинкой кровати. — Что тебе надо, сестра?

— Ага, прячешься! Виноват, значит!

— Вовсе нет! А вдруг у тебя ПМС и ты сейчас сверхраздражительная?

— ЧТО???

— Он твои книжки по физиологии читал, — с удовольствием наябедничал Федор, наблюдавший за сценой со своей кровати.

— Читал, говоришь? — внезапно успокоилась я. — Здорово, что он хоть что-то читает, кроме пошлых книжек.

— Что ты хотела, Ташка? — поняв, что гроза миновала, Флор перепрыгнул обратно в постель.

— Вы с Федором мне обещали найти мужчин для эксперимента! А во дворе кто?  
— Тише, — сказал Федор, — родителей разбудишь.  
— Там внизу — молодые, здоровые мужчины, — объяснил мне Флор.  
— Здоровые?  
— Таша, я тебя не понимаю! Спать в одной рубашке на земле осенью и не болеть — это что, не признак здоровья?

— Ладно, — пошла я на попятную. — А сексуальная жизнь.  
— Сестричка, не хочется мне тебя просвещать, ты у нас еще юная девица, это должны сделать родители, — сказал Флор, картинно закатив глаза, но по моему шипению понял, что переиграл, и, уже серьезно, сказал: — Да у них там такая жизнь, что всем остальным остается только мечтать. Они же не заморачиваются на тему грязно — не грязно, болен — не болен, с зубами — беззубый. Помоются у тебя в лечебнице, приютят их там на время, и будет тебе эксперимент! И другие аптекари рады будут, еще бы — те ребята любой порошок съедят с удовольствием. Это же бесплатная еда!

— Заодно поучишься с народом разговаривать, — веско сказал Федор. — Не "болит ли у вас печень?" а что-то типа "а вот с этого бока колет?".

Признавая правоту своих братьев, я молча полезла в кошель. Я давно заметила что то, что для меня было большой проблемой, близнецы решали на раз, зато мучались над сущими пустяками. Например, как сказать дочери булочника, крайне красивой и такой же крайне порядочной девушке, что она им нравится? Я было предложила свою помощь, но встретила такое ожесточенное сопротивление, что махнула на них рукой.

Это были еще не все сюрпризы этого бесконечного дня. В моей комнате на кровати сидел отец. Я очень удивилась. Так он меня не встречал уже много лет, с тех пор, как я поступила в колледж. Ночное бдение означало то, что папа хочет серьезно поговорить со мной наедине. Что случилось? Или братцы разболтали об моем эксперименте? Да не должны были, им это не выгодно.

— Таша, — сказал отец, положив мне на плечо свою тяжелую руку профессионального каменщика, — я хотел тебя попросить, чтобы ты больше не возвращалась домой так поздно.

— Папа, но я же не с гулянок возвращаюсь, а с работы! — удивилась я.

— Я знаю, ты у меня девочка серьезная, даже слишком. Но попробуй перенести всю работу на более раннее время, чтобы возвращаться засветло.

— У меня не получится, — покачала я головой. — Днем мне после учебы нужно бывать либо в библиотеке, либо в лаборатории. Я просто не буду успевать.

— Хорошо, — вздохнул отец. — Уволься. Мы с матерью постараемся обеспечить твои нужды деньгами.

— Папа, но ты и так тяжело работаешь! — заволновалась я. — Что происходит?

— В городе стали пропадать молодые девушки, — сказал отец, отводя глаза.

— Я знаю, — растерялась я, — и что?

— Дочь, я прошу тебя, — печально сказал папа.

— Папа, — сказала я и обняла его, — со мной ничего не случится. Я не так уж и поздно возвращаюсь домой, но буду стараться возвращаться еще раньше. Я не хочу взваливать на вас с мамой еще и свои траты.

— Я так и думал, — вздохнул отец. — И поэтому принял кое-какие меры. Ты не будешь против, если тебя с работы будет провожать один приличный молодой человек?

— Папа! Мне сейчас не до личной жизни! — разозлилась я. — Вы с мамой уже не в первый раз подсовываете мне приличных молодых людей! Мне надоело! Я едва-едва успеваю учиться, куда мне еще что-то?

— Нет, нет, он будет тебя просто провожать! — горячо заговорил папа. — Тарас мне многим обязан и он обещал, что будет тебя только охранять. Пожалуйста, дочка! Ради моего спокойствия.

Я посмотрела в печальные глаза отца. Странно, но я только сейчас заметила, как сильно он поседел. Сколько времени, занятая очень сложной учебой, вечно уставшая, я не смотрела

на своих родителей вот так внимательно? Сейчас, сидя на моей кровати, он почему-то уже не выглядел как несокрушимая скала, за которой я всегда могла спрятаться. Он выглядел... просто моим уставшим папкой. Волна нежности сдавила мое сердце. В конце концов, от меня не убудет, а папе будет спокойнее. Близких надо беречь.

— Хорошо, папа, — ласково сказала я. — Пусть меня провожает твой Тарас.

## Модель миров, или О фонаре

Прошел месяц. Осень, полноценно вступившая в свои права, за ночь подмораживала лужи. Мой эксперимент прошел весьма успешно, а испытуемые прижились при лечебнице, безропотно глотая все, чем их потчевали аптекари, начиная порошками первокурсников, заканчивая экспериментальными снадобьями преподавателей. Попутно мужчины за еду занимались всевозможным мелким ремонтом; подражались работать и грузчиками и наглядными пособиями. Оказалось, что они — из разоренной Прорывом деревушки. Мужчины выжили только потому, что на тот момент ездили куда-то на сезонные работы. Вернулись — а от дома и родных только пепел остался. Несчастье их так сломило, что подавшись в город, бывшие крестьяне запили и почти полностью опустили. Так что мне от лица городского управляющего даже выписали небольшую премию за возвращение этих людей к нормальной жизни. Своим братьям я о премии решила не упоминать.

Маг, так сильно желавший со мной подружиться, больше не появлялся. То ли его так испугало предложение помыть полы, то ли понял, что он не такой уж и обновленец, чтобы дружить с обычным, ничем не примечательным человеком.

Тарас, крупный, широкоплечий парень, с каждым днем нравился мне все больше. Может быть, потому, что он был, как для мужчины, довольно низкорослым, и я был ниже его всего на полголовы. Может быть, потому что не пытался выйти за рамки обычных провожаний и разговоров на все темы. А может быть он мне нравился из-за его рук с широкими, мозолистыми ладонями, похожими на небольшие лопаты. Иногда, дожидаясь меня, он собирал красивый букетик из опавших листьев лапотника — больших пятиконечных звезд всех цветов радуги. Эти листочки в его руках смотрелись совсем миниатюрными, а когда я брала их в руки, то вдруг становилось ясно, что они больше моих ладошек.

Однажды вечером шумная возня в комнате братьев очень мешала мне сосредоточиться на решении задачи.

— Сколько можно драться, ведь взрослые уже люди... — начала я гневную речь, распахивая к ним дверь. Однако увиденная картина заставила меня поперхнуться остатком фразы.

— Драться? — возопил Флор, который держал на поднятых руках огромную конструкцию странного вида. Лицо его было красным от напряжения. — Это не драка, сестра, это форменное издевательство!

— Это наука, бестолочь, — отрезал Федор, который взгромоздился на две поставленные одна на одну табуретки и что-то крепил к верху конструкции. — Раз уж ты заглянула, Ташка, держи... Нет, ты сильно мелкая. Становить вон, на табуретку, и держи миры за правый край.

— Миры? — переспросила я, покорно пододвигая табурет к указанному месту. Когда Федор увлечен наукой, то остановить его не сможет ничто, даже явление Таракана во всей рыжей красе.

— Миры, — подтвердил Федор. — Это модель взаимодействия миров, я взял дополнительное задание в школе. Флор, опусти немного левую руку.

— Хорошо, — кисло ответил братец. — Берись, Ташка, когда тебе еще представится такая возможность — держать в руках несколько миров. Почувствуй себя богиней.

Я залезла на табурет и взялась за конструкцию. Она была очень тяжелой и просто удивительно, как Флор в одиночку ее удерживал.



— Итак, наш мир соприкасается с несколькими мирами, — раздался сверху поучительный голос Федора.

— Я знаю, — сказала я.

— Тш-ш, это он речь репетирует, — сообщил Флор.

— Все миры наполнены магической или духовной энергией, — продолжал Федор. — Если в каком-то мире такой энергии переизбыток, то мир расширяется, начинает теснить границы соседнего...

— Сейчас будет самое интересное, — тоскливо простонал Флор.

Конструкция над нашими головами закрипела и задергалась. Я на всякий случай закрыла глаза.

— И, наконец, граница того мира, в котором магической энергии на данный момент меньше всего, прорывается и...

Раздался грохот, на меня посыпались обломки, один из них больно ударил меня по затылку и я упала с табурета на что-то жесткое.

Открыв глаза, я увидела, что Флор протягивает мне руку. Поднявшись с пола с его помощью, я почесала ушибленный бок, готовясь накричать на Федора. Горе-конструктор рассматривал валяющиеся обломки с задумчивым видом, совершенно не заботясь о добровольных помощниках.

— Тебе повезло, она сейчас просто развалилась, — сказал Флор, вынимая из моих волос какой-то винтик. — Первый раз вообще взорвалась.

Только сейчас я обратила внимание, что его лицо и руки исцарапаны, а волосы обгорели.

— Федор, ы что творишь! — возмутилась я, но он не обратил на меня никакого внимания.

— Я запрещаю делать такие опыты у нас в доме! — рявкнула я.

— Успокойся, сестра, — сказал брат покровительственно. — Когда-нибудь ты будешь гордиться родством с великим ученым.

— Если этот великий ученый нас до того времени не угробит, — пробурчал Флор.

— Вы все о каких-то мелочах, а я никак не могу отрепетировать свою речь! — вздохнул Федор. — Я еще не рассказал о последствиях Прорыва, о том, как в наш мир попадает чужеродная флора и фауна, как маги с ней борются, как отвеивают нужное и полезное для нашего мира... А для конструкции нужно взять материал пожестче, и, в то же время, поэластичнее... или сделать так... или так...

Он уже не обращал на нас внимания, что-то бормоча себе под нос и перекладывая детальки с места на место. Флор закатил глаза.

— Пойдем, я тебе царапины обработаю, а то еще подхватишь какую-нибудь заразу, — сказала я.

— Подхвачу, — громко сказал Флор, с намеком глядя на брата. — Детали-то, небось, на свалке нашел?

— Где были, там и нашел, — огрызнулся Федор, оказывается, он не был так увлечен своим делом, как пытался это показать. — Я их помыл.

— О, Таракан! — закатил глаза Флор. — Зачем ты подменил мне брата своим отродьем?!

— Нельзя так говорить про брата! — одернула я.

— Как же вы мне надоели, — сказал Федор горько. — Почему мне нельзя заниматься любимым делом? Почему я не могу вдоволь сидеть в библиотеке или заниматься изобретательством без того, чтобы надо мной никто не издевался? Разве это плохо? А на меня даже родители, как на дикого зверька смотрят!

Я почувствовала себя неловко. И в самом деле, мы, как брат с сестрой, должны во всем поддерживать Федора, а мы...

— Ну что ты такое говоришь, братец, — ласково сказала я. — Я вон над учебниками все дни просиживаю, и никто на меня не косится, тем более родители.

— Потому что ты — другая, Ташка! Потому что тебе учеба дается с трудом. Потому что тебе зазубривать нужно, ты над одной задачей по часу бьешься. И все видят — старается человек! Если бы я тоже так мог! Я что, виноват в том, что мне достаточно прочитать один раз, чтобы все запомнить? Или...

Я не слушала дальше накопившееся в душе, что дрожащим голосом выплескивал на нас Федор. Я прекрасно помнила, как несколько лет назад я готовилась к контрольной по анатомии и целый вечер зубрила названия костей человеческого скелета.

— Ну что тут такого сложного? — послушав мое бубнение под нос буквально полчаса, спросил младший брат. — Ведь это так легко запомнить! Слушай... — и он без запинки воспроизвел все названия. — Хочешь, научу? Просто не зазубривай каждое название по отдельности, а представь перед собой как бы картинку скелета с подписями на каждой косточке.

Так, конечно, дело пошло быстрее, и я от души поблагодарила брата.

— Хватит ныть, — вдруг прервал мои размышления Флор. — Что ты как девчонка, «ве» да «бе», как тяжело тебе живется, и ах, какой ты непохожий на других. Будь попроще — и к тебе потянутся люди. Вон, у Ташки вообще друзей нет, и ее, как видишь, это совершенно не волнует.

Сказанное братом меня больно укололо.

— У меня есть друзья! — рявкнула я. — И не тебе судить о том, что меня волнует, а что — нет!

— Ташка, ты чего? — опешил Флор.

Я вылетела из комнаты, громко хлопнув дверью.

Да, у меня нет друзей. Друзья требуют слишком много времени, а разве оно у меня когда-нибудь было? В детстве после школы я сразу бежала домой — смотреть за младшими братьями. Повзрослев, я обрела свою мечту — аптеку с красными стенами и принялась усердно учиться, чтобы мечта стала явью. Да, Федор прав, учеба никогда не давалась мне легко, но разве мечты должны исполняться только у тех, кому все легко дается? Конечно, мне иногда очень не хватало душевных посиделок с подругами, да и, в принципе, о чем мне было с ними говорить? Слушать об их кавалерах? Или рассказывать, как раз за разом срывались мои отношения из-за того, что мои ухажеры никогда не стоял и у меня на первом месте в списке приоритетов?

Сегодняшние полы мылись очень быстро — я выплескивала свою душевную боль от тяжелой и несправедливой жизни на ни в чем не повинный пол.

Если бы... если бы много лет назад нашу жизнь не перекроил Прорыв — то самое явление, которое сегодня пытался изобразить с помощью конструкции Федор, когда через порвавшуюся границу миров к нам стали лезть огромные страшные твари! Если бы наша родная деревня продолжала стоять там, где теперь навеки застыло озеро расплавленного камня! Я бы была уже замужем, у меня был бы свой дом, хозяйство, возможно, уже был бы малыш. Мои братья помогали бы отцу, а маленькая сестричка прожила бы значительно дольше нескольких дней. И мама бы улыбалась... И почему мне так не везет в жизни?

Со мной не хочет дружить даже какой-то паршивый маг!

— Вы очень ответственно относитесь к своей работе, — раздался над моей головой сухой голос проректора по хозяйственной части.

От неожиданности я резко дернулась, торопливо вскакивая на ноги — я на корточках отирала от грязи плинтуса.

— Добрый вечер, господин маг, — сказала я, кланяясь. Сердце в груди колотилось, как сумасшедшее. Они что, так сотрудников на стрессоустойчивость проверяют? Доживет ли кто-то до повышения по службе или нет?

— Скоро три года, как вы у нас работаете, — сообщил проректор. — Пришла пора вам просить премиальные. Только подумайте хорошенько, чтобы нам не было стыдно за свою сотрудницу. И не затягивайте с просьбой. А потом, возможно, мы подумаем о вашей повышении.

— Хорошо, господин маг, — я поклонилась еще раз, с трудом скрывая радость. Вот он, мой шанс, моя награда, ради которой я уже три года мою эти длинные и гулкие коридоры, натираю ступеньки, гну спину и недосыпаю. Я бы могла высказать свое премиальное пожелание прямо сейчас, но по инструкции требовалось подать его в письменном виде, оформленным надлежащим образом, и тогда Совет магов примет его к рассмотрению.

Настроение моментально улучшилось, и жизнь уже не казалась такой серой. Разве я могу огорчаться, когда у меня есть цель, к которой я стремлюсь? Разве очередной шаг к этой цели не должен меня радовать?

Сегодня Тарас ждал меня не со ставшим уже привычным букетиком из листьев или осенних цветов, а с ломом.

— Зачем это? — удивилась я, указывая на орудие.

— Исчезновения продолжаются, — мрачно ответил Тарас. — Только теперь оно и на парней переключилось.

— А, так это ты себя защищать собрался? А сможешь? — несколько обиженно сказала я. Вот если бы Тарас сказал, что лом нужен для того, чтобы я чувствовала себя в безопасности! Или что он обо мне так заботится!

— Конечно, смогу, — оскорбился Тарас. — Я же кузнец! Владение оружием для нас — необходимость, как же иначе проверить качество изготовленного тобой? Вот, смотри!

Он поудобнее перехватил лом своими короткими, но очень мускулистыми руками и раскрутил над головой.

— Да уж... — только и сказала я, глядя, как фонарный столб с ужасным грохотом падает на землю. Не рассчитав, мой провожающий переломил столб ломом. Вечер, который обещался быть таким приятным, стремительно портился под ехидное хихиканье вредного бога.

— Проклятый Таракан! — выругался Тарас, в свете алхимического огня, который неторопливо растекался по тротуару его щеки полыхали огнем. — Помоги его собрать, что стоишь!

Я решила не обижаться на его грубость. Если не остановить алхимический огонь, то он так и будет растекаться по земле, пока не доберется до чего-то, что сможет гореть. И тогда... лучше, пожалуй, про это «тогда» не думать.

Схватив в руки осколок стеклянного шара, в котором сохранялся огонь, я принялась нагребать на растекающуюся жидкость землю, судорожно шепча молитвы всем известным богам. Почему, ну почему неприятности меня так и находят?

Внезапно рядом возникла высокая фигура в балахоне. Резко меня оттолкнув, маг протянул к огню ладони и мелодичным речитативом быстро потушил огонь. А потом окинул нас полным презрения взглядом. Видимо, сегодня Таракан решил, что неприятностей с меня хватит и послал на помощь моего знакомого Эрнесто. Страшно было подумать, что бы было с нами, явись кто-то в ранге проректора! Вероятнее всего, две кучки пепла.

— Так, — процедил маг, — и кто у нас тут?

— Здравствуйте, господин маг, — почти синхронно проговорили мы с Тарасом, низко кланяясь.

Маг молча смотрел на нас, ничего не говоря. Взгляд его не предвещал ничего хорошего. Я слушала биение своего сердца и решала: разлетится ли сейчас в прах все то, чего я добивалась годами? И сколько лет мне придется выплачивать штраф за сломанный фонарь? Скорее всего, теперь мое прошение о премии даже не примут...

— Это я сломал фонарь, господин маг, — с вызовом сказал Тарас. Он был значительно ниже Эрнесто, но гораздо шире. — И готов отвечать перед градоправителем.

— А что ты вообще делаешь посреди ночи возле Академии? — лениво процедил маг.

— Он провожает меня домой, господин маг, — вмешалась я.

— Странно как-то он тебя провожает, — зевнул Эрнесто. Он был похож на кота, который играет с мышкой. То выпустит когти, то втянет их. — Ломая фонарные столбы и подвергая горожан опасности.

— Это... — начала я, но Тарас решительно отодвинул меня в сторону и встал прямо перед магом. Кажется, даже на цыпочки приподнялся, чтобы казаться хоть немного выше.

— Это была простая случайность, господин маг, — ответил он, смело глядя в глаза Эрнесто. — Если вы желаете, можем позвать городскую стражу и пусть они разбираются.

Маг искривил резко очерченные губы.

— Достаточно будет оплатить ущерб. Думаю десяти золотых вполне хватит и...

Я ахнула. Это была огромная сумма.

— И? — мрачно спросил Тарас, никак не отреагировавший на сообщение о размере суммы.

— И больше никогда не появляться у стен Академии ближе чем... скажем, на два полета.

Когда-то, в те времена, когда маги еще умели летать, была введена такая единица измерения, как полет — тысяча шагов взрослого мужчины. Маги уже не летают лет двести, но до сих пор упрямо измеряют все расстояния в полетах, хотя весь мир уже давно перешел на унифицированную единицу — тан.

— Хорошо, — кивнул Тарас. — Только, господин маг, простите мое невежество, но я не знаю, сколько это — полет. Возможно, вы мне покажете?

Я от ужаса затаила дыхание. Ой, что же сейчас будет!!

Лицо Эрнесто перекосилось от ярости, на кончиках пальцев забегали синие огоньки.

— Бежим! — я дернула Тараса за руку. — Пожалуйста, бежим, умоляю!

Он неохотно повернулся и побежал. Я со всей силы вцепилась в его руку, боясь хоть на секунду ее отпустить. Вслед нам полетела и растеклась на ближайшем дереве голубая молния. Простояв какое-то мгновение, дерево рассыпалось на мелкие кусочки.

— Не попал! — довольно крикнул Тарас.

— Пожалуйста, — задыхаясь, проговорила я, не замедляя бега.

Я остановилась только возле подъезда своего дома и прислонилась к стене, пытаюсь отдышаться. Тарас задумчиво рассматривал свой лом, который так и не выпустил из руки.

— Хорошее изделие, — наконец вынес он вердикт. — На нем от столба даже царапины не осталось.

— Что ты... — закричала я, но осеклась. Одно из моих жизненных правил гласило — никогда не кричать на мужчин. Они этого не выносят, крик на них действует, как сладкое на жукачуру — и те и другие моментально теряют над собой контроль.

Огромным усилием воли я подавила в себе чувства и уже более-менее спокойным тоном продолжила:

— Не стоило так злить господина мага, ведь он же нам помог, погасил алхимический огонь.

— Помог, — хмыкнул Тарас. — Да это было в его интересах. Одной из первых бы их Академия загорелась!

— К магам нужно относиться уважительно и с почтением, — напомнила я одну из прописных истин.

— С почтением? — скривился молодой кузнец. — Сейчас маги уже далеко не такие, как были раньше. Они слабые, как котята! Чтобы накопить хоть немного силы, им нужен постоянный контроль над собой.

— Маги защищают нас от тварей, которые проникают в наш мир из других при разрывах.

— Да как они защищают! Ты же видела — этот молодой даже в нас попасть не смог! А даже жукачура двигается во много раз быстрее нас!

— А что бы было, если бы попал! — содрогнулась я, вспомнив судьбу дерева.

Тарас внимательно оглядел меня, аккуратно прислонил лом к стене, и, взяв меня за руку, подвел к скамейке, стоящей во дворе.

— Посиди, тебе нужно прийти в себя, — заботливо сказала он и подул на мой лоб, по которому стекали капли пота.

— Таша, — сказал он немного погодя. — Ты была такая счастливая, когда вышла из Академии. Сегодня тебе предложили попросить премию?

— Да, — кивнула я. Сидеть вот так на лавочке, когда Тарас держит в своих лапищах мои кисти, было необыкновенно приятно.

— Ведь они предлагают премиальные не чаще, чем раз в три года, правильно? — продолжал допытываться парень.

— Да, — я не могла понять к чему он клонит. Большинство служащих у магов работали не ради зарплаты, которая была куда ниже, чем предлагали в других местах, а ради этой премии, которую можно было попросить раз в три года. Премией являлось исполнение любого желания (правда, желания рассматривались специальным магическим советом, и если ты, к примеру, хотела умертвить своего соседа, который тебя чем-то категорически не устраивал, то вряд ли бы это желание было исполнено. Хотя прецеденты были).

— А ведь раньше люди трудились на магов бесплатно, но магические услуги им оказывались постоянно, — торжествующе сказал Тарас. — Это все свидетельствует о том, что маги стали гораздо слабее, чем, скажем, век или два назад. Поэтому нам ничего не угрожало.

— Да уж, — недоверчиво сказала я, опять вспомнила я про дерево.

— Ну подумай сама, — нежно сказал Тарас, поглаживая меня по руке, — разве бы я стал рисковать тобой?

Лично мне казалось, что им двигало стремление показать какой он крутой, но я решила оставить свое мнение при себе.

— Ведь я хочу быть тебе другом, — прошептал Тарас, пододвигаясь ко мне вплотную. Его дыхание щекотало мне щеку. По телу побежали мурашки.

"Все-таки брат был не прав, — подумалось мне. — Со мной хотят дружить. Пусть даже и таким способом".

— Я хотел бы быть тебе особым другом, — шептал Тарас. Его колючая от щетины щека прижалась к моей.

У меня мгновенно будто бы заморозили все кишки. В животе стало пусто и легко.

— М-м-м, — я вырвалась из его объятий и вскочила со скамейки. — Тарас, думаю, не нужно.

— Почему ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал? — с обидой спросил парень.

— Потому что я думаю, что в тебе сейчас говорит адреналин, а не настоящие чувства, — объяснила я. — давай поговорим об особой дружбе как-нибудь потом.

— Вовсе не адреналин, — мрачно сказал Тарас. — Я давно хотел тебя поцеловать.

— Сейчас — адреналин, — объяснила я. — тебе ведь не только поцелуев хочется? Это естественная реакция организма на спасение от смертельной опасности.

Молодой человек нахмурился и скрестил на груди руки, всем своим видом выражая обиду и непонимание.

— Я, пожалуй, пойду, — робко сказала я.

Он не ответил.

Я побрела домой, мысленно подсчитывая убытки сегодняшнего вечера. Фонарь — минус один. Друг — минус один. Вроде ничего смертельного, но очень грустно.

Когда я в своей комнате упала на кровать и вцепилась в подушку зубами, стараясь не зарыдать в голос, то рядом почти беззвучно материализовалось два тела.

— Ташка, — сказал Флор, — ты это... того...

— Прости меня, дурака, — свистящим шепотом подсказал Федор.

— Сам такое говори, — огрызнулся Флор.

— Ты же извиняться пришел! — против воли я стала прислушиваться к разговору.

— Но это не значит, что я дурак! Даже самые умные и талантливые совершают ошибки! — возразил Флор. — Ташка, ты это, перестань ныть, ну что ты как девчонка!

— Идиот, — шикнул Федор. — Ты что забыл, что твоя сестра и так девчонка?

— Ну, я имел в виду, что ты как девчонка в худшем смысле этого слова.

— Давай не будем представлять меня как девчонку в лучшем для тебя смысле этого слова, — сдавленно проговорила я. Плакать совершенно расхотелось, хотя слезы все еще жгли горло. — А это кровосмешением пахнет.

— А еще говорят, что это только парни все время про секс думают! — деланно возмутился Флор. — Я ее пришел утешать, а она мне про что?

— Таша, — как всегда, серьезно, проговорил Федор, погладив меня по спине. — Не стоит расстраиваться из-за того, что Флор сказал, что у тебя нет друзей. У всех людей, которые идут к своей цели, мало времени для общения. И все же у тебя есть друзья. Помнишь, как много людей тебя ходило проводить, когда ты в том году заболела?

Как же тепло на душе мне стало от неуклюжих утешений моих драгоценных братцев. Иногда вот просто убить их хочется, а иногда понимаешь, что все же они тебя любят, и по-своему заботятся о тебе.

— Они просто хотели испытать на мне свои контрольные по респираторным заболеваниям, — всхлипнула я, прогоняя остатки слез.

— Это не так, — возразил брат. — То есть, не все этого хотели. Некоторые вполне серьезно переживали за тебя.

— И из-за этого кузнеца, который тебя на скамейке лапал, тоже не переживай. Он на тебя запал, так что еще явится, — весело сказал Флор.

— Что? — возмутилась я. — Так ты опять подглядывал?

— Нет, нет! — братец попятился из комнаты, выставив перед собой руки. — Просто лежал на кровати, не спалось, решил в окно посмотреть...

Он захлопнул дверь перед моим носом и навалился на нее спиной.

— Не смей вмешиваться в мою личную жизнь! — прошипела я, боясь разбудить родителей. Пожалуй, все же убить братьев мне хочется больше, чем слушать их утешения!

— Да что ты! Ни в коем случае! — отозвались из коридора. — Я только хотел дать ему несколько советов о том, как с тобой обращаться!

— Ах так! — возмутилась я. — В таком случае я беру твоего брата в заложники до тех пор, пока ты не поклянешься не вмешиваться в мои отношения с Тарасом!

— Забирай! — великодушно разрешил Флор. — Я давно мечтал прибрать нашу комнату в единоличное пользование.

— А контрольные ты у кого списывать будешь?

— Это был удар ниже пояса, — глухо отозвался братец. — Ладно. Клянусь не вмешиваться в ваши отношения. Но учти, что я хотел как лучше!

— Да, да, да, — сказала я, падая обратно на кровать. — Давайте уже спать, завтра рано вставать.

"Интересно", — думала я, засыпая. — "Почему Эрнесто появился так быстро? Ведь в это время все маги уже давно спят. Он что... следил за мной? Да нет, ерунда. Скорее всего, он опять засиделся в лаборатории, и, увидев огонь, выбежал на помощь".

Сегодня мне приснился Эрнесто. Мы вместе летели под облаками и это было прекрасное, свободное, легкое и необыкновенно счастливое чувство.

## **Стрессовые ситуации, или О чуде**

— У меня есть для вас прекрасная новость! — сообщила Куратор Лиза, вливаясь в аудиторию. — Ну, и где крики радости?

— Обычно прекрасная новость для вас не значит прекрасной новости для нас, — осторожно заметил Леопольд.

— На этот раз прекрасная новость как раз для вас, мои дорогие студенты, — уточнила Лиза. — На старших курсах будут проведены тестовые испытания... Тихо, тихо, не надо трагедий. Тестовые испытания будут проведены только для желающих. По результатам будут отобраны трое лучших, которые отправятся на аптекарский семинар в столицу! За счет Колледжа, разумеется.

— В столицу? — завопил Леопольд. — За счет Колледжа? Вот это да! Когда будут тесты?

— Вам, Леопольд, наверное, не стоит беспокоиться, — заметила Куратор.

— Это дискриминация! Я что, зря каждый курс по три раза проходил? Вот увидите, я еще буду в числе лучших студентов.

— Думаю, что этим вы произведете фурор, — едко ответила Лиза.

Я мечтательно рисовала в тетради островерхие шпили — именно такой, стремящейся к небу высокими башнями, изображалась столица в журналах. Большинство зданий в центре построили маги — когда-то очень, очень давно, когда они еще правили нашим государством. Для большинства из нас столица была чем-то далеким и недостижимым. Путь туда был довольно долгим и очень дорогостоящим. Если кто-то из соседей отправлялся в столицу, то по возвращению к ним в дом начинались настоящие паломничества любопытных — ведь даже многие из богатых торговцев предпочитали ездить за товаром в ближайших крупный город, Быстрицу.

Я мечтала побывать в столице, хотя мое желание не могло сравниться с тем, как хотел съездить в Тиор Федор. Он грезил столичными библиотеками и учебными центрами и тайком от родителей копил на поездку деньги.

— Не понимаю я, почему вы все такие взбудораженные, — капризно сказала Нана. — Закопались в учебники и не отвечаете, а ведь я уже третий раз предлагаю всем вместе сходить на прогулку! Вчера в городском парке расцвели поздние хризантемы, красота неопишная.

— Нана, это же столица! Столица! — ответил Антиох.

— Я в столицу не хочу, — ответила одноклассница, подхватывая со стола свою сумку. — Мне и здесь всего хватает. Еще чего, сушить себе мозги ради сомнительного удовольствия несколько дней трястись на жукачаре. Кто со мной? Ну, как хотите.

Вечером я брела к Академии, то и дело заглядывая в учебник за первый курс. Мало ли какое задание будет на этих тестах, лучше всего повторить весь пройденный материал. Перестала я перечислять вслух все мышцы человеческого организма только тогда, когда налетела на кого-то. Это оказался Тарас, но, вместо обычного теплого чувства, он вызвал у меня только глухое раздражение. И так времени мало, а он еще мешает готовиться к тесту.

— Таша, — умоляюще сказал Тарас, ловя мой взгляд. — Просто меня за вчерашнее.

— Все хорошо, я тебя уже давно простила.

— Правда? Вот хорошо, я так боялся, что ты обиделась надолго.

Мы пошли рядом, причем я, скосив взгляд вниз, украдкой читала вопросы для самопроверки после главы о мышцах.

— Таша! — окликнул меня Тарас. — Ты слышала, что я сказал?

— Нет, — призналась я.

— Я сказал, что я все уладил в градоправлении, заплатил штраф за сломанный фонарь. Теперь можешь идти в Академию и ничего не бояться. Маги не будут иметь к тебе никаких претензий. Я тебя специально поджидал, чтобы это рассказать. Думал, ты волноваться будешь после вчерашнего. А тебе, кажется, все равно, — с обидой добавил парень.

— Нет, нет, мне не все равно, — поспешила успокоить я его. — Я и правда очень волновалась, просто у меня на днях очень ответственный тест, и он сейчас занял все мои мысли.

— Понятно. А я могу тебя проводить?

— Да, да, — торопливо сказала я, лишь бы только он отвязался.

Но и в Академии мне не дали спокойно поработать. Как только, занеся свое прошение о премиальных проректору, я подошла к подсобке, так тут же обнаружила поджидающего меня Эрнесто. Он стоял у двери, впевив в меня суровый взгляд. Раздосадованная очередной проволочкой, я ответила ему не менее суровым взглядом. Маг нахмурил брови. Ха, я тоже так умею!

Соревнование по метанию взглядов продолжалось еще несколько минут, и Эрнесто его

бездарно проиграл. Конечно, ведь у него, скорее всего, не было двух шкодливых братьев и он наверняка никогда не попадал в ситуацию, когда одним Очень Суровым Взглядом требовалось высказать всю бездну переполняющих тебя отрицательных эмоций.

— Здравствуй, Кнопка, — сказал он совершенно нормальным тоном.

— И вам здравствуйте, господин маг.

— Ох, опять эти церемонии! Ведь мы же вроде как решили быть друзьями?

— Что-то мне кажется, что друзья молниями друг в друга не кидаются, — резковато ответила я, распахивая двери подсобки и начиная намеренно шумно греметь инвентарем.

— Это было по-дружески, — не смутился Эрнесто. — Я же не попал.

— А если бы попал? По-дружески бы смел остатки в совочек?

— Что-то ты сегодня не в духе, — примиряющее сказал маг. — С женихом поругалась?

— Вас это не касается, — сообщила я.

— И ни слова благодарности за то, что я вам обоим вчера помог! — воздел руки к небу Эрнесто. — Можно сказать, спас ваши шкуры!

— Чтобы потом в них молниями бросаться. Спасибо, конечно, большое.

— Вот как? — собеседник презрительно искривил губы.

Я немного помолчала, глядя на затоптанный пол — маги категорически не желали вытирать ноги о тряпочку, заботливо подстеленную мной у двери.

— Я действительно благодарна вам за помощь, Эрнесто, — наконец сказала я искренне. — Вы спасли не только меня и Тараса, но и дома, которые могли загореться. С нашей стороны было очень невежливо отвечать вам грубостью и неуважением, вынуждая вас к принятию крайних мер в виде применения магии.

— Немного не то, на что я рассчитывал, — пробурчал маг, — но сойдет.

— Скажите, — любопытствовала я, — как вы так быстро оказались рядом с нами?

— Хо! — самодовольно сказал Эрнесто. — Я же маг! Я чувствовал, что случится что-то плохое!

— Скажите, — очень робко попросила я, — а как я сдам тест?

— Это уже платная магическая услуга, — было сообщено мне. — Ты все же желаешь узнать?

— Нет, — сказала я, ожесточенно наматывая тряпку на швабру. — Я лучше бесплатно подготовлюсь.

— Хорошая идея, — одобрил Эрнесто и прислонился к стене, наблюдая за моей работой.

В тот вечер я так и не рискнула спросить его, а правда ли то, что маги слабеют из поколения в поколение? Ведь количество выплачиваемых премиальных еще ничего не говорят.

Парню скоро надоело созерцать однообразные действия и он ушел, а я, вздохнув с облегчением, приступила к повторению материала. Ведь это маги могут кататься в столицу на своих жукачах хоть каждый день, остальным приходится эту привилегию зарабатывать своим трудом.

В день теста меня разбудил Федор. Таким возбужденным я его еще не видела.

— Вставай, сестра, одевайся быстрее!

— Что такое? — сонно спросила я. — Неужели я проспала?

— Нет, не проспала, но там такое на улице, такое!

— Что случилось?

— Маги поймали чудище, которое девушек с улиц крало. Сейчас будут на главной площади показывать!

— Откуда ты знаешь? — пока Федор стоял, скромно отвернувшись к стене, я быстро натягивала одежду.

— Флору только что сообщили! У его приятеля отец в городской страже работает! Бежим! Ну, быстрее шевелись!

Я бросила взгляд на часы. Так, пока мы добежим до площади, да пока взглянем — если



даже мельком, пока я добегу до Колледжа, то... безнадежно опоздаю на тест.

— Ну, Ташка! — Федор от нетерпения подпрыгивал на месте. Сейчас он как никогда был похож на мальчишку своего возраста, на не на умудренного знаниями и опытом старца, которого обычно из себя изображал.

— Ты, брат, наверное, беги, — каждое слово давалось с огромным трудом. — А я на тест пойду. Как раз позавтракать успею.

— Ты что? — поразился Федор. — Ты не хочешь посмотреть на чудище? Ведь... ведь они же потом его на глазах у всех уничтожат будут магическим способом. Ташка, да это же событие десятилетия! Говорят, при поимке несколько магов погибли! Ташка!

— Я не пойду, — я крепко зажмурилась, чтобы Федор не увидел, как в моих глазах желание попасть на зрелище борется со стремлением попасть на тест. Пусть лучше брат думает, что таким целеустремленным девушкам, как я, неведомы сомнения на пути к цели. — У меня тест. Если я его отлично напишу, то попаду на аптекарский семинар. А это очень для меня важно.

— Ташка... — прошептал брат, глядя на меня. Что было в его взгляде, я не успела разобрать, потому что уже через несколько мгновений он вылетел из квартиры, даже не потрудившись захлопнуть за собой дверь.

А я поела, тщательно пережевывая каждый кусочек, словно боялась, что он застрянет в горле и пошла на тест, стараясь сохранять спокойствие.

В аудитории нас было всего немного — трое знакомых из выпускного курса и двое ребят из курса помладше. С нашей группы там был только Антиох и, как ни странно, Леопольд. За преподавательским столом сидел незнакомый мне экзаменатор, равнодушно просматривающий бумаги.

— А, Таша, — сказал Антиох. — Я так и думал, что тебя чудище не прельстит.

— Привет, — ответила я. — Вижу, тебя тоже.

— Нет, — скривился Антиох. — Но я же — староста, мне положено быть лицом нашей группы. Вон, староста выпускников тоже пришел.

— Какое чудище? — вмешался Лео. Выслушав объяснение, он застонал, уронив голову на руки: — Проклятый Таракан! А я не знал! То-то я смотрю, на улицах народу нет. А мои родители ушли, заразы, и даже не предупредили!

— А ты чем был занят утром? — любопытствовала я. Мои младшие, проходимцы, наверняка успели занять лучшие места на площади, потому что, когда я заканчивала завтрак, на улице был уже такой шум, что не услышать его было практически невозможно.

— Учился, — ответил Леопольд с таким лицом, будто утром жестоко мучил любимую кошку.

— Все явились? — спросил экзаменатор кисло. — Рассаживайтесь и берите тесты.

Когда я просмотрела первую страницу, то облегченно вздохнула. Слава Подкове, все было не настолько трудно, как я думала. Сидящий за соседней партой выпускник так рьяно строчил в своих заданиях, что грифель протестующее скрипел. Сзади Леопольд под нос тихонько мурлыкал похоронный марш. Привычная мелодия, раздающаяся за моей спиной на всех контрольных и экзаменах, успокоила меня еще больше, и я принялась отвечать.

— Работайте тихо, — велел экзаменатор и вышел, заперев дверь.

— На чудище побежал смотреть, — завистливо прошептал кто-то. — Наши-то все там, даже преподавателей нет, а ведь комиссия должна была быть большая.

— Так это же прекрасно, что он ушел! — бодро сказал Леопольд и чем-то зашуршал.

Я обернулась. Одногруппник доставал из-под куртки стопки шпаргалок. Каких видов у него только не было — и сложенные, и скрученные, и просто записи, и схемы, и рисунки, и даже порошки в конвертиках.

— Успокоительного? — поинтересовался одногруппник.

Я отрицательно помотала головой.

— Ну, а я, пожалуй, приму, — он развернул несколько пакетиков, смешал все в одну кучу и слизнул. Скривился — горько.

— А что еще, кроме успокоительного, есть? — робко поинтересовался кто-то из младшего курса.

— Несколько видов стимулирующих препаратов, а так же — вот, от сердцебиения, давления и при обмороках.

— Последнее зачем? — не удержалась я от вопроса.

— Как зачем? А если я распереживаюсь и упаду в обморок? — возмутился Лео. — На вас понадейся, чем-то таким напичкаете, что еще шерстью покроюсь. Нет, заботиться о себе нужно самому.

Случай покрытия шерстью у нас действительно был. У одного из младшекурсников, рискнувшего попробовать собственное экспериментальное зелье, резко увеличился волосяной покров. За неделю — полторы студент весь покрылся приятным на ощупь, мягким пушком. Бриться жертва науки категорически отказывался, уверяя, что зимой так гораздо теплее. Теперь он был местной знаменитостью и любимцем девушек, уверявших, что он действительно «мягкий» и «теплый». Преподаватели тщетно просили студента избавиться от лишних волос, аргументируя это тем, что он позорит лицо Колледжа. Но младшекурсник плевать хотел на Колледж, потому что усовершенствовал зелье и теперь задорого продавал его лысым.

— На самом деле я рассчитывал на нервных девиц, — признался Лео, пряча порошки и начиная копаться в шпаргалках. — Ну ничего, продам снадобье первому курсу.

— Тихо, — шикнул выпускник. Его грифель все-таки сломался и он раздраженно копался в сумке.

Я уже заканчивала отвечать на тест, когда бегом вернулся экзаменатор, преподаватели так и не явились. Он уселся за стол, стараясь отдышаться. Через несколько минут в дверь начали стучать и в аудиторию то и дело просовывались знакомые лица студентов.

— Тест уже заканчивается. Приходите в следующем году, — важно отвечал экзаменатор, вытирая со лба пот.

— Время истекло, — наконец, объявил он.

Бросив писать, мы тут же помчались в коридор, узнавать новости у друзей. Нас встретили аплодисментами. Под всеобщий смех Леопольду на шею повесили наспех сделанную из тетрадного листа медаль "Отличник учебы".

— Ну вас всех! — засмутился Леопольд, сдвигая с себя знак отличия, но, тем не менее, осторожно пряча его в карман. — Лучше расскажите, как оно все было?

— Эх, ребята, вы столько потеряли! — возбужденно рассказывали нам. — Это было такое зрелище! Почти весь город собрался посмотреть! Маги устроили такое зрелище!

Чудовище, по словам рассказчиков, было огромным, с длинным зубастым клювом и покрытое перьями. Крылья заканчивались большими когтями. Чудо-птицу, опутанную цепями, с трудом удерживало пять здоровенных стражников. Невиданное ранее существо умело воздействовать на сознание человека, поэтому его никто не видел. Более того, оно в течении нескольких минут сопротивлялось огненным шарам и молниям, которыми его осыпали маги.

— Некоторые, самые слабые даже в обмороки попадали! — размахивая руками, делился впечатлениями мой одноклассник Василий.

— Ты тоже упал, — заметил его друг Никола.

— Да, упал, — с досадой признался Вася, осторожно щупая на лбу шишку размером с кулак. — Потому что на меня свалилась жирная туша. Можно подумать, ты бы устоял.

— Вася, — поправил его Антиох. — Будущий аптекарь должен быть терпимым к людям. Ты бы мог сказать "Женщина крупной комплекции".

— Во-первых, — мрачно сказал соученик, — это была не женщина, а мужчина. А во-вторых, если бы он на тебя упал, ты бы не только сказал "жирная туша", но еще бы кое-каких эпитетов добавил.

— А потом, — продолжал Никола. — Такая вонь поднялась, что к обморокам прибавилось еще много чего. Всем нам круто не повезло, потому что пришлось зрителям

помощь оказывать. Безвозмездную, эх...

— Так что мы не много и потеряли, — подытожил один из выпускников, бывший с нами на тесте.

— Нет, до птицеубийства было все очень интересно. Да и во время тоже, ты вот когда-нибудь видел, как маги работают? Это такое зрелище, как в сказках просто! А вот потом, да, потом было уже не так интересно...

— А где все наши преподаватели? — спросила я.

— Труп делят, вдруг на что-то пригодится. На яды, например. А нас прогнали, — с обидой сказал Вася. — Вот бы хоть частичку получить... я бы показал кое-кому...

Рядом сочувственно захмыкали. Васина любимая недавно пополнила ряды почитательниц «мягкого» и «теплого» студента, и мой одноклассник вынашивал злое планы мести, которые разбивались о его нерешительность.

— Я — домой, — объявил Лео. — Преподавателей ждать не буду.

Коридор быстро опустел — кто-то ушел домой, кто — в лечебницу или библиотеку, часть вернулась на площадь, в надежде подобрать остатки птицы или просто поглазеть.

Я нашла свободную аудиторию и занялась учебой, мыслями то и дело возвращаясь к пойманному чудищу. В наших лекарствах часто использовались компоненты иномирского происхождения. Вот если бы мне достался кусочек птицы! Я бы придумала, как его использовать. В тщеславных мечтах я унеслась в светлое и богатое будущее самой популярной аптекарши города, а может быть даже региона.

Но реальность, увы, состояла в том, что кусочек птицы должен быть совсем не кусочком, а кусочиком — пока исследую его свойства, пока изобрету лекарство, пока проведу испытания... Мда. Будем пользоваться тем, что есть.

По возвращению домой у подъезда меня встретили братья, которым не терпелось рассказать о том, что они видели.

— Как вы? — спросила я. — Плохо не было?

— Не, — ответил Флор, крайне довольный собой. — Мы это... абс... Федор, скажи.

— Абстрагировались.

— Да, абст... короче, отрешились от происходящего, наблюдая за всем как бы со стороны и стараясь не приниматься.

— Молодцы, — похвалила я.

— А, пока не забыл. Ты сегодня в Академию сходи пораньше, — предупредил Федор.

— А что такое?

— У них же маги погибли, может, они тебя не пустят. Ты знаешь, как у них там траур проходит?

— Не знаю.

— Поэтому сходи пораньше. Вдруг они там ночью что-то делают такое, что другим видеть нельзя, — зловещим голосом сказал Флор.

Я содрогнулась. Три года проработав на магов, я практически ничего не знала ни об их жизни, ни об их привычках, и тем более — об их тайных обрядах. Поэтому возразить братцу мне было нечего.

— Они, наверное, не сталкивались раньше с такой тварью, вот и не знали, чего от нее ожидать, поэтому и погибли, — сказал Федор. — Меня интересует другое. Откуда она в нашем мире? Если был Прорыв, то почему никому об этом неизвестно?

Я ответила на вопросительный взгляд брата пожатием плеч. Я о Прорыве ничего не слышала, хотя, если он случался даже на другом конце государства, в известность сразу же ставили всех аптекарей, в том числе и студентов старших курсов. Иногда бывали случаи, когда тамошней духовной академии требовалась помощь, и тогда все вместе — и аптекари, и маги — срочно отправлялись к месту Прорыва. Вот почему Аптекарские Колледжи всегда строились рядом с Духовными Академиями — и всегда в глухой провинции. В центре государства Прорывов практически не случалось, да и аптекарей, и магов там и так хватало. Мои размышления прервал Флор, который заново переживал утренние события.

— Они это чудище огненными шарами! Бах! Бах! Вот это было зрелище! Они вот так, молнией! А она... — Фрол взмахнул рукой и попал мне по носу.

От неожиданной острой боли на глаза навернулись слезы.

— Вот теперь, сестра, ты ничего не потеряла, не пойдя с нами, — сказал Федор. — Увечье получила, считай, что тебя в толпе стукнули, все остальное в красках рассказали.

— Спасибо, — прогундосила я. — Я бы уж как-нибудь бы обошлась без этих впечатлений.

— А у меня вот что есть, — тихонько сказал Федор, когда у меня из глаз перестали течь слезы.

Он достал из-под куртки что-то завернутое в толстый шерстяной свитер. Это оказалось два длинных, мне от ладони до локтя, серых пера. Кромки перьев были острыми.

— Ты осторожно, — испугалась я. — Вдруг они ядовитые!

— Не волнуйся, — солидно сказал брат. — Я принял все необходимые меры. Это же свитер маминой вязки, он же даже под дождем не промокает!

Наша мама практически не выходила из дому. Она днями сидела в кресле-качалке, и, что-то мурлыча, вязала свитера. Их Флор потом успешно продавал на рынке — с нас с Федором торговцев так и не получилось.

— Зачем они тебе? — спросила я у брата, прячущего свое сокровище.

Он пожал плечами:

— Не пропадать же добру. Эти перья с птицы разлетелись, когда маги ее начали огнем поливать.

У дверей Академии меня ждала тетя Роза, считавшаяся начальницей над остальными работниками — она убирала жилые помещения магов, что считалось огромной привилегией. В руках она держала охапку темно-бордовых траурных ленточек.

— Развесишь по коридорам, — велела тетя Роза. — И на неделю нам всем дают отпуск.

— Отпуск? Вот это здорово! — обрадовалась я. Любая работа, если ей занимаешься изо дня в день три года без выходных, надоедает.

— Только не вздумай там, — главная уборщица махнула головой в направлении корпуса, — свою радость показывать. У них там траур. Лицо сделай грустное, ясно?

Я кивнула, старательно придавая лицу требуемое выражение. Ради отпуска можно и постараться.

Сегодня в Академии было очень шумно. Маги бродили по коридорам, переговариваясь вполголоса, откуда-то раздавался плач. Я, стараясь быть как можно незаметнее, развешивала на специальных крючках ленточки, размышляя, как долго еще будут маги мешать мне мыть полы. Сегодняшнюю работу никто не отменял, а подвергать магов опасности скользким полом еще раз мне очень не хотелось. Злые и несчастные, они могли мне такого не простить. Пришлось пережить повышенную магическую активность в подсобке, мне даже удалось немного подремать, уложив голову на сумку с чистыми половыми тряпками.

Меня разбудили громкие вопли и грохот в дверь.

— Кнопка! Кнопка! Я же знаю, что ты здесь! Немедленно открывай! Кнопка!

Я испуганно сжалась в комочек. Я боялась пьяных людей из-за из неадекватности, но с пьяным магом мне вообще никогда не приходилось сталкиваться! Стараясь дышать как можно тише, я молилась про себя, чтобы Эрнесто ушел.

— Кнопка! — рычал он под дверью. — Открой!

"Меня здесь нет! Меня здесь нет!"

— Я знаю, что ты здесь, — почти трезвым голосом сказал Эрнесто. — Я тебя чувствую!

"Пьяным, как и умалишенным, лучше не перечить. Выломает дверь, а мне потом ущерб оплачивать. Или еще хуже — взорвется. Ведь нельзя же магам терять концентрации!" — подумала я и открыла двери. Молодой маг сидел на полу, то и дело прихлебывая из большой бутылки.

— Вы не... вы не взорветесь, — спросила я, выглядывая из подсобки, но не решаясь

выйти в коридор.

— Почему я должен взорваться? — Эрнесто меланхолично рассматривал содержимое бутылки на свет от коридорной лампы.

— Магам ведь нельзя терять концентрации, — напомнила я.

— Это я и без тебя прекрасно знаю. И что?

— Алкоголь еще никому не помогал концентрироваться, — сказала я тоном строгого лектора.

— Угу, — маг сделал несколько глотков. — Да только я, маленькая уборщица, сейчас практически пуст. Поимка артынки выжала меня практически насухо. Так что взрываться нечему. Выпьешь?

— Нет, — решительно отказалась я. — Я не пью.

— Совсем?

— Совсем.

— Ну, а если я прикажу? — бутылка взлетела в воздух и ткнулась мне в лицо.

Я тщетно пыталась отмахнуться. Вскоре мое платье было покрыто россыпью темно-красных винных брызг. Маг пьяно хохотал, и в восторге лупил руками по коленям. В конце концов, забава ему надоела и щелкнув пальцами, он вылил мне на голову все вино. Задыхнувшись от неожиданного унижения, я ладонями вытирала лицо.

— Это даже лучше, — решил Эрнесто. — Теперь ты вся в вине. Мокрая. А тут холодно, холодно... Надо раздеться, а то простынешь.

Я почувствовала, как подол платья начал медленно подниматься.

— Перестаньте, пожалуйста, господин маг! — взмолилась я. — Зачем вы это делаете?

— Потому что вы, людишки, плодовиты без меры. И ничто, ничто вас не берет! — выкрикнул Эрнесто. — Почему же тогда мы, маги, вымираем, а? Ты знаешь? Нет? И я не знаю! Никто не знает! А сегодня, чтобы поймать артынку, полегло трое наших. Трое! Против ваших двадцати! Подумаешь, птичке есть захотелось! Трое молодых магов, Кнопка, это такое горе для нас всех! И для меня... Они были моими друзьями. А погибли, спасая ваш никчемный род.

— Почему — никчемный? — осторожно спросила я. Руки были противно липкими, а мокрое платье неприятно холодило кожу.

— Потому что любой из вас заменяем. А мы — уникальны.

— Конечно, — согласилась я, не желая спорить.

— Вот, — назидательно поднял палец Эрнесто и вдруг жалобно попросил: — Утешь меня.

В это мгновение он так напомнил мне братьев, что, поддавшись безотчетному порыву, я присела рядом и прижала его голову к своей груди.

— Ну-ну-ну, — прошептала я. — Друзей терять тяжело, я знаю. Эта боль навсегда останется с тобой, но постепенно утихнет.

— Они были больше, чем друзья, они были мне братьями, — глухо сказал маг, и надолго замолчал, пытаясь справиться с собой.

Плечи его изредка вздрагивали, он тяжело вздыхал. Я гладила его по плечам и голове, пальцы путались в густых волнистых волосах, я осторожно освобождала их, стараясь не причинять молодому человеку лишней боли. В конце концов Эрнесто овладел собой, резко дернулся, так что я не удержалась на корточках и больно ударилась копчиком, упав назад.

— Так ты согласна меня утешить? — спросил он, и от его тона у меня по спине побежали мурашки.

Все что я успела сделать до того, как массивная фигура мага угрожающе нависла надо мной, так это отползти назад.

— Как нужно утешать мужчину, ты знаешь, Кнопка?

— Вы пьяны, — прошептала я. — Держите себя в руках.

— Кнопка, Кнопка... — в лицо мне пахнуло перегаром. Этим маг нечем не отличался от остальных мужчин, а значит...

Слегка качнувшись назад, я со всей силы ударила его головой в лицо. Эрнесто завыл схватившись за нос, из которого так и брызнула кровь. Он отшатнулся, и я со всей силы ударила его ногой. Куда — не знаю, не было времени рассматривать. Схватив в подсобке куртку, я побежала на улицу. Обойдутся эти... маги... сегодня и без мытых полов. А если припечет, пусть просят Таракана. Он своих верных последователей без внимания не оставит.

Когда несколько лет живешь в трущобах, где маленькие девочки являются лакомой добычей для разного рода извращенцев и сутенеров, поневоле учишься двум вещам: по возможности не попадаться негодяям на глаза, а в случае необходимости отстаивать себя, жестоко и решительно. Когда изо дня в день носишь по этажам тяжеленные ведра с водой, тело само наливается силой и упругостью. У пьяного и обессиленного мага не было никаких шансов.

Но мне было очень гадко. Как будто меня облили не вином из магических подвалов, а помоями. О, как же я хочу поскорее стать уважаемой аптекаршей и никогда больше никому не подчиняться!

Тарас ждал меня, прислонившись к остаткам сломанного им фонаря. С поимкой артынки нужна провожать меня как будто отпала, но мне было очень приятно, что кузнец меня ждет.

Увидев, как я сбегая по ступенькам, простоволосая, спешно накидывающая куртку, Тарас подскочил ко мне в несколько прыжков, рывком сдергивая с шеи шарф.

— Что? Что случилось? — спросил он, накрывая мою голову теплым шарфом и снизу вверх заглядывая мне в глаза. — Я здесь, я защищу тебя от любого.

— Ничего страшного, — сказала я, старательно выдавливая в себе желание стать маленькой, хрупкой и беззащитной женщиной и наябедничать "это он, он, сделай теперь ему больно!" — Просто маги напились...

— Они приставали к тебе? — взгляд Тараса стал колючим, а рука по-хозяйски сжала мое плечо.

Я покачала головой. Мы — люди, они — маги. Я и так сгладила эту границу, не покорно отдавшись пьяным приставаниям, а постояв за себя. Смотреть на магов как на близких небожителей с каждым днем становилось все тяжелее.

— Пойдем, — заботливо сказал кузнец. — А то еще простудишься.

— Пойдем, — кивнула я, давая себя увлечь за руки вдоль по улице.

Возле моего подъезда Тарас серьезно сказал:

— Таша, я часто сам бываю не прав, и я заранее прошу прощения за все мои промахи. Но если тебя будет кто-то обижать, то я... я не знаю... я его... как фонарь, поняла!

— Ага, — рассмеялась я. — Лом будешь с собой все время носить?

— Да я и без лома могу, — приосанился Тарас. — Показать?

— Не надо, я верю, — улыбнулась я.

— Теперь у тебя хорошее настроение! — искренне обрадовался молодой человек. — Меня это радует! Пойдем завтра просто погуляем? Ты ведь выходная?

— Хорошо, — решила я после недолгого раздумья.

Тарас расцвел улыбкой, чмокнул меня в щеку и ушел, мурлыча веселую песню. Шарф он так и не забрал, и я стояла у дверей, вдыхая мужской запах, перемешавшийся с запахом вина с моих волос. Это было необычно, как же как и хитрая пляска, в которую последнее время с подачи Таракана пустилась моя до недавнего времени размеренная жизнь.

## Путешествие в никуда, или О переломах

Сегодня был один из самых счастливых дней в моей жизни — я ехала в столицу. Я, выпускник по имени Лаврентий и, как ни странно, Леопольд, были теми тремя счастливицами, которые отправлялись на аптекарский семинар в Тиор. С нами вместе ехал толстенький экзаменатор со столицы, который и проверял наши работы.

— Я вас умоляю, ведите себя хорошо! — уговаривала нас Куратор Лиза, но смотрела

при этом только на Лео.

— Куратор, как вы можете в нас сомневаться! — искренне возмутился мой сокурсник.

— После того, Леопольд, как вы стали одним из трех лучших студентов Колледжа, я вообще не знаю, о чем думать. Вот уже несколько дней я сомневаюсь в основах мироздания.

— Я даже не знаю, как воспринимать ваши слова, — весело сказал Лео, — как комплимент или как надругательство над моим несомненным аптекарским талантом, который вы наконец-то рассмотрели.

— Это не я его наконец-то рассмотрела, а вы его наконец-то проявили, — заметила Лиза. — Еще раз прошу, ведите себя хорошо. Не позорьте лицо нашего Колледжа. Ясно? Иначе вас будут ждать всякие сюрпризы.

— У-у-у, Куратор, — испугался Лео. — Сколько лет вас знаю, а вы до сих пор на меня наводите ужас. Я обещаю вести себя хорошо и за этими двумя присмотреть. Поняла, Ташка? Поход по борделям отменяется!

— Как-нибудь переживу, — ответила я, очень стараясь сдержать улыбку, которая так и норовила вылезть на мое лицо с того самого момента, как я узнала, что еду! Еду!!! В столицу!!!

Кроме нас, на молодой жукачаре, поданном к воротам территории Колледжа, уже сидело около двух десятков аптекарей. Некоторых я знала, а некоторые, судя по всему, прибыли из ближайших городков. Свободными на жукачаре оставались лишь места на крыльях возле головы, на которой сидел управитель. Жукачара нервно перебирала длинными черными усами, а в огромных фасеточных глазах радугой отражалось яркое осеннее солнце.

— Грузить твою сумку? — спросил едва не плачущий от зависти Федор.

Рядом мрачный Флор гладил жукачару по хитиновому боку. Конечно, братья были за меня рады, но при этом были свято уверены, что им такая поездка намного нужнее. Да вот только в школах такие тесты не проводились и счастья поездки в столицу им придется ждать еще долго. К тому же я поручила братьям во время моего отсутствия мыть полы в Академии, строго-настрого запретив появляться магам на глаза.

— Не нужно, я ее сама погружу, сумка легкая, — подумав, ответила я. С братьев станет тайком остаться на жукачаре, поэтому лучше их туда не допускать.

Сумки ставились в специальную нишу под сидением. Свою любимую сумку с необходимой аптечкой я повесила на шею — опыт путешествия на больших жуках подсказывал мне, что она может пригодиться. Мы с Лео сели рядом, я тщательно пристегнула все имеющиеся ремни безопасности, и он, едва ли не единственный, последовал моему примеру.

— Пусть сопутствует вам Подкова, — пожелала Куратор Лиза.

Управитель выставил перед носом жукачары кусок сахара размером с мою голову, подвешенный на длинном пруте, и мы поехали. Ход у жукачары оказался очень плавным, и если бы не пролетающие мимо здания и бьющий в лицо ветер, можно было подумать, что я просто сижу в кресле-качалке.

— С сидений не вставать, по надкрыльям не ходить, — вслух процитировал Лео инструкцию по поведению на жукачарах. — Ты, случайно, не знаешь, сколько было жукакатастроф?

Я пожалала плечами. Жукачары считались самым быстрым и безопасным средством передвижения, которым пользовались повсеместно с тех самых пор, как эти огромные флегматичные жуки двести лет назад проникли в наш мир во время Прорыва. Теперь жукачар разводили на специальных фермах, были выведены различные породы — гончая, грузовая, пассажирская. Опасность представляло лишь путешествие на старой, хромой и к тому же переполненной жукачаре, которые в большом количестве курсировали между селами. Однако, самое страшное, что угрожало их пассажирам — свалиться с крутого бока в дорожную пыль и грязь. В таком случае жукачару останавливали, благо, эти заслуженные пенсионеры уже еле ползали, потерявшегося поднимали, отряхивали от пыли и все продолжалось до нового падения.

— Я еще никогда не ездил на жукачаре, — признался Лео. Руками он крепко держался за подлокотники сидений, на бледном лице не было ни кровиночки.

— Все будет хорошо, — мягко сказала я, — знаешь, когда я ездила в Козево навещать родных, то у нашей жукачары не было двух лап. И ничего, доехали. Правда, у меня потом вся пятая точка болела, отбила на сидении.

— А куда делись ее лапы? — спросил Лео, немного расслабляясь.

— Насколько мне известно, их съел ее хозяин. По пьяни, на спор. Сырыми.

— Сырыми? — скривился сокурсник. — Это же противно.

Мясо жукачар было очень вкусным и относительно недорогим удовольствием. Только вот сырым оно имело очень специфический запах, который заставлял большинство переплачивать втридорога и покупать уже готовое блюдо.

— Если его есть очень пьяным, — возразила я, — то, наверное, не очень противно.

— Да ладно. Я тебе как опытный выпивоха заявляю — невозможно напиться до такой степени, чтобы с удовольствием есть сырое мясо жукачары!

Главная цель этого разговора мною была достигнута. Лео позабыл про свои страхи, отпустил подлокотники и расслабился, вовсю увлекшись обсуждением глупых поступков, которые совершают пьяные люди. Благо, информации по этой теме у нас обоих было предостаточно. К аптекарям иногда приходят люди с такими проблемами, что остается только диву даваться, как пострадавшему такое могло прийти в голову!

Мы отъехали уже довольно далеко от города, как вдруг над нашими головами раздался оглушительный шум. Удивленно подняв голову, я увидела, как на нас с неба пикирует огромная пернатая туша.

— Что это? — хотела было закричать я, но не получилось — моментально пересохшее горло издало только невнятный хрип.

У всех людей ужас проявляется по-разному. Кто-то замирает, кто-то кричит, кто-то бежит. Кричащих у нас оказалось большинство. В том числе и жукачара. Я никогда не слышала, чтобы эти насекомые издавали такие звуки — как будто огромный мел скрипит по классной доске. От этого звука заныли зубы, а в мозгах затрезвонили колокольчики.

Жукачара резко дернулась в сторону, уходя от когтистых лап чудища. Меня в кресле мотнуло так, что показалось, что голова осталась где-то позади, не успевая догнать тело, только уши каким-то чудом слышали, как рядом монотонно бормочет Лео:

— Мама, мама, мама, мама...

Наше транспортное средство полностью отдалось инстинктам, совершенно игнорируя что-то вопящего управителя, лупившего жукачару дубинкой по голове. Забыв, что крылья ей обрезали под корень еще в детстве, огромный жук дрогнул надкрыльями. Раздался треск сдерживающих их канатов и надкрылья резко разошлись в стороны. Мое сиденье оторвалось, и я полетела куда-то в лес, успев только закрыть глаза.

Это неправда, когда говорят, что перед смертью у всех проносится вся жизнь перед глазами. В те секунды, пока длился мой полет, я размышляла о том, насколько мне будет больно и как долго будет длиться агония.

Все оказалось значительно хуже. Никакая подготовка, будь ты трижды прославленным лекарем, который сталкивается в лечебнице с самыми страшными травмами, не поможет, когда больно лично тебе. Когда боль вливается во все тело огромным раскаленным штырем, когда не возможно удержаться от крика, а из глаз ручьем текут слезы. Когда твое тело вопит и требует одного: "сделай же что-нибудь! Сделай! Мне больно!", а мозг нестерпимо медленно соображает, с тебя слетают любое воспитание, любые чувства, любые желания, оставляя только одно — чтобы это наконец-то прекратилось.

"Успокойся!" — приказала я себе, когда первый приступ паники утих. — "Открой глаза и определи, что с тобой. Тебе никто не поможет, кроме тебя".

Прокусив губу, чтобы новая вспышка контролируемой боли помогла сосредоточиться, я осмотрела себя. Перелом левой руки — раз. Трещины, а то и переломы ребер — два. Глубокие кровоточащие царапины на ногах — три. Кровь течет по лбу, но кажется, череп



цел. Все не смертельно. Не смертельно. Не смертельно. Спокойно. Только спокойно!

Я не знаю, то ли это Таракан не доглядел, то ли Подкова помогла, но пролетев на сидении через колючий кустарник (привет царапинам), я левой рукой затормозила о дерево (в ней хоть одна кость целая осталась?), а правая была все время инстинктивно прижата к груди, придерживая сумку с драгоценностями — деньгами, документами и, конечно же, слава Подкове, моей аптекарской сумкой.

Выпутаться из ремней безопасности одной рукой оказалось довольно тяжело. Но я спешила — до того момента, когда меня настигнет посттравматический шок, оставалось мало времени, нужно было с максимальной пользой использовать остатки адреналина в крови. Торопясь, распотрошила сумку, высыпала в рот несколько порошков, уже трясущейся рукой помазала лоб мазью и... все...

Трясаясь и шатаясь, с расплывающимися перед глазами разноцветными кругами, стуча зубами, я пыталась отойти как можно дальше от дороги, с которой до сих пор доносились вопли и страшный треск. Конечно, умом я понимала, что мне, как аптекарю, нужно было забыть про собственные беды, что мой долг — помогать людям, тем более раненым людям, но все мое существо противилось этому. Только от мысли о том, что мне там будет больнее, что меня ранят, становилось так страшно, что ноги сами несли меня прочь.

— Ох, — застонал кто-то у меня под ногами.

Я опустила глаза вниз и без сил опустилась рядом с лежащим на опавшей листве Леопольдом, безучастно поинтересовавшись:

— Живой?

— Угу. А ты?

— Тоже. Я-то думала, что за десять лет обучения в аптекарском Колледже ты усвоил, что ходящий человек — живой.

— Решил уточнить, — пробормотал Лео. Мое сознание то уплывало, то возвращалось, а руку будто медленно превращали в фарш, отщипывая по кусочку. Звуки на дороге то взрывались в голове яркими до рези в глазах цветами, то доносились, как сквозь вату.

— Таша, — слабо позвал сокурсник, — ты не думай о тех, кто там, на дороге. Первое правило выживания — спаси себя в первую очередь. Чем ты им поможешь?

— Я не знаю, — простонала я. Во мне боролись желание выжить и чувство долга, разрывая меня на части. — Но у меня же есть лекарства, вот, нашла, даже обезболивающее еще осталось. Открывай рот, сейчас я его тебе отдам.

— Немедленно выпей его сама! — приказал Лео. — О себе надо думать. Я и так уже, считай, покойник.

— Не говори глупостей, — отрезала я тоном, которым обычно разговаривала с братьями, когда они начинали нести чушь.

— У меня вена на ноге разорвана, — скучным голосом сказал парень.

Я встrepенулась, усилием воли отгоняя дурноту. Какой же из меня аптекарь, даже не удосужилась спросить, что с моим другом!

— Я жгутом перевязал, — пробормотал соученик, облизывая пересохшие губы. — Но два часа... и все... отрезать... или...

— Тшшш, — успокаивающе сказала я. — Нас спасут. И ты не умрешь.

Лео слабо улыбнулся.

— Знаешь, а я никогда не думал, что умру вот так. Грустно. Я столько еще не успел сделать... так глупо жил... столько времени зря тратил... эх...

Во время своей практики в лечебнице я неоднократно выдела умирающих, находящихся в сознании. И все они сожалели о том, что прожили жизнь не так, как нужно было. То ли зря тратили время, то ли обижали близких, то ли занимались тем, к чему не лежит душа. И у всех, у всех было одно желание — вот если бы им свыше дали еще один шанс! Как бы тогда они прожили свою жизнь — интересно, ярко, полезно! Я не знала, что отвечать на такое. Возможно, умирая, я тоже буду плакать и сожалеть о своей не правильно прожитой жизни, но сейчас мне казалось, что я живу правильно.

— Все будет хорошо, — наконец сказала я.

Лео молча протянул мне руку. Я переплела свои пальцы с его и мы замерли в молчании.

Сколько так времени прошло — я не знаю. Время то замедлялось, то летело, как гоночная жукачара. Очнулась от своего болезненного забвения я только тогда, когда меня по щеке ударила чья-то ладонь:

— Подъем, Кнопка. Чего разлеглась?

Я несколько раз моргнула, чтобы смахнуть с ресниц слезы и уставилась на склонившегося ко мне Эрнесто. Его волнистые волосы были растрепаны, в них застряли сучки и листья, лицо украшал свежий порез. Прежде безукоризненная форма носа была испорчена, переносица была опухшая. Неужели нельзя это было вылечить магическими методами?

— Лео? — прошептала я.

— Нет, это Эрнесто.

— Лео жив? — я пошевелила правой рукой, но холодные пальцы сокурсника не дрогнули в ответ. Сердце сжала такая боль, будто на грудь надели тугой обруч.

— Вставай, — сказал маг нетерпеливо.

Тело настолько затекло, что попытка пошевелиться отозвалась резкой болью.

— Я не могу встать, — хрипло призналась я.

— Что, решила закончить свою жизнь на холодной земле? — Эрнесто быстро высвободил мою ладонь из руки Леопольда. Рядом с моим другом в задумчивости стоял еще один молодой маг. С его ладоней срывалось теплое зеленое сияние. — Помирать, маленькая уборщица, надо дома, на кровати, в окружении детей и внуков.

Те три дня, которые мы не виделись, для моего неудачного насильника явно прошли нелегко: под серо-зелеными глазами были большие синие круги, щеки впали, а нос заострился. Не ел он все это время, что ли? Хотя в насмешливой улыбке, которая гуляла по полным губам, не было ни капли раскаяния за свои поступки. Впрочем, что это я? Неужели я хочу, чтобы он упал передо мной на колени прямо в осеннюю грязь и попросил прощения? Глупости. Мне вообще все равно, что он там себе думает.

Я снова посмотрела на Лео. По его мертвенно-бледному лицу ничего определить было нельзя. Грудная клетка, кажется, не поднимается, но у него может быть поверхностное дыхание!

— Да жив твой дружок, жив. Подъем, — решительно сказал маг и потянул меня за обе руки.

Ломанная левая отозвалась такой болью, что я мгновенно потеряла сознание...

Сознание вернулось ко мне резко, словно в голове загорелся алхимический свет. Вот фонарь во дворе темный, щелчок — и целующаяся под ним парочка освещается ровным желтым светом, а из окна моих братьев раздается гогот. Стараясь не шевелиться, я открыла глаза и попыталась понять где я и что со мной.

Оказалось, что я ехала на спине медленно бредущей жукачары. Судя по яркой расцветке надкрыльев, это насекомое принадлежало Академии духов. Рядом со мной неподвижно лежали тела попугачиков, но — слава всем Богам, — они дышали! Я снова закрыла глаза, наслаждаясь тем, что боль отступила, во всем теле царила приятная пустота.

— Ты, Эрнесто, какой-то дурачок. Никто тебя не заставлял тащить эту простолюдинку по лесу на руках, — донесся до меня мелодичный женский голос.

— Надо было ее волочить за волосы? — холодно отозвался Эрнесто. — Или ты знаешь другие способы транспортировки бессознательного тела?

— Можно было ее левитировать, — заявила женщина. — Я бы предпочитала, чтобы на руках ты носил только меня.

— Я бы предпочел вообще до тебя не дотрагиваться, Камилла, — сказал Эрнесто.

— А придется, мой дурачок! — пропела женщина и засмеялась.

— Эй, Кам, — сказал какой-то мужчина. — Да ведь ты не знаешь главного — наш

Эрнесто эту девицу знает. Ты бы видела, как он с ней мило беседовал!

— Знает? — взвился женский голос. Я вся внутренне сжалась, старательно имитируя бессознательность. — Так вот почему ты нас так торопил? На свидание с девчонкой опаздывал?

— Не говори глупостей, Камилла, — устало сказал Эрнесто. — Какое свидание? Я просто чувствовал, что вот-вот случится беда. И, видишь, мы не успели. Посмотри, сколько людей пострадало!

— И что? Это же жалкие людишки, — пренебрежительно сказала Камилла. — Зато мы уничтожили артынску, и никто из наших не пострадал. Я уверена, мы получим вознаграждение!

— На что ты потратишь свою часть, Кам? — спросил еще один мужской голос.

— Куплю ингредиентов для возбуждающего зелья, — хихикнула женщина. — Может быть тогда мой милый дурачок Эрнесто восплает ко мне страстью?

Вокруг засмеялись, раздался выкрики: "Теперь берегись, Эрнесто", "Камилла своего не упустит". Мой знакомый маг ничего не ответил, а я удивилась очередному открытию: оказывается, маги и шутят так же, как и обычные люди. Эти шуточки, намеки на то, что сделает Камилла, когда Эрнесто выпьет ее зелье, можно было вложить в уста любого члена компании молодежи, которая сидела по вечерам в беседке в нашем дворе. Через открытое окно ко мне иногда доносились обрывки их разговоров и смеха.

— Интересно, откуда в наших лесах появилась целая пара, да еще и к тому же успевшая обустроить гнездо? — раздался совсем не далеко от меня приятный тенор. — Почему их никто не почувствовал?

Разговаривающие и перешучивающиеся маги моментально замолчали.

— Наверное, из территории другой Академии залетели, — предположил кто-то.

— И ты слышал о Прорыве?

— Нет.

— В том-то и дело, — задумчиво сказал тенор. — Я ведь поднял все архивы после того, как вы уничтожили первую артынску. Они проникают в наш мир только после сильнейшего прорыва из мира Оут. А тут — просто так появляются и никто ничего не почувствовал?

— Скорее всего, их разводила какая-то Академия в своих целях, — предположил Эрнесто. — А эта пара сбежала. А те маги не хотят лишних разговоров, и поэтому промолчали.

— Разведение таких огромных созданий, как артынки, в тайне невозможно, — заметила Камилла. — Обязательно бы кто-то проболтался. Или ты думаешь, что те маги сами выносили за ней помет? А простолюдины язык за зубами держать совершенно не умеют. Ведь это же чууудо!

Я лежала, стараясь не шевелиться и дышать ровно-ровно, как будто я нахожусь в глубоком сне. Я не знала, откуда эти артынки взялись в наших лесах, но знала одно — человеку, знающему, что маги проворонили чудищ, несдобровать.

— Почему ты так волнуешься, Энрике? Может быть, это был маленький Прорыв, такой себе Прорывчик, и старейшины решили промолчать. А твои архивы врут — ведь все меняется со временем.

— Может быть, может быть, — мягким тенором ответил Энрике. — Но я...

— Следи за своими пациентами лучше, — прикрикнула Камилла. — Еще не хватало, чтобы они все очнулись и устроили тут вопли. Терпеть такое не могу.

Под мерный шаг жукачары я заснула, так и не додумав мысль о том, как бы половчее скрыть свои ранения, чтобы родители не знали. Им не нужно волноваться. Интересно, дадут ли в Академии Духа отпуск по болезни? Или предложат либо выполнять свои обязанности, либо увольняться. Но, в любом случае, я успела подать прошение о премии.

Я проснулась только тогда, когда жукачара остановилась. Судя по звукам и знакомым запахам, нас привезли во двор аптекарского Колледжа.

— Забирайте ваших раненых побыстрее, — распоряжался кто-то.

Моего лица коснулась мягкая теплая ладонь.

— Вставай, — промурлыкал Энрике.

Я открыла глаза и встретила с его добродушным и внимательным взглядом. Довольно кивнув, он повернулся к другому раненому:

— Вставай.

С трудом поднявшись, я на миг прикрыла глаза — мир вокруг завертелся со скоростью карусели.

— Таша, стой, не двигайся, я тебе помогу, — ко мне по спине жукачары бежал Антиох. — Давай, осторожненько, пойдем.

Двое наших одноклассников грузили на носилки стонущего Леопольда, а симпатичная выпускница, вцепившись ногтями в щеки, застыла статуей над телом третьего лучшего учащегося Колледжа, которому выпала удача съездить в столицу. Вот и съездили.

Энрике вместе с нами вошел в лечебницу. Его черная мантия с темно-зелеными узорами пугала больных, и они вскакивали с лавок, на которых ожидали своей очереди под кабинетами, кланяясь и переглядываясь. Ведь магов приглашали в крайних случаях и только для богатых пациентов. В нашей лечебнице маги не бывали ни разу.

— Мы тебя сразу в операционную, — сообщил Антиох. — Чтобы ты испугаться не успела. Нужно руку в шину поместить...

— Я помогу вам со всеми пострадавшими, — спокойно сообщил Энрике.

— У меня нет денег, — предупредила я.

— Я бесплатно, — пожал плечами маг. — В качестве практики. Но если ты не хочешь...

— Простите, господин маг! Конечно, я хочу, я очень прошу вас помочь мне, — пролепетала я. После помощи мага шансы на то, что я буду владеть своей рукой, как прежде, многократно возрастали.

Энрике до поздней ночи возился в лечебнице. Прослышавшие о бесплатной магической помощи, больные наводнили всю лечебницу и даже во дворе было невозможно протолкаться. Флору и Федору, которые сопровождали меня домой, пришлось здорово потрудиться, чтобы пробиться к выходу.

— Скажем родителям, что ты пострадала минимально, — по дороге рассуждал брат. — Руку в лубках спрячешь под широким свитером, покажем только царапины. С домашним хозяйством мы тебе поможем.

— Я посуду мыть не буду! — заявил Флор. — Предупреждаю сразу. А полы в Академии ты теперь сама мыть будешь?

— Ты совсем дурак? — спросил Федор. — Как она это будет делать?

— Ну, — принялся рассуждать Флор, — воду мы поможем ей принести, а вот швабру вполне возможно одной рукой двигать.

— Погодите, — сказала я. — Возможно, мне еще отпуск по болезни дадут.

— Маги? Ты думаешь, они способны на такую щедрость?

— Что мы гадаем, вот у них траур закончится, пойдем и спросим, — пожала я плечами.

В моей комнате нас уже ждал отец, нервно поглаживающий бороду.

— Как ты? — кинулся он ко мне.

— Папа, ее не надо обнимать, она вся в синяках, — остановил его Федор.

— Не беспокойся, пап, все хорошо, — придала я своему голосу как можно больше уверенности. — Мама знает?

— Я решил ей не говорить, — развел руками отец. — Лучше ее не волновать.

— Правильно, — согласилась я.

— Я хотел прийти к тебе в лечебницу, но мальчики сказали, что они и сами могут.

— Да, — с любовью сказала я, — они у нас выросли настоящими мужчинами.

Папа кивнул и вышел из комнаты, тихонько закрыв за собой дверь. Братья расположились на своих любимых местах — Флор на подоконнике, а Федор — за письменным столом.

— Рассказывай, как это все было! — потребовали они в унисон.

Я тяжело вздохнула. Если не рассказать младшим все, до последней детали, они не отстанут. Хотя что там рассказывать, я же почти ничего не видела. Даже когда мне составляли кости, Энрике погрузил меня в магический сон, хотя я сопротивлялась изо всех сил. Не каждый день выпадет удача увидеть свое внутреннее строение.

Впрочем, об одном я решила никому не рассказывать — о невольно подслушанном разговоре магов на спине у жукачары. Возможно, его слышал кто-то еще из раненных, точно так же прикинувшихся бессознательными, хотя вряд ли — повреждения остальных выживших были намного серьезнее, чем мои. Не привязанные ремнями безопасности, они были сброшены со спины жукачары в первые мгновения сражения. Некоторые нашли свою смерть под внушительными лапами насекомого, кто-то погиб от полученных ран. Руководство Колледжа больше всего удручала смерть толстенького столичного экзаменатора. Они боялись, что из-за этого инцидента наше учебное заведение вычеркнут из ряда благонадежных и уже не будут посылать высоких гостей.

Несколько дней я отлеживалась в кровати, однако потом мой желудок взбунтовался. Есть пищу, которую готовили мои братья, было практически невозможно. Недожаренная яичница сменялась пригоревшей кашей, а каша — супом, в котором целая картофелина соседствовала с несколькими крупинками и очень большим количеством соли. Матери, чтобы она ничего не заподозрила, братья покупали еду у соседки. Отец напрочь отказывался есть стряпню братьев и ел на работе.

Тарас, который всячески демонстрировал свою заботу и носил мне конфеты, последние осенние фрукты и цветы, не догадался принести хотя бы большую сдобную булку или кусочек жареной курочки. А просить его об этом мне было стыдно.

— Ты чего с кровати встала? — весело спросил у меня Флор, когда я выползла на кухню. — А мы тут готовим.

— Я в курсе. Почему так горелым воняет?

— А, это еще с утра что-то на плите осталось, вот оно и догорает.

— Ясно. Что сегодня на ужин?

— Мы решили кормить тебя разнообразно, ты же все таки у нас больная, — важно заявил Федор, выныривая из-под большой книги с рецептами. — Сегодня у нас куриный суп.

— Ясно. Курицу вы целиком в кастрюлю обрелись затолкать? — поинтересовалась я, стараясь не обращать внимания на бардак, царивший на моей маленькой и уютной ранее кухне.

— Да, чтобы понаваристее было.

— А в рецепте что написано?

— Сейчас, сейчас... а... "возьмите разделанную курицу...". Точно, не целую. Понял, Флор?

— Что сразу Флор? — возмутился братец. — Я только твои указания выполняю.

— Вот поэтому в том году, даже в горячке, я предпочитала готовить себе сама, — пробурчала я, пытаясь надеть фартук. — Сегодня в Академию духа пойдем, у них траур закончился. Пора полы мыть.

— Да, — подтвердил Флор, с готовностью отдавая мне нож, — перед трудовым подвигом нужно хорошо подкрепиться.

Полы в Академии Духа встретили меня слоем налипшей грязи.

— Дааа, — протянул Федор. — Думаю, отпуск они тебе не дадут.

— Конечно, не дадут, — прокомментировал за нашими спинами Эрнесто, — кому охота жить в такой грязи?

Мы обернулись и потрясенно застыли.

Эрнесто выглядел просто великолепно. Шикарные волнистые волосы рассыпались по плечам. Ярко-алая мантия, подбитая мехом, так хорошо смотрелась на его фигуре, что была бы здесь моя сокурсница Нана, то упала бы к магическим ногам, простонав "Я вся твоя". Я не шучу — однажды она при мне проделала такое представление перед известным в нашем



Мне бы поблагодарить, но я так и застыла с открытым ртом. Что это за несвойственная магам благотворительность? И что теперь требуется от меня?

— Конечно, конечно, не стоит меня так слезно благодарить! — ядовито сказал Эрнесто, и это вывело меня из ступора.

— Простите, господин Эрнесто, конечно, я вам безмерно благодарна! Если бы не вы, Леопольд, да и многие другие, умерли бы.

— Да мне плевать на них, — нетерпеливо отмахнулся маг. — Мне было нужно, чтобы ты как можно быстрее выздоровела.

— Зачем?

— Потому что ты пойдешь со мной на Бал Первого Дня Зимы, — сообщил Эрнесто так, будто это все объясняло.

— На Бал, который ежегодно проводится магами нескольких близлежащих Академий в здании бывшего дворца магов в Быстрице? — уточнила я.

— Да.

— Вы издеваетесь, господин маг? — как можно холоднее спросила я.

— Почему же? Вовсе нет. Каждый приглашенный имеет право привести с собой одного спутника. И вот я решил, что ты будешь моей спутницей.

— А если я откажусь? — поинтересовалась я.

Судя по выражению лица молодого мага, такая мысль даже не приходила ему в голову.

— А ты откажешься?

— Да.

— А если я прикажу?

— Посещение Бала не входит в круг моих обязанностей, поэтому уволить за отказ вы меня не сможете. Тем более, что я сомневаюсь, что проректор знает о том, что вы решили меня пригласить.

— Ммм... — задумался Эрнесто. — Как же с тобой сложно. Хорошо, считай, что я таким образом прошу прощения за свою пьяную выходку.

— Извинения приняты, — сказала я и попыталась развернуться, чтобы уйти, но маг поймал меня за руку:

— Так ты пойдешь на Бал?

— Я подумаю. Извините, господин Эрнесто, мне нужно работать.

Он закатил глаза и пробурчал: — Женщины... вы хуже чудовищ.

## **Ночные приключения, или О ягодах**

Этой ночью выпал первый снег. Снежинки, такие красивые и ажурные во время полета, укрывшие черную землю с коричневыми кучами опавших листьев пуховым одеялом, утром под ногами и лапами превратились в грязное месиво. Я брела в Колледж, с тоской думая о том, сколько времени придется потратить на отмывание коридоров в Академии духа. Хотя моя рука и заживала с невероятной скоростью, а трещины в ребрах совершенно перестали беспокоить, братья до сих пор помогали мне в работе, иногда ворча, а иногда рассуждая о том, что они купят на мою месячную зарплату, которую я решила им отдать в качестве благодарности.

Я не рассказала близнецам о странном предложении, которое я получила от Эрнесто. На их вопросы я ответила, что маг интересовался тем, как чувствует моя рука, якобы это нужно было ему для его занятий лечебным делом. Проницательный Федор мне не поверил, но благоразумно воздержался от дальнейших расспросов.

Молодой маг подошел ко мне на следующий день, и, даже не спросив меня об ответе, начал давать указания о форме одежды.

— Извините меня, господин Эрнесто, — невежливо перебила я его тогда. — Я не иду на ваш бал.

— Нет? — он был так удивлен моим ответом, что на холеном лице привычное

выражение легкой насмешки на миг уступило растерянности. — Ты хорошо подумала?

— Да, конечно.

— А если я потащу тебя туда силой? — задумчиво спросил маг.

— О, не думаю, что это будет хорошим выходом из положения. Подумайте о том, как вы будете выглядеть в глазах ваших коллег, — предложила я. Над этим доводом я думала всю ночь, и он показался мне самым разумным.

Эрнесто скривился, ничего не ответил и с тех пор я его не видела, запретив себе даже думать о возможности попадания в волшебный мир магического бала. Хотя сказки про такие события всегда хорошо заканчивались, реальный опыт подсказывал мне, что каждый должен знать свое место и не лезть в неведомые сферы.

В Колледже царило необыкновенное оживление.

— Таша! — окликнул меня Антиох, как только я появилась в холле, — тебя на ночную поездку записывать?

— Конечно! Я даже сейчас оплатить могу, — я порылась в кошельке, доставая оттуда предусмотрительно положенные еще утром деньги.

— Даже Лео едет, — сообщил староста, ссылая монетки в тяжелый мешочек. — Сказал, что он такое не пропустит. Я его видел утром, он сказал, что готовит всем сюрприз.

— Здорово! — обрадовалась я.

Леопольд, лишившийся ноги, но, благодаря магическому вмешательству, сохранивший жизнь, лежал в одной из палат для тяжелобольных в нашей лечебнице. К нему вот уже две недели никого не пускали, Куратор Лиза попросила нас не беспокоить сокурсника и дать ему время немного освоиться с новыми жизненными обстоятельствами.

— А я не поеду, — сообщила Нана, проходя мимо и обдавая нас приторно-сладким запахом духов. — Мой новый парень довольно обеспеченный и не хочет, чтобы его любимая бродила по ночному лесу. Так что, советую тебе, Таша, найти себе богатого друга и не рисковать здоровьем.

— Ну, до сегодняшнего вечера я его вряд ли успею найти, — отшутилась я, на самом деле не понимая, как можно отказаться от такого интересного занятия.

Ежегодные поездки за первоснежниками были очень увлекательными. Первоснежники, маленькие синие ягодки, появлялись в лесу всего на одну ночь после первого снега и были самым популярным компонентом в различных снадобьях против простуды. Преподаватели и студенты вскладчину нанимали жукачу и ездили собирать первоснежники, которые потом сушили и растирали в мелкий порошок. Конечно, можно было купить порошок в аптекарских лаках, но стоил он не дешево, да и гарантии на то, что все было сделано, как нужно, никто дать не мог. Ягодки первоснежников нужно было сушить исключительно целыми, так они имели бОльшую силу. Поэтому и собирать их нужно было крайне осторожно, нежно-нежно срывая и бережно укладывая в корзинку.

Я любила бродить по ночному лесу, слыша за спиной, как перешучиваются друзья, глядя на блики от ламп на темных стволах деревьев. Я не боялась темноты, наоборот, я ее любила.

А потом мы все дружно спали на неторопливо бредущей к городу жукачаре, тесно прижимаясь к друг другу и дрожа от холода.

В общем, сбор первоснежников был полезным делом и прекрасным развлечением.

Надев свою самую теплую шубку и длинную многослойную юбку, укутав голову шерстяным платком, я торопилась к месту встречи. Из-за уборки в Академии Духа я немного опаздывала и очень надеялась, что меня дождутся, ведь бежать в теплой одежде было очень тяжело. Рядом широко шагал Тарас, несущий мои корзинки для ягод и тоном заботливой мамочки дающий мне наставления о том, как не застыть в лесу. Честно говоря, меня это раздражало. Было очень непривычно чувствовать себя в роли глупого ребенка, ведь обычно это я указывала братьям, что нужно надеть шапку, не забыть про шарф и перчатки или высушить обувь у печки. Не смотря на эти чувства, я молча кивала головой, не желая обижать кавалера, ведь он хотел как лучше.



— Ну, почему, почему ты меня не предупредила, что будешь ехать за первоснежниками? Я бы поехал тогда вместе с тобой! — в который раз воскликнул Тарас.

— Ничего страшного, я и сама вполне могу справиться, — ответила я, — я не в первый раз уже еду.

— Но ведь теперь у тебя есть я! И я очень хочу тебе помочь!

— Мне очень приятно это слышать, но представь, что я приду к тебе в кузницу и начну стучать молотком по раскаленному железу. Тебе будет нужна такая помощь?

— Конечно! — недоуменно ответил Тарас. — Ведь даже если ты мне совершенно не поможешь, или даже что-то испортишь, мы ведь это время будем рядом!

Он нежно взял меня за руку, но, не сумев сдержать раздражения, я резко ее выдернула из его ладоней, коротко бросив:

— Я опаздываю.

Кузнец тяжело вздохнул, но ничего не сказал, остальную дорогу только искоса бросая на меня укоризненные взгляды.

— Нам пора прощаться, — сказала я у ворот на территорию Колледжа. — Спасибо, что проводил.

— Ты не хочешь меня показывать своим друзьям? — обиженно спросил парень.

— Нет, — ответила я, чувствуя, как секунда за секундой уплывает время, — просто не хочу, чтобы пошли сплетни.

— Какие сплетни? Ведь у нас же серьезные отношения, разве не так?

— Давай потом об этом поговорим, хорошо? — умоляюще сказала я, отбирая корзинки и невежливо поворачиваясь к ухажеру спиной.

Возможно, я была не права, но сейчас меня значительно больше волновало то, дождались ли меня, чем выяснение отношений с Тарасом. Слава Подкове, жукачара стояла у дверей учебного корпуса.

— Где тебя носит? — проворчал Антиох, ставя напротив моего имени галочку. — Холодно сидеть и ждать.

— Я последняя? — виновато спросила я.

— Нет, еще двое и Лео. Ну, ему простительно, а вот эта парочка...

Мороз крепчал, и, сев на холодное сидение на спине жукачары, я почувствовала, как мурашки побежали по телу.

— Извините за опоздание, — еще раз сказала я всем пассажирам.

— Ну что там, едем уже, нет? — нетерпеливо крикнул кто-то. За моей спиной раздалось бульканье и в нос ударил острый запах крепкой настойки.

Я алкоголь в такие поездки предпочитала не брать, считая, что его положительный эффект полностью нивелируется отрицательными последствиями.

— А вот и я! — и на спине жукачары весьма эффектно появился Леопольд, поддерживаемый Антиохом.

Раздались возгласы радости и восхищения, аплодисменты. Я тоже аплодировала от души, восхищенная мужеством соученика, на лице которого не было ни следа от пережитых мучений, а только широкая и жизнерадостная улыбка. Правая нога чуть ниже колена заканчивалась резным протезом. Прихрамывая, Лео подошел к моему соседу и попросил освободить место. С немного утомленным вздохом расположившись на сидении, Лео сказал:

— Привет, подруга по несчастью. Как жизнь?

— Все хорошо, — сказала я и осторожно поинтересовалась: — А ты как?

— Как видишь, — пожал плечами Лео. — Жив. И, благодаря тебе, даже с большей частью ноги.

— Почему благодаря мне? — удивилась я.

— Ведь только благодаря твоему знакомству с этим, высоким таким брюнетом, маг Энрике решил нам помочь. Или я не прав?

— В общем-то, прав, — пришлось согласиться мне, немало удивленной такой проницательностью сокурсника.

— Ну вот. Так что я рад. Я жив и даже относительно цел. Разве это не счастье?

Я молча смотрела на Лео, заново открывая для себя, казалось бы, хорошо знакомого клоуна и балагура. Он улыбнулся мудрой и грустной улыбкой, закрыл глаза, и через несколько мгновений сказал своим обычным тоном:

— Как тебе моя новая нога?

— Очень впечатляюще, — в моих словах не было ни грамма фальши. Протез действительно был впечатляющим — из дерева была вырезана когтистая лапа какого-то чудовища, причем резчик даже изобразил завитки шерсти и фаланги пальцев.

— У меня еще есть, самые разные. Для любовных свиданий — протез с сердечками и розами, для гололеда — с шипами, для праздников — разноцветная. А вот над экзаменационной я сейчас работаю, очень тяжело вместиť все, что хочется. Вот если бы у меня не было двух ног, я бы тогда весь аптекарский курс записал!

— Ты лучше учись, а не думай о таком! — оборвала я друга. — Погоди-ка, ты что, эти протезы сам вырезал?

— Да, — смутился Лео. — Отец купил заготовки у мастера, а я лежал, делать было нечего... Я когда-то в детстве занимался вырезанием... Ты только никому не говори, хорошо? Я буду всем рассказывать, что это по спецзаказу из столицы привезли. На женщин такое должно произвести впечатление.

— Хорошо, — пробормотала я.

Интересно, а я бы смогла вот так радоваться жизни, став увечной? Или погрузилась бы в пучину страданий? Задумавшись об этом, я машинально надвинула шарф на лицо, защищаясь от ветра, который бил в лицо колючими снежинками. Говорят, что в больших городах на спинах жукачар строят целые кабинки, которые защищают своих пассажиров от ветра, дождя и снега. Но у нас таких жукачар не было, наши городские насекомые вряд ли смогли потянуть на спине такое сооружение вместе с людьми и грузом.

— Ты будешь собирать первоснежинки? — спросила я у Лео.

— Честно говоря, не знаю, — признался он. — Попробую. Просто я так хотел поехать хоть куда-нибудь, а то мать все время стонет и ноет, что ее драгоценный мальчик теперь... вот такой... Ты, Таша, когда надумаешь детей рожать, рожай нескольких, чтобы дать им возможность жить без удушающих материнских объятий.

— Да я вообще о детях пока не думаю.

— Ну, запомни на будущее.

— Спасибо за совет, — улыбнулась я.

— Знаешь, спасибо тебе за то, что была рядом тогда, — тихо сказал Леопольд. — Я не знаю, как бы я выдержал этот кошмар, если бы не ты. Так необычно... я не ожидал, что ты будешь такой... ты обычно всегда такая сдержанная, такая... холодная. А на самом деле...

Я молча смотрела, как мимо медленно проплывают убогие домишки городских окраин, немного смущенная откровенностью Лео. Редко передо мной открывались мужчины, и я просто не знала как на это реагировать. Однорук сжал мою ладонь, поглаживая большим пальцем по запястью. Я сделала вид, что этого не замечаю.

Видимо, Лео не знал, что дальше делать, поэтому между нами воцарилось неловкое молчание.

— Эй, сладкая парочка! — сзади нас обхватил за плечи Вася, обдав алкогольными парами. — Что примолкли?

— Почему это мы — сладкая парочка? — возмутилась я, обрадованная тем, что тяготившее меня молчание прервалось.

— Потому что, дорогие мои, перенесенные вместе приключения объединяют, это общеизвестный факт. Так что теперь, Лео, ты, как честный человек, должен будешь жениться на Таше! — хохотнул Вася.

— День, когда меня уличат в моногамии, будет для меня трагедией, — мрачно ответил Лео.

Я с облегчением вздохнула. Как хорошо, что признания Лео не приведут к чему-то

более серьезному, чем простая благодарность. А я уж было испугалась.

Вдруг порывом ветра до нас донесся оживленный разговор.

— Говорю же тебе, маги всегда использовали людей в своих опытах, и, если теперь мы об этом не знаем, это только потому что они хорошо скрываются!

Обернувшись, я с интересом спросила у двух выпускников, сидевших через два ряда:

— Вы о чем это?

Парни потеснились, жестом пригласив присесть рядом, чтобы не перекрикивать ветер.

— О магах, — объяснил один из них. — Я — Глеб, а это — Вадим.

— Таша, — представилась я. Садиться на нагретое сидение было очень приятно. — Извините, что вмешалась в вашу беседу, но мне очень интересно. Я не слышала, что маги проводят на людях опыты.

— Конечно, ты думаешь, они об этом сильно распространяются? Но раньше это было повсеместной практикой, просто тоже держалось в секрете.

— А ты тогда откуда знаешь?

— Я из аптекарской семьи, моя прабабка была на хорошем счету в Академии духов, ведь магам тоже нужны и шампуни для волос, и крема для тела. Сами они на такое не размениваются. И вот недавно она перед смертью покаялась, что приводила в Академию молодых девушек, которых больше никогда не видела. Как ты думаешь, зачем? Для опытов, совершенно точно! Они использовали девушек, как мы — подопытных крыс!

Это этих слов мне стало жутко. Я очень долго жила в деревне, и для нас маги были единственными защитниками перед неведомым, эдакими небожителями. Да и большинство горожан тоже относились к «кучерявым» с почтением, граничившим со страхом. Слишком свежи были в памяти воспоминания о том, что маги были властью и защитой. Когда в последнее время я близко столкнулась с волшебниками, то не могу сказать, чтобы это не стало для меня потрясением.

— Тебе бы страшилки рассказывать! — нервно рассмеялся Вадим. — Скорее всего, твоя бабушка просто работала сводней, а девушек она больше не видела потому, что они уходили домой довольные.

— Сводней? — возмутился Глеб. — Моя прабабушка? Никогда! Да и что мешало магам сходить в бордель?

— Не все любят бордели, — поучительно заметил Вадим. — И почему ты так возмущаешься? Значит, бабушка — поставщик подопытных тебя не волнует, а вот бабушка-сводня — возмущает?

— Ну... опыты все же для науки, — смутился Глеб. — Хотя, конечно, я прабабку не одобряю в любом случае.

— Теперь, наверное, они этим уже не занимаются, — неуверенно предположила я.

— Я согласен с Ташей, — кивнул Вадим. — С тех пор, как количество Прорывов начало уменьшаться, маги все меньше вмешиваются в нашу жизнь.

— Теперь они это делают в большей тайне, — зловеще сказал Глеб.

— Нет, теперь они просто ходят в бордели, — сообщила я, вспомнив, что однажды Флор мне об этом рассказал.

— Ты откуда знаешь?

— Я работаю у них в Академии уборщицей уже три года, — объяснила я. — И ничего подозрительного не видела.

— Значит, они просто тебе еще не доверяют, — не желал отказываться от своей версии Глеб. — Приманивают. А потом — раз! — и сама не поймешь, как будешь поставлять им жертв... Или сама окажешься жертвой!

Зловещий тон на меня подействовал так, что мороз прошел по коже и я обхватила себя руками. Или, возможно, я просто замерзла? Ведь мне есть за что благодарить магов, если бы не они, моя рука бы сейчас еще заживала с мучительной болью, и, скорее всего, я бы уже никогда не смогла бы ею пользоваться в полную силу, или, в худшем случае, он навсегда бы была искривлена и каждое движение приносило бы боль. Я такое уже видела. Но, с другой

стороны, пригласил же меня Эрнесто на Зимний бал, который посещают только маги? Зачем я ему там понадобилась? Ведь не спутницу же он искал, в конце концов! Стоило ему только намекнуть, и, я уверена, Камилла с радостью составит ему компанию. Зачем он меня пригласил? Для жертвы? Говорили, в спрятанных храмах Таракана его жрецы регулярно приносили жертвы, подпитывая своего бога силой. Но, если Таракану для силы было достаточно собак и котов, то магам, возможно, нужна человеческая жертва? Откуда они берут свои силы? Говорят — из окружающего пространства, а может быть... из окружающих?!

— О, Глеб, ты совсем испугал нашу спутницу, — вдруг рассмеялся Вадим. — На ней лица совсем нет. Не бойся, это все сказки.

— Нет, правда, — пробурчал Глеб. — Зачем бабушке перед смертью на себя наговаривать? Мой тебе совет — увольняйся, пока не попала в их сети.

Я не могла больше выносить его зловещего тона, поэтому вскочила с сидения, извинилась и побежала на свое место, где Вася с Лео вступили в долгую дискуссию о возможных вариациях форм деревянных ног и их применении в быту. Рядом с ними зловещие пророчества Глеба и впрямь казались только страшной сказкой, и я немного успокоилась и попыталась хоть немного подремать перед длинной трудовой ночью. Это оказалось весьма нелегким занятием — ехать на продуваемой всеми ветрами жукачаре было очень холодно, и даже теплая одежда не спасала от дрожи. Ничего не говоря, Лео вдруг обнял меня за плечи и притянул к себе. Пригревшись около его бока, я задремала под мерное покачивание спины огромного насекомого.

Разбудил меня шум. Оказалось, мы уже приехали и коллеги собирались спускаться на землю, весело переговариваясь.

— А может быть, останемся тут сидеть? — пробормотал Лео, уткнувшись носом мне в шарф. — Рядом с тобой так тепло... А в лесу так холодно.

— Будешь двигаться — потеплеет, — пообещала я, помогая ему подняться и спуститься с жукачары.

Переговариваясь, аптекари зажигали лампы и фонари и разбредались по лесу. Управитель жукачары возился с огромным ярко-зеленым фонарем, который крепился на морде насекомого. Фонарь будет гореть всю ночь, чтобы заблудившиеся в лесу собиратели знали куда возвращаться.

Побродив немного по лесу, я, наконец-то нашла свою заповедную полянку, на которой было особенно много ягод. Поляна была окружена плотными зарослями колючек, но я была заранее готова. Закутавшись в толстое старое одеяло, я спиной проломила кустарник и вывалилась прямо на ягоды, обдав меня своим терпко-кислым ароматом. Мурлыча песенку, я принялась собирать первоснежки, периодически отвлекаясь на то, чтобы побегать и поприсесть, чтобы окончательно не замерзнуть.

Наконец, когда моя спина начала нестерпимо ныть и я перестала чувствовать щеки и нос, обе мои вместительные корзинки были полны. В этом году ягод было меньше, чем обычно, поэтому я забрела довольно далеко от нашей жукачары. Я потушила фонарь, чтобы не мешал, и принялась оглядываться в поисках зеленого огня. Пережив несколько мгновений отчаяния, когда ничего не было видно, я, наконец-то, заметила зеленые отблески и побрела туда. Тащить обе корзинки замерзшими руками, да еще и когда с носа течет ручьем, да еще и придерживать фонарь, да еще и смотреть под еле передвигающиеся ноги, было очень тяжело.

— Колдуй баба, колдуй дед, колдуй серенький медведь, — пробормотала я.

Считалочка помогла, во всяком случае, я уже была не одна — что-то тяжелое налетело на меня и сбило с ног, навалившись сверху. Я охнула от боли в незажившей руке.

— Таракан на твою голову, Кнопка! — сердито рывкнул Эрнесто своим глубоким голосом, всегда пробиравшем меня до костей. — Почему ты вечно окружена мужчинами, а я должен спасать твою шкуру?

Я молча смотрела на его рассерженное лицо, пытаюсь вдохнуть. Я уже давно знала, что тело этого мага тяжелое, но одно дело — волочить его по полу, а другое — когда этот вес

навалился на тебя.

Эрнесто скатился с меня, легко встал на ноги и крикнул:

— Эй, Мигело! — стоп! У нас тут проблема, — а уже потом принялся с своему плащу и завопил, повернувшись ко мне:

— В какую это дрянь я вляпался?

Я с трудом приподнялась и моим глазам представилась удручающая картина. Тусклый свет фонаря, у которого разбились стенки, и от этого огонек дрожал и пытался погаснуть, освещал перевернутую корзину и месиво из ягод, по которым прокатился маг.

— Мои ягоды! — взвыла я, на четвереньках подползая к корзине. Ну за что же это мне? На дне корзинки оставалась от силы треть всего собранного. Вторая корзинка валялась чуть поодаль и вряд ли в ней осталось больше. С таким запасом мне не пережить зиму, ягоды придется докупать, а где взять на это денег? Можно было бы, конечно, еще немного пособирать, но нужно же еще дойти до жукачары, а рядом с ней, наверное, уже ни одной ягодки не осталось.

— Что ты делаешь посреди ночи в лесу? — Эрнесто грубо схватил меня за локоть и поднял на ноги.

То и умышленно, то ли случайно, он дернул меня как раз за сломанную руку. От боли у меня перехватило дыхание, а на глазах выступили слезы.

— Ну, отвечай же!

— Первоснежки собираю, — я достала из кармана платок, вытерла слезы и высморкалась. Маг поморщился.

— Вот твой фонарь и корзина, — мягко сказал рядом Энрике. — Тебе лучше уйти отсюда.

— Я не знаю, куда мне идти, — призналась я.

Судя по тому, что пахло обугленным деревом, то, что я приняла за зеленый свет фонаря, было вспышками магических атак.

— Убирайся куда угодно, но подальше отсюда, — сказал еще один маг, выступивший из тьмы в круг света от фонаря. — Только труп человека нам тут не хватало. Иди, не мешайся тут.

— Простите, господа маги, — прошептала я, изо всех сил сдерживая слезы. Плакать на морозе — последнее дело.

Подхватив свои вещи, я потащила прочь, дрожа от пережитого. Ну, почему же мне так не везет, а? Единственным плюсом происшедшего было то, что идти с почти пустыми корзинками было значительно легче. Но что же мне делать, как теперь писать курсовую по простудам, когда ягод так мало?

— Эй, девушка, стой, — меня догнал молодой маг, почти мальчик. — Тебе нужно в другую сторону.

— Откуда вы знаете? — всхлипнула я.

— Тебе же нужны люди? Там, где фонарь горит? Тогда тебе туда, вон, видишь, ту звезду? Иди в ту сторону. Я на сосне сидел и видел, только они далеко.

— А что вы делаете в лесу? — осмелилась спросить я.

— Хуано предложил потренироваться, — объяснил мальчик, блеснул улыбкой и убежал.

Я поплелась за указанной звездой, еле сдерживая так и рвущиеся с языка проклятия. Только призыва Таракана в ночном лесу мне не хватало, и так Эрнесто уже его упомянул.

На жукачаре сутились аптекари, укрепляя под сидениями корзинки. Перед ступеньками Антиох командовал погрузкой тех, кто переборщил с согревающими настойками, а Куратор Лиза возилась со списками.

— Таша, — кивнула она мне, — что-то ты так мало набрала! Что-то случилось?

— Перевернула корзинку, — коротко ответила я.

— Сочувствую, — Куратор погладила меня по щеке пушистой варежкой.

Эта ласка преподавательницы сломала преграду слезам, и я разревелась.

— Ну, ну, тихонько, — сказала Лиза успокаивающе и протянула мне фляжку. — Выпей. И не забывай, что в Колледже продают сушеные ягоды первоснежника по сниженным ценам для студентов.

— Просто труда жалко.

— Конечно, я понимаю. Но это не причина так рыдать, возьми себя в руки, а то заболеешь, — строго сказала Куратор, и это, как ни странно, помогло.

Я взобралась на спину жукачары и подошла к своему месту. Рядом уже сидел Лео, растиравший культю.

— Болит, — пожаловался он, — сил нет. Так тяжело на протезе ходить. А с тобой что стряслось? Чего ты плакала?

— Корзинки перевернула, и ягоды высыпались, — я решила никому не говорить, что наткнулась в лесу на магов. Вряд ли это кому-нибудь нужно, а могут пойти разговоры, которые дойдут до Академии... Не спроста же Эрнесто и компания тренировались в лесу, чем-то же их не устроили тренировочные залы в самой Академии! И если они узнают, что я разболтала о встрече, то последствия для меня могут быть самыми печальными.

— Бывает, — сказал Лео. — Но это не причина плакать. Почему у вас, женщин, всегда глаза на мокром месте? Вон моя мать, суп пересолила и уже плачет. Жаль ей, видите ли. А тут какие-то ягоды!

Конечно, эти ягоды не стоят слез, если ты обеспеченный человек. А если считаешь каждую копейку...

Вскоре собрались все коллеги, и жукачара двинулась в обратный путь. Не смотря на холод, практически все спали, и, наверное, поэтому, обратный путь показался короче.

Я проснулась от того, что все тело дрожало от хода, а зубы выбивали непрекращающуюся дрожь. Жукачара шла по ярко освещенной улице, и я с радостью увидела, что до Колледжа осталось совсем немного.

— Хорошо, что сегодня у нас выходной, — прохрипел рядом Лео. — Холодина какая, ветер поднялся. Кажется, у меня кишки в сосульки превратились и стучат друг об друга. Хочешь послушать? А почему, я серьезно, они стучат! Сейчас пойдем в теплую обстановку и послушаем.

— Какую теплую обстановку? — еле выговорила я.

Каждый год мне казалось, что в прошлом году было значительно теплее, и этот год не стал исключением.

— Ко мне домой, — с готовностью ответил Лео.

Я решительно помотала головой.

— Почему? — начал канючить он. — Я ведь без всякой задней мысли приглашаю, — он подумал и добавил: — Только с передними.

— Не могу, к сожалению, — сказала я. — Меня парень ждет.

— У тебя есть ухажер? — так поразился Лео, что перестал дрожать.

Вместо ответа я протянула руку и указала на крепкую и низкую фигуру Тараса, который стоял возле ворот. Я не ждала от него такого жеста, но его присутствие здесь меня растрогало.

Кузнец под любопытные взгляды сокурсников помог мне спуститься с жукачары и заботливо укутал в большой тулуп. Я так устала, замерзла и проголодалась, что у меня не было сил протестовать.

— Куда ты меня ведешь? — спросила я чуть позже, когда отогрелась настолько, чтобы соображать.

— Ко мне, в кузницу. Там сейчас жарко натоплено и ты отогреешься. Я не хочу, чтобы ты заболела. А к моменту прихода сотрудников, — торопливо добавил он, видя, что я готова отказаться, — я отведу тебя домой.

— Хорошо, — покорно согласилась я. — Веди.

— Я тут подумал, — решительно сказал Тарас. — Я хочу, чтобы про нас пошли разговоры, или даже сплетни, и не понимаю, почему ты этого боишься. У меня к тебе

совершенно определенные серьезные намерения, и пусть об этом все знают. А то видел я, как на тебя твои сокурсники смотрят.

— Как? — устало спросила я. Мне казалось, что сокурсники смотрят на меня обыкновенно.

— Жадно! — заявил кузнец. — Особенно тот, рядом с которым ты сидела. Я не позволю, чтобы на мою девушку так смотрели!

— Перестань, — сказала я. — Я не твоя собственность.

Тарас что-то пробурчал в ответ, но я этого не расслышала, потому что мы уже подошли к кузнице, и все мое существо так и кинулось в благословенное тепло.

Мой кавалер все продумал. На столе меня ожидала еда, на огне кипел котелок с чаем, даже была смена сухой и теплой одежды.

— Ты спелся с моими братьями, — констатировала я, переодеваясь, пока Тарас хлопотал у стола.

— Просто мы все тебе желаем счастья, — ответил он. — Твои братья же видят, что я к тебе по-особому отношусь, и они это ценят.

— Я не готова пока к отношениям по-особому, — напомнила я.

— Да, да, — нетерпеливо отмахнулся Тарас. — Я знаю. Ты хочешь доучиться, открыть свою аптеку. Я тебя уверяю, наши отношения этому совершенно не помешают, наоборот, достигать задуманного легче, когда за спиной есть надежный тыл.

С наслаждением жуя мягкий хлеб с маслом, я была вынуждена признать, что Тарас прав. В прошлом году я вернулась из леса совершенно измученная, таща тяжеленные корзины. Братья еще спали, а папа догадался только сделать чай и совершенно не подумал, что я хочу есть, а долговязые прожоры всю готовую еду употребили за ужином. Тогда я страшно устала, чтобы что-то готовить, и была благодарна хотя бы тому, что меня не разбудили спросить: "А что у нас на завтрак?".

Совершенно размякнув от сытной еды и тепла, я почувствовала настоящую потребность хоть кому-то пожаловаться на несправедливую судьбу. Тарас внимательно выслушал мои ночные приключения и прижал к своей широкой груди мою голову.

— Ох уж эти маги, — процедил он сквозь зубы со злобой, которая меня удивила. — Думают, что им все можно! Но ничего, Таша, не волнуйся. Все будет хорошо. Надеюсь, ты примешь от меня в подарок ягоды? Только расскажи, какие нужны, а то я же в них не разбираюсь совершенно.

— Первоснежки очень дорогие, — пробормотала я, подавляя зевок. Глаза у меня слипались.

— Я много покупать не буду, — заверил Тарас. — Поспишь здесь, или отвести тебя домой?

— Домой, конечно! — встрепенулась я, представив реакцию сотрудников кузницы на меня, спящую на их рабочем месте.

Как мы шли к моему дому, я плохо помню, дремля на ходу и полностью доверившись сильной руке Тараса.

Однако дома, уже готовую рухнуть в постель, меня растормошили братья.

— Ну, как это было? — завопили они. — Тарас прилично себя вел?

— Прилично, — сказала я подозрительно оглядывая их лица. — А что?

— Ничего, — так торопливо открестился Флор, что мои подозрения удвоились.

— Мальчики!

— Что, Таша?

— Мальчики! Я жду объяснений! Почему это вдруг вы воспылали любовью к Тарасу и даже взяли на себя труд копаться в моей одежде?

— Если ты думаешь, что твой халат было легко найти... — начал Флор.

Если он надеялся, что я начну протестовать и забуду о чем шла речь, то братец просчитался. Я прекрасно знала, что в шкафу у меня идеальный порядок, а халат висел на плечиках на двери.

— Я был против, — сказал Федор. — но отец надеялся, что ты оценишь заботливость Тараса и у вас что-то получится. Просто он волнуется, что ты останешься старой девой. Не обижайся на него, он действует, как умеет.

— Хорошо, — я решила не обращать внимания на действия отца за моей спиной. В конце концов, он всего лишь обо мне заботится в меру своих представлений, — передайте папе, что у нас с Тарасом сейчас все хорошо, и будет все хорошо!

— Так когда ты выйдешь замуж и освободишь ком... — решил уточнить Флор, но Федор зажал ему рот и выволок из спальни.

Теперь я точно могла отдохнуть.

## Дороже денег, или О родителях

Когда я вернулась домой с работы, то в свой комнате на кровати сразу обнаружила отца. Подавив раздраженный вздох, я приготовилась выслушивать наставления о поведении с Тарасом. Но вместо того, чтобы привычно начать беспокоиться за мое дальнейшее существование без мужа, отец умоляюще протянул ко мне руки:

— Доченька... Мама заболела...

Обычный ужас ребенка, родитель которого болен во мне быстро сменился профессионализмом:

— Когда? Какие симптомы? — я схватила аптекарскую сумку и направилась к родителям.

Мама болела редко, она практически не выходила из дома, и разве что иногда подхватывала от нас какую-нибудь простуду.

— Я не знаю, какие симптомы, — растерянно ответил отец. — Она просто лежит — и все.

Беглый осмотр подтвердил слова отца. Мама лежала на кровати и невидящими глазами смотрела куда-то вдаль. На вопросы не отвечала, на прикосновения и даже щипки не реагировала.

— Я не знаю, что с ней, — растерянно призналась я. — Она как будто живет и не живет одновременно.

— И как долго такое может продолжаться? — испуганно спросил у меня Федор. Мой вечно самый умный и уверенный в себе брат мгновенно превратился в маленького мальчика, для которого рушится весь мир.

Наверное, так оно и было. Это я еще помнила маму, которая улыбалась, пела песни и сутилась по хозяйству. Для братьев мама всегда была молчаливой тенью, днями раскачивающейся в кресле-качалке и вяжущей свитера, поэтому любое изменение в привычном положении вещей приобретало для них размеры катастрофы.

— А сколько может человек прожить без воды? — ответила я, лихорадочно размышляя о том, к кому можно обратиться, чтобы вывели маме из такого состояния.

— Мама умирает? — пискнул Флор откуда-то из угла.

Отец молча схватился за голову.

— Спокойно все, — приказала я, в который раз отгоняя собственные чувства. — Сейчас важнее помочь мне, а не предаваться унынию. Что делала мама в последние дни?

— Вчера когда мы пришли со школы, мама вышла на кухню и долго с нами разговаривала, — сказал Федор. — Испекла пирог, вкусный, мы его сразу съели.

— О чем вы разговаривали?

Брат пожал плечами:

— Обо всем. О жизни, о тебе, о наших школьных делах, планах. Мы так обрадовались, думали, так теперь часто будет.

— Папа? — спросила я.

— Все было нормально, — простонал отец. — Она сказала, что у нас выросли хорошие дети и даже извинилась, что так мало внимания уделяла вашему воспитанию. И сказала мне



спасибо за то, что я хороший отец. А ночью она вставала и ходила в твою комнату, я слышал.

— Почему же она меня не разбудила, — с досадой произнесла я. — Может быть, она уже тогда не очень хорошо себя чувствовала и хотела попросить о помощи!

— Не знаю, — признался отец.

— Когда мы сегодня пришли со школы, она спала, мы заглядывали, — сообщил Федор.

Я после учебы сразу отправилась в Академию, поэтому сегодня маму не видела. Что же за болезнь, которая поражает так быстро?

— Так, — распорядилась я. — Устанавливайте дежурства, кто-то сидит над мамой, кто-то отдыхает. Если состояние ухудшится, сразу бегите в соседнюю аптеку за помощью. Я скоро буду.

— Ты куда? — Флор схватил меня за юбку, и я как будто перенеслась в прошлое на много лет назад, когда вопящие братья цепляются за меня, умоляя не уходить и не оставлять их одних в комнате. — Не уходи.

— Все будет хорошо, — сказала я твердо. — Я бегу в нашу лечебницу за лучшим врачом. Кто-то должен знать, как вывести маму из этого состояния, и я этого человека найду.

Действительность быстро разбила мои надежды. Почти за сутки в нашей квартире перебивали все известные мне врачи и аптекари, которым я доверяла. Мама все так же лежала в состоянии кататонии, не реагируя ни на что. Даже когда мы насильно попытались влить в нее воду, то часть жидкости вылилась обратно, а часть — попала в дыхательные пути.

— Послушай, Таша, — мягко сказала мне Куратор Лиза, неизвестно каким чудом отыскав меня в пустой лаборатории, где я в одиночестве предавалась горю, чтобы перед братьями и отцом выглядеть уверенной в благополучном исходе. — Прости меня за те слова, которые я вынуждена тебе сейчас сказать, но ведь — аптекарь, и должна понимать, что это конец.

— Нет, — прошептала я. — Я в это не верю.

— Но ведь твоя мама уже много лет не в себе. Возможно, ее психическое расстройство...

— Мама нормальная! — крикнула я. — Она просто тяжело переживала Прорыв!

— Который случился пятнадцать лет назад? Таша, ты же неоднократно наблюдала людей после прорывов.

— Так вы считаете, что это из-за нарушений в психике с ней такое? — почти спокойно спросила я.

— Когда-то в молодости я работала с людьми с различными психическими расстройствами, — сказала Лиза. — И бывали случаи, подобные вашему. Такие люди просто замыкались в себе и скоро...

— Нет, — попросила я. — Пожалуйста. Не говорите этого слова. Неужели у нас нет ни одного шанса?

Лиза пожала плечами, но взгляд ее устремился в окно, где над всеми зданиями устремлялись вверх шпили Академии Духа.

— Я пойду туда, — решительно сказала я, поднимаясь со стула.

— Таша, маги за свои услуги берут слишком дорого, а такой случай вообще потянет за заоблачную сумму.

— Хорошо, я заплачу им. Продам все, что можно и заплачу.

— Речь идет не о днях, а о часах, — предупредила Куратор. — ты вряд ли сможешь насобирать нужную сумму. Конечно, кое что тебе выделит преподавательский состав, кое что насобирают студенты... думаю, ты можешь рассчитывать на сумму в двадцать-двадцать пять золотых.

— Это очень большая сумма! — признательно сказала я, и побежала в Академию.

Угасшая было надежда возродилась вновь, и я с энтузиазмом постучала в двери

Проректора.

— Господин маг, я уборщица Таша, — ответила я на его вопросительный взгляд и поклонилась.

— Ах, да-да, ты по поводу твоей премии? Ученый совет недавно рассмотрел твоё прошение и принял решение допустить тебя и твоих братьев в нашу Малую Библиотеку.

Если буквально недавно это известие могло вызвать у меня бурю восторга, то сейчас я лишь поклонилась ещё раз.

— Простите, господин Проректор! Нельзя ли изменить премию?

— Изменить? — нахмурился Проректор. — Нет, конечно! Мы уже приняли по тебе решение, но, я вижу, ты не очень довольна.

— Что вы, я счастлива. Просто у меня серьёзно заболела мать и я подумала...

— Следующая премия только через три года! — отрезал Проректор.

— А вы бы не могли войти в моё положение и...

— Если я начну входить в положение каждого, кто здесь работает, ты представляешь, что за хаос тут воцарится? — резко ответил Проректор. — На этом наш разговор закончен.

— Господин проректор! — умоляюще произнесла я. — А вы бы не могли полечить мою маму?

Наверное, он сжалился, прочитав в моих глазах мольбу. А может быть, решил сделать приятное своей подчиненной, которая три года безупречно выполняла свои обязанности. А может быть, просто решил заработать.

— Какие симптомы? — спросил он.

Я быстро описала все происходящее.

— Хорошо, — согласился маг. — Я могу полностью вылечить твою маму, она станет такой, какой была до Прорыва.

— О, как я вам благодарна! — залепетала я, чувствуя, как горячая волна облегчения пронзает все тело.

— Прошу выплатить мне аванс — тридцать золотых, — сказал Проректор.

— А... аванс... тридцать... — язык мне не повиновался.

— Конечно. Лечение таких заболеваний очень трудоемкое, требующее большой затраты энергии. Это ведь не просто простуду вылечить или кости составить. Тут работать нужно в высших духовных сферах. В случае удачи заплатите мне ещё столько же.

Шестьдесят золотых! Моя зарплата за два с половиной года! Мне такую сумму за два дня не собрать...

— Господин Проректор, а можно, я буду платить в рассрочку? У меня нет сейчас такой большой суммы, но я обещаю, что я в ближайшее время смогу найти эти деньги, — заискивающе попросила я.

Проректор нахмурился.

— Тогда и твою мать я тоже буду лечить в рассрочку. У тебя все?

Я кивнула, чувствуя, как все камнеет у меня в душе. Как можно жить дальше, учиться на аптекаря, если не можешь спасти даже собственную мать?

Впрочем, я ведь ещё испробовала не все возможности.

Я побежала вверх по лестнице на пятый этаж. Хотя я ещё не была удостоена великой чести убирать жилые помещения магов, но могла в них ориентироваться — однажды я помогала уборщице тете Глаше выносить мешки мусора после какой-то из гулянок магической молодежи. Так что комнату, где отдыхали молодые маги, я надеялась найти до того, как меня выгонят за нарушение правил.

Остановившись перед одной из дверей, я прислушалась. Оттуда доносилась музыка, гул голосов и взрывы смеха. Для храбрости я помолилась Подкове, хотя была уверена, что в последнее время она меня отдала Таракану в безраздельное пользование. Потом постучала, и, дождавшись приглашения, вошла.

Комната меня поразила не меньше, чем в первый раз. Повсюду на полу и на стенах были роскошные ковры с яркими узорами. В углах шелестели фонтаны, на мягких кушетках

тут и там лежали пары, перед ними стояли небольшие столики с фруктами и бутылками вина. Где-то приятную мелодию играл невидимый оркестр.

— Что-то я не помню, чтобы мы звали прислугу, — сказал резкий голос.

Конечно же, это оказалась Камилла. На ее коленях лежал Эрнесто и играл ее пышными волнистыми прядями. На мое появление он отреагировал только безразличным взглядом, брошенным мельком.

— Простите, господа маги, — сказала я, низко кланяясь. — Мне нужно поговорить с господином Энрико.

— О! — сказал Энрико, который чуть поодаль от Камиллы сидел на полу и читал толстую книгу. — Да это же моя бывшая пациентка! Я тебя слушаю.

— Если позволит господин... Это приватный разговор.

— У меня нет от них секретов, — сказал Энрико, обводя комнату широким жестом. — говори.

— Я прошу господина мага помочь мне, — пролепетала я, краснея под пристальными взглядами окружающих. — Моя мама заболела. И, поскольку господин маг умеет исцелять, я осмелилась просить его о помощи.

— Что с ней? — поинтересовался Энрико, откладывая книгу.

Сказать при всех, что болезнь моей мамы связан с психическим заболеванием, было выше моих сил, поэтому я ответила:

— Боюсь, она при смерти, господин маг.

— Я так и думал, — кивнул Энрико. — Ведь ты аптекарша, да? Значит, прибежала ко мне, когда уже никакой другой надежды не оставалась. Я не знаю, что с твоей матерью, но, думаю, я смогу ее спасти за пятьдесят золотых.

— Пятьдесят? — переспросила я, борясь с отчаянием. — Но, господин маг, когда вы помогали нам тогда, после нападения артынки, вы сказали, что вы это делаете ради опыта.

— Я, конечно, не обязан тебе ничего объяснять, но, так уж и быть, — сказал Энрико, не обращая внимания на укоризненные взгляды остальных. — Артынской мы должны были заниматься, так как это наша обязанность. Поэтому я решил вам помочь, раз уж вы пострадали, в некотором роде, по нашему недосмотру.

Раздались недовольные выкрики, которые молодой маг прекратил одним взмахом руки.

— Да, я так считаю, — твердо ответил он всем недовольным и снова обратился ко мне: — А болезнь твоей матери с моей работой совершенно не связана, я и так назвал тебе заниженную цену. Будешь платить?

— С вашего позволения, — прошептала я еле движущимися губами и вышла.

Последняя надежда на спасение матери погасла. Даже если завтра утром мы с братьями начнем распродавать обстановку квартиры, нам не выручить необходимых денег так быстро. А сбор средств в Колледже только начался. Даже ростовщик не даст мне ссуду, потому что мне нечего оставить в залог.

Двигаясь так, будто у меня замерзли все конечности, я мыла полы, мыслями находясь в квартире рядом с больной мамой. Осознание собственной беспомощности было настолько ужасным, что, упав на меня в этот момент потолок, я бы не заметила. Вот уже пятнадцать лет я была для моих мальчиков и нянкой, и домработницей. Но я знала, что каждый день я могла зайти в комнату, где сидит преждевременно поседевшая женщина, и прижаться к ней. И каждый раз я получала необходимую ласку и поддержку, даже если мама просто бормотала: "Все будет хорошо, доченька, я это знаю". Как жить, когда фундамент твоей жизни рушится?

Находясь в прострации, я налетела на кого-то, автоматически извинилась с необходимым поклоном, и принялась вытирать воду из опрокинувшегося ведра.

— Эй, Кнопка, да послушай же меня! — Эрнесто встряхнул меня за плечи, и только тогда я обратила на него внимание. — Я помогу твоей матери.

— Что?

— Я помогу твоей матери, — повторил он.

— У меня нет таких денег, — безжизненным тоном произнесла я.

— Не нужно. Я это сделаю за услугу. Я помогу твоей матери, а ты пойдешь со мной на бал.

— Неужели... неужели это для вас настолько важно, что вы готовы бесплатно спасти умирающую женщину?

— Да, это для меня важно. Но я не гарантирую, что я ее спасу, все же я не целитель. Я только обещаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить ее состояние.

— Конечно, спасибо, господин м... Эрнесто, — прошептала я, глотая слезы.

— Прекрати вот это, — приказал маг, взяв меня за подбородок. — Быстро одевайся и пошли.

Первым вопросом, который я услышала, когда мы вошли ко мне в квартиру, было:

— Вы здесь живете? Как вы все тут помещаетесь? Какая теснота...

Вопреки моим опасениям мальчишки промолчали. Они жались друг к другу как два цыпленка, которых бросила на холоде наседка и смотрели на мага с таким отчаянием в глазах, что он не выдержал, отвернулся и хриплым голосом спросил:

— Где больная?

Я указала ему на двери родительской комнаты. Там на кровати рядом с недвижимым телом мамы сидел отец и держал ее за руку. При виде мага он выпучил глаза и хотел что-то сказать, но голос ему не повиновался, и раздалось только невнятное сипение.

Эрнесто подошел к кровати и задумчиво посмотрел на мою мать. С каждой минутой его лицо все больше мрачнело.

— Так, — наконец произнес он. — Мне сюда побольше питьевой воды и все вон.

Федор притащил из кухни большую кастрюлю с водой и поставил на стул рядом с кроватью.

— А как я пить буду? — рявкнул Эрнесто. — Как собака хлебать?

Издав слабый вскрик, брат убежал, чтобы принести магу нашу лучшую чашку, берегаемую для редких гостей.

— Вон, — коротко сказал маг. — Тебя, Кнопка, это тоже касается. И если мне хоть кто-то мешает...

Я закрыла дверь в комнату и повернулась, чтобы храбро встретить взгляды трех пар перепуганных глаз.

— Он вылечит маму? — наконец, решился спросить Флор.

— Не знаю, — ответила я, только сейчас почувствовав, как я устала за последние сутки. — Обещал сделать все, что в его силах. Он не целитель.

— Почему ты не привела целителя? — гневно спросил отец.

— Потому что у нас нет таких денег, — огрызнулась я. — и вообще, вы тоже могли бы что-то сделать, а не сидеть сиднем и не страдать.

— Мы испугались, — ответил за всех Федор.

— А я не боюсь? — взорвалась я. — Я, по-вашему, не люблю маму и не беспокоюсь за нее?.. Что тебе надо?

— Тшш, сестра, — Флор успокаивающе взял меня за руку. — маг попросил ему не мешать, а ты кричишь под дверями. Пойдем к тебе, приляжешь, успокоишься...

— Как же вы мне все надоели, — вырвалось у меня.

Я знала, что совсем скоро я пожалею о своих словах, но сейчас мне хотелось бить, пинать и крушить все вокруг, чтобы показать, что мне тоже больно и грустно, что я тоже боюсь и не могу больше нести на своих плечах весь груз ответственности за семью. Даже не смотря на то, что мне иногда казалось, что я старше собственного отца.

— Ты не должна так говорить, — вмешался отец. — Мы — твоя семья!

— Семья! — горько сказала я, но удержалась, не высказала все, что накипело.

Закрыв перед носом своей семьи двери, я упала на кровать, накрыв голову подушкой. Почему-то вспомнилось, как я выронила свою любимую куклу, когда мы бежали из деревни, охваченной монстрами из другого мира. Как же я тогда просила вернуться немного назад, чтобы подобрать ее с дороги. Отец на это ответил, что мне нужно следить за одним из

братьев, а не думать о какой-то кукле. Конечно, он был прав, он не мог тогда разорваться на всех сразу, но как же было обидно!

— Таша, — тихонько сказал под дверью кто-то из братьев. — Я тебе чай сделал. И сушеное яблочко кинул для вкуса, как ты любишь. Ты двери откроешь, или поставить в коридоре?

— Заходи, — глухо отозвалась я, — не заперто.

— Таша, — брат поставил поднос на стол и примостился на краешке кровати. — Я тебя люблю. Ты самая лучшая сестричка, о которой только и можно мечтать.

Я подо двинулась, а он лег рядом, обняв меня. Через какое-то время в комнату просочился второй брат, и тоже лег рядом. На кровати стало очень тесно и очень-очень тепло. Мы часто, будучи маленькими, спасались на одной кровати от грозы или просто от темноты. Ведь когда ты рядом с близким человеком, самое страшное уже не кажется таким страшным.

Я проснулась так резко, будто меня толкнули. Рядом дружно сопели братья. Высвободившись из их объятий, я босиком прошлепала на кухню, услышав по дороге, как бормочет молитвы отец в соседней комнате. Из родительской комнаты не раздавалось ни звука, дверь была закрыта.

Заварив себе чая, я уселась на подоконник и стала следить за тем, как падают снежинки под светом уличного фонаря. На улице было тихо-тихо, я словно была в другом мире, в котором, кроме меня, никого не было. Наверное, это самое странное и волшебное время — два-три часа ночи, когда мир находится в безвременье, уже не вчера, но еще не сегодня. Поэтому я сидела, смотрела в окно и ждала чуда.

Чудо появилось на кухне, пошатываясь. Даже при тусклом свете лампы было видно, что лицо мага посерело, губы потрескались. Без сил упав на стул, Эрнесто сообщил:

— Я вылечил твою маму.

В моем животе как будто образовалась пустота, которая потом наполнилась невероятной радостью. Я соскочила с подоконника, готовая бежать и кричать о радости во все горло.

— Тихо, стой, — сказал маг. — Она сейчас спит. Не буди ее. Мы проделали вместе тяжелую работу. Завари мне чая, только послаще.

Сейчас я была готова сделать для этого спасителя все, что угодно. Какое же счастье, какое же счастье!

Эрнесто молча пил обжигающе горячий чай, глядя в окно. Руки у него едва заметно дрожали.

— Ты, Кнопка, теперь мне должна, — сказал он. — Я все силы на твою мать потратил. Я теперь себя чувствую еще хуже, чем когда артынску уничтожал.

— Конечно, господин Эрнесто, я помню. Я пойду с вами на бал.

— И будешь делать все, что я скажу?

— Да.

— Хорошо. До бала три дня, я правильно понимаю, что у тебя нет достойного платья?

— Нет. Но я куплю, господин маг, я...

— неужели ты думаешь, что моей спутницей на балу может быть женщина, одетая в платье за два-три золотых? — презрительно спросил у меня маг.

Таким он мне был намного привычнее. Глядя в его лицо, на котором снова появилась презрительная усмешка, я почувствовала, что все мои неприятности закончились. Все стало на свои места. В самом деле, смотреть на мага, спокойно пьющего дешевый чай у тебя на тесной кухоньке, было слишком удивительно.

— Вечером я тебе выдам какое-нибудь платье, — решил он. — И лучше совсем без украшений, чем с дешевой бижутерией. И купи себе билет до Быстрицы, ты же не думаешь, что я тебя туда отвозить буду.

На все его слова я только кивала.

— А теперь, — будничным тоном сказал маг, — ты пойдешь и ляжешь со мной в

постель.

— Зачем? — выдохнула я.

— Мне же нужно как-то восполнить свой энергетический баланс, — пожал плечами маг, — для этого женское тело подходит лучше всего. Ну, не ломайся. Я же должен как-то дойти до Академии.

Совсем недавно я думала, что сделаю для мага все. Но оказалось, что моя девичья честь мне дорога настолько, что сжав халат у горла, я в испуге таращилась на Эрнесто, застыв на месте.

— Что ты так испугалась? Я же не есть тебя собрался. Хотя, наверное, могу и укусить пару раз, — кажется, он вовсю наслаждался моим испугом.

— Я... у нас... у нас нет свободной кровати, — пролепетала я.

— Что, ни одной? Нищета.

Горло не хотело издавать внятных звуков, но мне все же удалось справиться с собой:

— Господин маг желает, чтобы я разбудила своих братьев и освободила кровать?

— Вот еще, — нахмурился Эрнесто. — Только публики мне не хватало.

Он окинул задумчивым взглядом стол. На негнувшихся ногах я подошла к нему и замерла, совершенно не представляя, что делать дальше.

— Нет, не годится, — с сожалением в голосе сказал маг. — Не сейчас. Шоколад-то хоть у тебя есть?

— Есть, плитка.

— Это же не шоколад, — капризно надул он губы. — Это вообще неизвестно что с запахом шоколада. Ладно, давай, раз лучшего ничего нет. Где у вас бордель ближайший?

— Я не знаю, — я на всякий случай отошла подальше от мага.

— Конечно, откуда тебе знать, — с непонятной горечью сказал Эрнесто. — Благовоспитанная и трудолюбивая мещанка, такая приторно-сладкая и простая, как эта плитка псевдо-шоколада. Аж тошно.

— Я не понимаю, в чем суть ваших претензий, господин маг, — осознав, что Эрнесто не собирается брать меня прямо на кухонном столе, я немного расслабилась.

— Да куда уж тебе, Кнопка. Твое воспитание позволит проводить меня до борделя?

— Да.

— А, не надо, сам дойду, — он встал, пошатнулся, но все же вышел в коридор и уже там упал, перевернув на себя вешалку с одеждой.

На грохот сбежалась вся семья.

— Что с мамой? — завопили близнецы, пока я пыталась извлечь ругающегося мага из-под шуб и курток.

— Да здорова ваша мать, — недовольно рявкнул он. — И еще сто лет проживет. Вы мне поможете встать или нет?

— Извините, — близнецы кинулись на помощь.

Втроем мы подняли и вешалку, и мага. Отец уже убежал в комнату, и всхлипывал, прижав руку мамы к своей щеке.

— Может быть вам прилечь, господин маг? — спросил Федор.

— Не нужно, — мрачно ответил маг. — Мне уже отказали.

Близнецы посмотрели на меня с негодованием.

— Я... — пролепетала я, не понимая, когда и в чем я отказала магу.

— Господин маг! — отец совершенно не стыдился текущих по щекам слез. — Что мы еще можем сделать для вас?

— Во-первых, — Эрнесто устало прислонился к стене и потер рукой лоб, — лучше заботьтесь о своей матери. Она просто почувствовала, что ее жизнь никому не нужна, и поэтому решила умереть. Вернуть ее из этого состояния было очень тяжело, и если вы допустите следующий раз, то тогда уже никто не возьмется за это дело.

— Неправда! — закричали близнецы. — Мы заботимся о ней!

— Молчать! Я не знаю, почему ваша мать считает, что ей не стоит жить. Это ваше

дело. Заведите ей кого-то, о ком она сможет заботиться, зверюшку какую-нибудь, да пусть хоть мышей приручает, лишь бы это было исключительно ее забота, и существо было по возможности как можно более требовательным.

Отец кивал с фанатичным блеском в глазах.

— Во-вторых, отдайте-ка мне этих молодцов на ночь.

— Нет! — испугалась я. — господин Эрнесто, уж лучше я, раз уж освободилась кровать...

— Молчи, глупая женщина. Ты что, меня до борделя собралась на себе тащить? Не вмешивайся!

— Но...

— Таракан тебя побери! — уже совершенно не сдерживаясь, заорал маг. — Ты вообще ценить умеешь, когда о тебе заботятся, или нет? Уйди, чтоб я тебя вообще не видел!

Братья дружно затолкнули в спальню, и хором закричали:

— Господин маг, сейчас мы вас отвеем, господин маг, не волнуйтесь, господин маг, уже одеваемся.

Совершенно сбита с толку поведением мага, я сидела на кровати, пытаюсь понять что же мне теперь делать. Он заботится обо мне? Почему? Чем вызвано такое его поведение? Почему он попросил Энрико вылечить мои раны? Почему он спас меня от боевых заклинаний в лесу, ведь им было достаточно испепелить мой труп, и никто бы ни о чем не узнал, я бы считалась заблудившейся в лесу и пропавшей без вести. Почему ему так важно, чтобы я пошла с ним на бал? Почему он согласился бесплатно спасти мою мать от смерти, потратив все свои силы? И, наконец, почему он отказался переспать со мной? Да, я не хотела этого, но отказать ему я бы не посмела, если бы он проявил хоть немного настойчивости. Значит ли это, что он относится ко мне по-особенному? Но ведь этого же не может быть! У него есть эффектная красотка Камилла, да и никогда маги не связывали себя с простыми людьми! Максимум, на который распространялась их любовная горячка — это посещение девиц в борделе.

Сплошные вопросы без ответов. Зато теперь я точно знаю, что не для опытов поставляла прабабушка Глеба молодых девушек в Академию, а для любовных утех обессилевших магов.

Погруженная в мысли, я сидела на кровати, обхватив голову руками, и не заметила, как рядом сел отец.

— Доченька, — ласково сказал он. — Я знаю, кто нужен маме.

— Собачка? — не поднимая головы, спросила я.

— Нет, ребенок. Младенец.

— А я тут при чем, папа? — я не могла понять, к чему он ведет.

— Ты подаришь нам внука, — торжественно произнес отец.

Кажется, эта ночь еще не исчерпала припасенные у Таракана для меня неприятности.

— Папа, ты что? Я учусь, и вообще, младенец — это не нескольких дней дело!

— Я знаю, дочка, но когда ты забеременеешь, мама будет заботиться о тебе, а потом и о ребенке. Мы слишком оберегали ее после Прорыва, вы выросли, и мама решила, что она теперь совершенно не нужна. А когда ты отдашь ей ребенка, то она погрузится в заботы и будет жить ради него. Ты бы знала, сколько ребенок требует времени и сил. А ты пока учись себе на здоровье, открывай аптеку.

— То есть, я правильно поняла, ты хочешь, чтобы я родила ребенка и отдала вам? — не веря в происходящее, спросила я.

— Да, — отец, казалось, совершенно не понимал чудовищности своих слов. — Тарас хороший мальчик, он с радостью женится на тебе...

— И сделает мне ребенка, да? Папа, ты что, совсем не понимаешь, о чем ты говоришь? Ведь это будет МОЙ ребенок, понимаешь? Зачем я буду его отдавать кому-то?

— Не кому-то, а матери.

— Не матери, а бабушке! Матерью тогда уже буду я. И если я рожу когда-нибудь

ребенка, то я рожу его для себя, папа, а не для кого-то. Ребенок — не игрушка.

— Ты не хочешь сделать этой малости для матери?

— Малости? — я наконец-то присмотрелась к отцу. Фанатичный блеск в его глазах не угас, более того, он совершенно искренне верил в то, что ценой моего будущего спасет маме жизнь. — Папа, я не буду рожать ребенка для мамы. Заведи ей собаку.

— Ребенок лучше.

— Тогда возьми младенца из приюта.

— Нет, это будет чужой младенец. А твоей матери нужен свой.

— Вон из моей комнаты.

— Ты, наверное, не поняла, — резко сказал отец. — Я вижу, что я слишком много воли тебе давал. Ты забыла, что, пока ты живешь в моем доме, ты подчиняешься моим правилам? И что, согласно закону, я несу за тебя ответственность до тех пор, пока ты не выйдешь замуж? Поэтому ты как можно быстрее выйдешь замуж за Тараса и забеременеешь. Это моя отцовская воля.

— Папа, — прошептала я. — Ты этого не сделаешь.

— Твоя мать для меня — вся моя жизнь, — ответил отец. — И ты скоро поймешь, что это даже лучше для тебя.

— Ты думаешь, Тарас согласится отдать вам своего ребенка?

— Да, согласится. В отличие от тебя, он более здравомыслящий человек и умеет слушаться старших.

Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как мой маленький и счастливый мир, который я так долго строила для себя, разлетается вдребезги. И каждый осколок моего несбывшегося счастья так больно ранил мое сердце, что удивительно, как я еще не умерла.

## Страшные животные, или О ванной

— Маленькая уборщица, почему ты такая мрачная? — спросил Эрнесто, поджидавший меня у подсобки. — Тебя не радует здоровая мама?

— Радует, почему же. Просто теперь мой отец одержим идеей выдать меня замуж, чтобы я в срочном порядке произвела на свет ребенка, которого они с матерью отберут у меня и будут воспитывать сами.

— Это они зря, — серьезно сказал маг. — Ребенка должны воспитывать только родители. Странно, что твой отец этого не понимает.

— Он слишком сильно любит маму, — вздохнула я. — А вы сказали, что маме нужен кто-то, чтобы посвятить себя ему. Вот отец и решил, что внук будет самым лучшим выходом.

— Станные вы существа, люди. У нас ребенок является наивысшей ценностью, но никто не будет принуждать женщину рожать, тем более для кого-то. А вы слишком плодовиты, поэтому рассматриваете детей, как разменные монеты.

— Разве у магичек проблемы с деторождением? — удивилась я.

Эрнесто пожал плечами.

— Это тебя не касается, но я скажу, что для нас один ребенок в семье — уже огромное счастье. Все же бытие магом накладывает некоторые ограничения.

Не смотря на мое подавленное состояние, я посочувствовала магичкам. Жить, зная, что ты можешь не продлить себя, не оставить после себя хоть частички, наверное, ужасно. А может быть, и нет. Что я, в сущности, знала о жизни магов? Практически ничего. Может быть, проводя дни в отдыхе и в тренировке боевых умений, взрослые маги вовсе не нуждаются в детях, чтобы обеспечить себе поддержку в старости и продление своего рода ради передачи нажитого добра? К тому же, маги не только получают от государства огромные средства на свою роскошную жизнь, они еще и хорошо зарабатывают. Был бы вчера на моем месте какой-нибудь зажиточный купец, он бы без разговоров отдал требуемую сумму ради спасения близкого человека.



— Не грусти, — приказал маг. — Мне нужно, чтобы на балу ты была в прекрасном расположении духа. Если тебя так гнетет то, что сказал тебе отец, поговори с матерью. Уверю тебя, после моего лечения она полностью адекватна.

— Спасибо за заботу, господин Эрнесто, — поклонилась я.

— Пустяки, — отмахнулся маг, хотя я видела, что ему была приятна моя благодарность. — Я принес тебе платье. Оно из гардероба моей матушки, тебе, наверное, будет великовато, поэтому подгони под себя, чтобы на фигуре сидело, как влитое. Волосы нужно будет зачесать наверх, по шее спустить несколько волокон. И обязательно надень ажурные перчатки в тон платью и туфли. В таком виде ты должна будешь прибыть в Дворец Магов.

— Но, господин маг, я же замерзну!

— Накинь это, такую меховую штуку на плечи, не знаю, как она называется.

— У меня ни палантина, ни горжетки, — сказала я. — А можно одеть сапоги, взять туфли с собой, а потом переобуться?

Маг скривился.

— Остановишься в гостинице "Звезда", — решил он, — перед балом я заеду за тобой, чтобы ты не выглядела, как деревенская дурочка. Не хочу тебе угрожать, но если ты меня опозоришь, то я сделаю что-то очень плохое. Не люблю быть посмешищем.

— Если все это так сложно, то зачем вы настояли, чтобы я пошла на бал?

— Потому что так надо, — непонятно ответил Эрнесто. — И води себя на балу поскромнее, ясно?

Я кивнула, и маг сунул мне в руки холщовую сумку с нарядом.

— Надеюсь, ты сможешь разобраться в бретельках и пуговках, — не смог он не уколоть меня напоследок.

Дома я развернула тонкую ткань, в которую было упаковано платье, и ахнула от восторга. Это был ослепительный ярко-зеленый наряд из тонкого шелка, который скользил по коже струящимся водопадом. Повесив платье на плечики, я нахмурилась. Получалось, что вся спина у меня будет обнаженной, а живот прикрывало только редкое переплетение ленточек. Никогда в жизни я еще не одевала на себя столь дорогого и столь бесстыдного наряда.

Заколов волосы наверх, я, зажмурившись, надела платье, и долго не могла решиться посмотреть в зеркало. Но когда посмотрела...

Там отражалась какая-то незнакомка, настолько не похожая на меня, что я поежилась.

Мать Эрнесто была довольно стройной и высокой женщиной. Поэтому платье сидело на мне, как вторая кожа, даже было немного тесным — грудь так выпирала из лифа, что было тяжело дышать. Платье нужно было сильно укорачивать, и я, не мешкая, этим занялась. Времени до отъезда у меня было слишком мало, но я надеялась, что его хватит на то, чтобы из отрезанного подола сделать себе что-то вроде шали, чтобы прикрыть себя хоть немного.

Пока я раскладывала платье на полу, чтобы без помех раскроить, в комнату заглянул Флор:

— Какая красота! Это твое, или кто-то попросил подшить?

— Сколько раз я говорила, что нужно стучаться? — буркнула я в ответ. Мне не хотелось, чтобы братья знали, в какую авантюру я попала.

— Если стучаться и не подслушивать, то как узнать самое интересное, — пожал плечами Флор и позвал брата.

— Все так, как я и думал, — констатировал Федор, рассматривая платье. — Чего этот маг потребовал от тебя за лечение матери?

— А не все ли равно?

— Нет. Ты наша сестра, и мы волнуемся за тебя, — твердо сказал Флор. — Мы, конечно, рады, что господин Эрнесто решил воспользоваться борделем, а не тобой, но мы сразу предположили, что ты будешь как-то расплачиваться. Расскажи нам.

Федор присел рядом и молча принялся мне помогать, пока Флор держал над нами

лампу, чтобы было лучше видно.

— Он попросил пойти с ним на бал Первого Дня Зимы, — призналась я, не выдержав гнетущего молчания. — И выдал это платье, чтобы я выглядела прилично.

— Я читал, что раньше эти балы были просто великолепными, — сказал Федор. — С большим количеством различных магических штучек и фокусов. Но ты не волнуйся, в ритуале бала, который описывают все авторы, нет ни одного упоминания о чем-то чудовищном, типа жертвоприношения или оргии.

— Я не могу понять, зачем я там нужна, — поделилась я с братьями своими страхами.

— Думаю, что твой Эрнесто просто хочет шокировать местную публику, появившись на балу с человеком, — сказал брат. — Маги сейчас так далеки от людей, что любые тесные контакты с нами выглядят как верх эксцентричности.

— Так что приготовься к пристальному вниманию, Таша, — подытожил Флор.

Я поехала. Быть в центре внимания — то, чего я никогда не любила. Мне всегда удавалось оставаться в стороне от бурных событий и ярких мероприятий. Всегда, до последнего времени, когда на меня внезапно ополчился Таракан.

— Ты сказала Тарасу, что уезжаешь? — поинтересовался Федор. — Он сегодня приходил, когда тебя не было, и долго разговаривал с отцом и мамой.

Я сжала кулак так, чтобы ногти вонзились в ладонь.

— Не люблю, когда что-то решают за моей спиной.

— Там ничего страшного не было, — сообщил Флор. — Они просто говорили о том, как они все тебя любят, и как ты будешь счастлива замужем за Тарасом, который будет заботиться о тебе. Потом он официально просил твоей руки, а мама плакала от радости.

— Что значит — просил моей руки? — взвилась я. — Они уже все решили? А как же спросить меня?

— Не кипятись, — остановил Федор. — Приедешь со своего бала, тогда все и решишь. В принципе, Тарас не самый плохой парень и, кажется, он тебя искренне любит.

— Я еще советов от младшего брата не выслушивала.

— Ну и очень зря! — обиделся Федор. — Со стороны-то виднее.

— А то ты за своей учебой совсем зачухнешь, — добавил Флор. — и превратишься в страшную и никому не нужную карьеристку. И никогда не освободишь комнату! — подумав, он добавил: — Зато будешь нам готовить, это тоже не плохо.

— Мне бы не хотелось обсуждать сейчас свое дальнейшее будущее, — мрачно сказала я. — Если переживу бал в окружении магов, то уж тогда-то серьезный разговор с кое-кем покажется сущим пустяком. А вы держите руку на пульсе, чтобы знать, что там против меня еще замышляют некоторые излишне заботливые.

— Мы тебя предупредим, если ситуация накалится, — пообещал Федор.

В первый день зимы ударил мороз. Это было очень плохо, потому что вчера был дождь, и теперь всю землю покрывала толстая корка льда. Жукачара, на которой я ехала в Быстрицу, очень осторожно переставляла лапки по дороге, и поэтому я приехала несколько позже, чем рассчитывала. Оставалось совсем немного времени для того, чтобы привести себя в порядок.

В гостинице «Звезда» я, как и было условлено, сняла себе комнату. Внеся туда маленький чемоданчик с вещами, я села перед туалетным столиком, распустила волосы и задумчиво уставилась в зеркало. Хорошо тем, кто часто посещает официальные собрания и сам готовится к ним, а я же совершенно не знала, с чего начать, чтобы мои волосы легли в необходимую прическу. Я пыталась самостоятельно смастерить на голове нечто красивое, со спускающимися на шею локонами, такое, чтобы не развалилось при первом же танце. Через некоторое время я совершенно выдохлась, а волосы на голове стали напоминать воронье гнездо, а не аккуратную бальную прическу.

Услышав за окном шум, я обрадовалась возможности немного передохнуть и выглянула в окно. Увиденное заставило меня в ужасе замереть, прижав руку ко рту. По прямой, как стрела, улице, освещенной алхимическими фонарями, неслась обезумевшая

жукачара. Скользя, она задевала здания, от чего от них отламывались куски штукатурки прямо с кирпичами. Пассажиры непрерывно вопили, вцепившись в сидения, а управителя вообще не было видно. Зловещей тенью промчалось огромное насекомое мимо окон гостиницы и продолжило свой бег. Кровавые брызги, оставшиеся на стекле моего окна, вывели меня из оцепенения. Накинув шубку, я достала из чемодана свою верную аптекарскую сумку и помчалась на улицу. На лестнице меня застал грохот, после чего вопли усилились.

— Столкнулась с другой жукачарой, — раздался за моей спиной сдавленный голос, когда я выскочила на обледеневшую мостовую.

— Бегите за аптекарями, — закричала я что есть силы в замершую толпу. — Немедленно! Найдите всех, кого можно! Ты и ты — чистые простыни мне! Вы — несите горячую воду! Не стоим! Мужчины — за мной!

Когда-то на одной из лекций нам рассказывали, что людей, которые пережили что-то ужасное, нужно вести за собой, раздавая четкие указания. Иначе ступор страха перерастет в панику, и тогда с толпой будет уже невозможно справиться. Но я никогда не думала, что когда-нибудь роль лидера придется взять на себя.

Но, наверное, не зря, каждый год мы проходили один и тот же курс "Поведение во время Прорыва". Намертво забитые в голову необходимые действия совершались автоматически, не давая места чувствам и страхам. На ходу раздавая указания, я бросилась в самую гущу страданий. Поднять упавшую на бок жукачару не было никакой возможности, тем более, что она хаотично размахивала лапами. Подставляться под удар было очень опасно, и поэтому мы сосредоточились на извлечении пассажиров.

Перед той жукачарой, которая остановила своим телом бег обезумевшей, стоял управитель и кричал изо всех сил. Наверное, он пытался успокоить насекомое, чтобы оно не вцепилось лапами и жвалами в упавшую.

Время остановилось. Были лишь только раны людей, которым не посчастливилось ехать на спине обеих жукачар, раны людей, растоптанных и отброшенных с дороги лапами, раны тех, на кого упали отломанные вывески, кирпичи и навесы. Моя сумка давно опустела, и теперь я перевязывала раны кусками чистого полотна, который подавал мне какой-то человек, следовавший за мной.

— Это все маги, — с ненавистью прошипел он, когда я поднялась с колен, вытирая рукой пот со лба. — Это из-за их фейерверков и фокусов возле замка жукачары сходят с ума.

— У вас уже такое было? — ахнула я.

— Последнее время — каждый год, — качнул головой мужчина. — И всегда часть насекомых с ума сходит, никогда не предугадаешь, на какую подействует, на какую — нет. Сегодня это уже третий случай, так что нам вас сама Подкова послала. Все аптекари просто с ног сбиваются.

Я не помнила, чтобы нам когда-либо на уроках рассказывали про такое поведение жукачар, может быть, преподаватели были уверены, что нас это не коснется? Ведь жукачары — магические животные, которые проникли нам из другого мира, к тому же именно маги занимались их селекцией. Мало ли что они использовали во время своих опытов! Но, неужели, нельзя поставить какой-то барьер, чтобы магическая энергия не мешала простым людям? Или маги, как всегда, об обычных горожанах думают в последнюю очередь.

— Ты что здесь делаешь?! — раздался над моей головой гневный окрик.

Я подняла глаза от перевязываемой раны и увидела разъяренного Эрнесто, который возвышался надо мной, как городская ратуша над маленьким кустом.

— Как это — что? — удивилась я вопросу, возвращаясь к прерванному занятию. — Исполняю свой долг.

— Ты! Ты! Ты! — от злости у мага перехватило в горле. — Ты знаешь, сколько сейчас времени? Я заехал за тобой, а ты в таком виде! Таракан на твою голову! Вставай!

Он так резко дернул меня за волосы, что я вскрикнула, а на глазах выступили слезы. Поневоле поднявшись, я, как обычно, почувствовала себя совсем маленькой рядом с

огромной фигурой Эрнесто.

— Немедленно прекрати, — прошипел он, — возвращайся в номер!

Меня затопила такая волна ярости, что я перестала себя контролировать.

— Что вы себе позволяете? — закричала я, срываясь на визг. — Здесь страдают люди, и я не уйду отсюда, пока не помогу им. Это мой долг!

— Твой долг сейчас — идти со мной, — маг сжал руки в кулаки, его губы побелели. — или ты забыла, маленькая уборщица, что ты обязана мне жизнью своей матери.

Он схватил меня за руку, что я вывернулась.

— Я не позволю вам поступить так с этими людьми! — твердо сказала я. — Здесь каждая пара рук на счету. Если вам будет угодно, можете меня убить, но только после того, как я перевяжу последнюю рану.

Внезапно выражение лица Эрнесто резко изменилось. Он посмотрел на меня с любопытством и спросил:

— Даже если я сейчас одним движением пальцев, заберу у твоей матери то, что недавно ей вернул? Жизнь? Или, лучше, рассудок?

— Я вступаю в сделки только тогда, когда от их исхода зависит только моя жизнь, — сказала я. По щекам у меня текли слезы, но решимость не уменьшалась. Я не могу, просто не могу поступиться своим долгом. Ведь я так долго шла к тому, чтобы стать аптекарем! Если я отступлю сейчас, то просто предам свою мечту.

Наверное, он что-то прочитал в моих глазах. Или ему стало неловко под взглядами окружающих, которые не решались открыто выразить свое неодобрение, зато их мнение о маге ясно отражалось на их лицах. Я не знаю истинной причины его поступка, но Эрнесто тряхнул головой, словно отгоняя надоедливые мысли и спросил:

— Тебе нужно всего лишь остановить кровотечение у наиболее тяжело пострадавших до прихода помощи?

Я кивнула. Над ранеными, кроме меня, уже работали еще двое аптекарей, но этого было очень мало.

Маг прижал свои ладони одна к другой и поднял их над головой, как будто делая зарядку. Его губы беспрестанно шевелились, глаза были закрыты. Вдруг он резко развернул ладони к небу, и из его рук полился зеленый свет. Я стояла, боясь пошевелиться, глядя на это чудо. Прямо на моих глазах у моего пациента, от которого меня оторвал Эрнесто, кровь из раны прекратилась, а сама рана затянулась тонкой коричневой пленкой.

Наконец, свечение прекратилось, маг сложил ладони и покачнулся. Если бы я не кинулась ему на помощь, он так бы и упал на мостовую.

— Скажи, чтобы перед перевязкой сняли корку, — прошептал он мне. — И пусть долго не тянут, это временная мера.

Я передала его слова всем остальным, смотрящим теперь на молодого мага, как на божество. Двое крепких мужчин помогли мне занести мага в мою комнату в гостинице, куда тут же примчался лично сам хозяин с подносом, уставленным парующими чашками.

— Лучший чай и лучший шоколад для господина мага, — низко склонился он перед кроватью.

— Горячую ванну сюда, — тихим голосом приказал маг.

— Вам помочь выпить чай? — спросила я.

Он отрицательно качнул головой.

— Теперь ты, Кнопка, мне столько должна, что я уж и не знаю, как ты расплачиваться будешь, — слабо усмехнулся он.

Я подоткнула под него подушки, чтобы ему было удобнее пить чай, и посмотрела на себя в зеркало. Вот уж, воистину, сам Таракан испугается, когда увидит меня в таком виде! На голове — гнездо из запутавшихся волос, лицо, руки и одежда в крови и грязи, одежда вся в пятнах. Сколько же времени мне понадобится, чтобы привести себя хотя бы в относительный порядок? А мы и так уже опаздываем! Я виновато покосилась на мага. Он задумчиво прихлебывал чай из красивой фарфоровой чашечки, и не обращал на меня

внимания. Эрнесто оживился только тогда, когда несколько слуг, пыхтя и отдуваясь, принесли огромную ванну и сумку с мыльными принадлежностями. Следом вереницей шли служащие гостиницы с ведрами горячей воды.

— Эй, Кнопка! — окликнул маг, когда все ушли.

Я в это время пыталась отмыться в маленьком тазу, положенном постояльцам для умывания.

— Залезай в ванну!

— Ч-ч-что? — заикаясь, пробормотала я. Я-то думала, что это он для себя заказал!

— Что слышала. На бал ты должна прибыть в наилучшем виде.

— Но я и так... и тут помоюсь...

— Ты опять споришь? — устало спросил он. — Может быть, мне тебя туда зашвырнуть?

Я с опаской покосилась на мага. Выглядел он уже значительно лучше, и что он выполнит свою угрозу, можно было не сомневаться.

— Дай сюда эту сумку... Так... так... ага! Вот это выльешь в воду, а вот этим — вымоешь волосы. Начинай.

Я почувствовала, как лицо, уши, шею и даже грудь заливают красной краской стыда.

— А вы так и будете смотреть? — наконец, выдавила я из себя.

— Ну должен же я получить хоть какое-то удовольствие! — заметил маг. — Я, между прочим, ради тебя спас этих людишек на улице. Бесплатно.

Мне пришлось признать его правоту. Но, в конце концов, почему я так смущаюсь? Человеческое тело анатомически одинаково, и небольшое различие между мужчиной и женщиной еще не повод делать из этого трагедию. Можно подумать, он никогда не видел голых женщин, а я — голых мужчин. Первый раз, когда нашу учебную группу привели в морг, мне было легче, чем некоторым девушкам. Я хотя бы видела обнаженного мужчину, когда в детстве купала братьев. А вот для нескольких моих одноклассниц это зрелище было потрясением. Одна даже упала в обморок.

— Не надо истерик! — заявила тогда наша куратор. — Половой орган живого мужчины выглядит намного привлекательнее.

— Я могу продемонстрировать, — оживился Лео.

— Умерьте свой энтузиазм, Леопольд, — отрезала Лиза. — Вы что, не учли, что здесь довольно холодно?

Тогда Лео это остановило, а чуть позже, я уверена, он продемонстрировал всем желающим все, что они хотели и даже чуть больше.

Аккуратно сняв одежду — Эрнесто в этот момент даже забыл жевать шоколад, я залезла на табуретку и уставилась на ванну. Честно говоря, мне было страшно. Я никогда не купалась в ванной, только в нашем маленьком душе или в озере в деревне. Заставить себя шагнуть в горячую воду было очень тяжело. А вдруг там скользко. Или горячо. Или холодно. Или металл будет царапать кожу. Или...

— Я уже вдоволь насмотрелся на твои грязные прелести, — заявил маг. — Что застыла? Видел я и грудь побольше, и бедра красивее, а уж ноги длиннее у каждой первой.

Я не обращала внимания на оскорбления, безуспешно борясь со страхом. Если я в нее сяду, она не опрокинется?

— Кнопка? Ты что, боишься? — удивился Эрнесто. — Ты никогда не купалась в ванне?

Я кивнула, сжавшись на табурете в комочек. Раздался шорох. Я подняла глаза. Напротив ванной стоял маг и протягивал мне руку. На его лице было непривычное мне мягкое выражение.

— Я тебе помогу, — сказал он. — Держись за меня. Скользко не будет.

С его помощью я опустилась в ванную, сразу же судорожно уцепившись за бортики. Эрнесто взбил мыльное средство в густую пену и посоветовал:

— Расслабься.

С трудом, но мне все же удалось последовать его совету. И только тогда я оценила то

блаженство, которое дарит полная ванна горячей воды с ароматной пеной. Кажется, каждая моя косточка пела от радости — хоть я и понимала, что такого не может быть, но это все же было.

— Нравится? — спросил маг, и его тон настолько меня удивил, что я открыла глаза и посмотрела ему в глаза. — У тебя такая улыбка довольная, — его глаза сияли.

Через некоторое время пришлось с сожалением признать, что вода имеет свойство быстро остывать. Без помощи мага я бы вряд ли оказалась на стуле у туалетного столика без видимых повреждений — вылезать из ванны оказалось очень тяжелым делом, требующим определенной сноровки, которой у меня, увы, не было.

Ловко завернув меня в полотенце, Эрнесто щелчком пальцев зажег огонь в камине.

— Господин Эрнесто, — смущаясь, спросила я, — почему вы так добры ко мне?

— Не делай ложных выводов, маленькая уборщица, — посоветовал мне маг. — Я это делаю исключительно потому, что мне выгодно. Очень бы не хотелось прийти на бал с замарашкой. Это очень уронит мою репутацию.

Сказав это, он вцепился расческой в мои волосы и принялся безжалостно их раздирать, так, что моя голова болталась, как у тряпичной куклы, а из глаз лились слезы.

— Терпи, — сдавленно пробормотал он. — Я не парикмахер.

Я зажмурилась, закрыв лицо руками. Через некоторое время рывки прекратились, и Эрнесто довольно сказал:

— Вот, полюбуюсь.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка с волосами, уложенными в высокую прическу. Несколько локонов, спадающих на шею, зрительно удлинляли ее, а форма укладки подчеркивала черты лица.

— Закрой рот, — грубовато приказал мне маг, и, предвосхищая вопросы, объяснил: — Я свою мать все время причесываю. Она больше никому не доверяет. Одевайся.

Я быстро натянула платье и обулась.

— Как я и думал, платье — то, что надо, — удовлетворенно сказал Эрнесто, обходя меня кругом. — Напоминаю, что ты должна во всем слушаться меня и вести себя скромно. Понятно. Пойдем.

— Я же замерзну, — испугалась я.

— Ты что, думаешь, мы пойдем пешком? Бросай свои плебейские замашки, внизу нас ждет портшез.

— И носильщики простояли все это время на холоде? — ужаснулась я.

— Конечно, нет! Они не такие идиоты, как ты. Уверен, они уже давно сидят в кафе на первом этаже гостиницы и ждут меня.

— Господин Эрнесто, — прошептала я, когда мы спускались по лестнице. — А за чей счет будет ванна? Ведь она, наверное, дорогое удовольствие. Боюсь, у меня не будет при себе так много денег.

— Посидишь в долговой яме, — любезно ответил мне маг. — ты в ней купалась, тебе и платить. Или ты ожидала чего-то другого?

К магу с поклонами подбежал хозяин, пытавшийся что-то вручить молодому человеку. Эрнесто подтолкнул меня рукой к выходу, а сам раздраженным голосом завел с хозяином беседу, закончившуюся тем, что пакет с пирожками — именно их пытался отдать хозяин — пролетел мимо меня и врезался в стену. Маг схватил меня за руку и потащил к шикарному портшезу.

— Ненавижу выпечку, — буркнул он, когда один из носильщиков закрыл за нами дверь.

Я вздрогнула, когда кабинка поднялась и едва подавила желание уцепиться за стенки, когда носильщики побежали. Страшно было представить, что случится с нами, если один из них упадет! Он потянет за собой остальных, и... Но, то ли носильщики были хорошо обучены, то ли маги к ним применяли какое-то колдовство, чтобы их драгоценные тела путешествовали со всеми удобствами, никаких неприятных ощущений поездка мне не

доставляла, если бы в портшезе не было так холодно. Я обхватила руками плечи, стараясь не дрожать и не цокать зубами.

— Тяжело с тобой, — вздохнул маг, сидевший напротив.

Он пошарил под сидением, достал оттуда толстый шерстяной плед, и укутал им мои плечи. Сразу стало теплее, я накинула край пледа на голову, ежась под колючими прикосновениями жесткой ткани.

— И никакой благодарности, — Эрнесто зевнул. — На колени.

Я мгновение помедлила, а потом неуклюже попыталась опуститься на колени, что, в тесноте кабинки, было сделать весьма сложно. В итоге я прижалась грудью к телу Эрнесто, но все же мои колени коснулись пола.

Маг слегка наклонился, и взял пальцами за мой подбородок, заставляя поднять голову. Долго, пока у меня не стало сводить судорогой ноги, смотрел мне в глаза. А потом наклонился и поцеловал. Этот поцелуй был совсем не похож на те, которыми меня целовал Тарас. Этот поцелуй был совершенно не похож ни на один из тех, которые я когда-либо испытывала в своей жизни. Это был горький от шоколада и крепкого чая, неуверенный и самоуверенный одновременно, властный и нежный, долгий-долгий поцелуй, который никак не заканчивался, хотя у меня по телу уже бежали мурашки, а перед глазами мелькали разноцветные круги.

пока не замолкает совсем. Ни одной фальшивой ноты, ни одного пронзительного звука. Я открыла глаза и посмотрела на Эрнесто. Взгляд у него был непроницаемым, а лицо не выражало ровным счетом ничего. Оттолкнув его руку, я села на сидение, пытаюсь размять ноги.

— Это то, что надо, — наконец-то сказал маг. — А то ты была слишком бледная, и взгляд у тебя был какой-то испуганный. Ты должна выглядеть блестяще!

Неужели все чувства, которые я испытывала во время поцелуя, мне только привиделись? Неужели он сам ничего не испытывал? Неужели это было сделано только для того, чтобы перед гостями я выглядела как женщина, которая только что покинула постель мага?

— Не хмурься, — бросил Эрнесто. — Испортишь весь эффект. Мы приехали.

Дверца портшеза открылась, и моим глазам предстала огромная широкая лестница, подсвеченная разноцветными огнями.

— Эрнесто со спутницей! — громко объявил чей-то голос.

Маг подал мне руку и помог выйти из кабинки. Я прибыла на магический бал.

## **Нечаянный шпионаж, или О бале**

— Улыбайся, — скомандовал Эрнесто, как только мы поднялись по ступенькам в огромный бальный зал. — Да не цепляйся ты так за меня, просто руку сверху положи и все.

Я усилием воли разжала пальцы, намертво вцепившиеся в рукав мантии молодого мага. Мне было очень страшно, я вообще не любила новые компании и новые места. А уж в этой ситуации... я не знала, каким чудом мне удавалось сохранять хоть какую-то видимость спокойствия.

Эрнесто целеустремленно ходил по залу так, чтобы нас увидело максимальное количество магов. С каждым шагом я чувствовала себя все более неловко. Мое платье очень и очень выделялось среди окружающих. Присутствующие на балу девушки и женщины были одеты в закрытые платья нежных, пастельных тонов. Я же в своем зеленом выглядела как лягушка среди лебедей — что по цвет, что по размерам. Недвусмысленные взгляды мужчин скользили по моим голым рукам, пытались заглянуть за лиф, обжигали обнаженную спину. Тут и там за нашими спинами вспыхивали шепотки.

Мой спутник выглядел до крайности довольным. Ему, видимо, нравилась вся неловкость ситуации. Наконец, он выбрал группу магов и направился к ней. Когда мы подошли ближе, я узнала Энрико, который с удивлением смотрел на меня. Его спутница

прижала руку ко рту, как будто боялась или закричать, или заплакать.

— Приветствую, — сказал Эрнесто, не обращая внимания на холодные взгляды окружающих.

После неловкой паузы Энрико сказал:

— Ты опоздал.

— Да, — небрежно ответил Эрнесто. — Задержался у нее в постели.

Свободной рукой он погладил мои пальцы. Лица магов скривились от отвращения. Я изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

— Возможно, ты представишь нам свою спутницу? — поинтересовался самый старший маг.

Его длинные волнистые седые волосы спускались едва ли не до колен. Глядя на меня, он задумчиво постукивал по подбородку большим пальцем правой руки.

— Конечно, старейшина Мигело. Это Таша, — сказал Эрнесто. — Она — уборщица в нашей Академии Духа.

Спутница Энрико ахнула и придвинулась к нему, как бы ища защиты.

— Мой мальчик, — печально сказал Мигело, — ты что, связался с ПРИСЛУГОЙ?

— Да, — Эрнесто улыбался счастливой улыбкой. — Все именно так. И только что, по дороге сюда она... Впрочем, не будем об этом...

Теперь все маги смотрели на меня так, будто я муха, посмевавшая утонуть в королевском супе. Я была настолько чудовищно унижена, что даже не могла покраснеть. Казалось, моя кровь застыла в сосудах и сердце перестало биться.

Эрнесто наклонился ко мне, делая вид, что ласкает меня губами по шее, и прошептал:

— Помни, чем ты мне обязана. И зашевелись, Таракан на твою голову! Чего застыла? Улыбайся!

Огромным усилием воли я растянула губы в улыбку, мечтая только об одном — умереть сейчас же от сердечного приступа или еще от чего-нибудь, что гарантирует быструю смерть.

— Скажи пожалуйста, — вдруг сказал спутница Энрико. — Почему, раз уж тебя потянуло на человеческих женщин, ты выбрал себе такую вульгарную?

— Думаю, я буду законодателем новой моды на женщин, — ухмыльнулся Эрнесто и обратился ко мне: — Ну что, дорогая, идем? Ведь мы еще не танцевали.

— ДОРОГАЯ? — прошипел кто-то за моей спиной. — Вы слышали, он сказал — дорогая?!

У меня было такое чувство, что все это происходит не со мной. Что я просто смотрю представление в театре, жестокую и абсурдную пьесу. Ведь такое на самом деле не может происходить с мной, правда? За что? Ведь это не я стою рядом с магом в центре круга, который образовали посетители бала, смотрящие на меня, как на диковинного зверька в передвижном зоопарке. Это ведь не я одета в самое бесстыдное платье в моей жизни, заставляющее большинство мужчин смотреть на меня, как стая волков на загнанного оленя. Это ведь не мое имя сейчас не сходит с уст могущественных магов, могущих всю мою семью стереть в порошок несколькими движениями. За что мне это?

Эрнесто уверенно вел меня в танце, даже не поинтересовавшись, умею ли я танцевать. Я никогда не танцевала аристократических танцев, хотя в школе у нас был курс хореографии. Лихорадочно пытаюсь вспомнить движения, я большую часть времени путалась в ногах, спотыкалась и висла на руках моего партнера. Изредка из окружающей нас толпы раздавались смешки, а лицо Эрнесто было безмятежным и довольным жизнью.

Наконец, танец закончился. Маг снова положил мою руку себе на рукав, не забыв напомнить об улыбке, и повел меня к длинному столу, уставленному напитками и закусками. Присутствующие перед нами расступались, образуя длинный коридор. Перед столом мой спутник немного помешкал, а потом налил мне из высокого графина.

— Выпей. Это тебе сейчас нужно.

Я осторожно понюхала жидкость, на глаза навернулись слезы. Такого крепкого



алкоголя мне не то что пить не доводилось, я даже не подозревала о его существовании.

— Пей, — приказал Эрнесто, мило улыбаясь.

Я выдохнула, и опрокинула в себя весь бокал, постаравшись не поперхнуться и не закашляться. Иногда, во время испытаний настоек, мы пили и не такую гадость, но никогда — такую крепкую. По телу разбежался жидкий огонь, перехватило дыхание. Эрнесто молча подал мне крохотный бутербродик, который я проглотила, даже не распробовав.

— Ну, вот, — констатировал он, — наконец-то на лице румянец появился. А то такое ощущение, что я тебя не из ванной только что достал, а из могилы.

Наверное, глупо было даже надеяться, что эти слова никто не услышит. Окружающие живо начали обсуждать новую информацию о наших близких отношениях.

— Эрнесто, мальчик, — моего мучителя тронул за плечо старый-старый маг. У него не только волосы были белыми, как пух, но и даже, казалось, глаза выцвели от времени. — Тебя ждет старейшина Пабло.

— Это же Хуано, секретарь самого Пабло, — донеслись до меня чьи-то торопливые объяснения.

Эрнесто кивнул, позабыв обо мне, и, даже не кивнув на прощание, ушел вслед за Хуано, оставив меня одну среди толпы недружелюбно настроенных магов.

Воспользовавшись тем, что часть провожает моего спутника взглядами, а часть бурно обсуждает происходящее, я стала осторожно пробираться к выходу. Я даже без шубки, в одних туфлях и открытом платье, доберусь домой. Хватит с меня этого кошмара! Кажется, я уже вполне отдала Эрнесто свой долг, а если ему понадобится что-то еще, то я любыми путями найду деньги, но больше в такую ситуацию попадать не собираюсь. Но, увы, оказывается, мои мучения только начинались.

— Постой, уборщица! — раздался за моей спиной знакомый голос.

Я вздрогнула и медленно повернулась. Камилла, ослепительно прекрасная в светло-розовом платье, с нитками драгоценного черного жемчуга на шее и в прическе, поманила меня пальцем. Рядом стояли ее подружки, молодые магички в роскошных платьях, и их лица не выражали ничего хорошего.

— Пойдем, — Камилла вцепилась в мою руку своими пальцами с длинными когтями, намеренно причиняя боль, и потащила меня куда-то.

Когда мы оказались за пределами бального зала в широком, пышно украшенном коридоре, магичка обернулась ко мне, и вlepила такую затрепину, что у меня в голове зазвенело.

— Ах ты, дрянь! — рявкнула она, награждая меня пощечинами. — С моим Эрнесто в ванной милуешься! Я тебя убью, гадина!

— Я не... — лепетала я, бесполезно закрываясь руками. — Простите... Не надо... я все объясню...

— Новая мода на женщин, говоришь! — кричала Камилла, и вцепилась мне в волосы, ударив мою головой об стену.

Я потеряла сознание, а очнулась от того, что мне в лицо била струя воды из ниоткуда.

— Ты, Камилла, сама как плебейка, — осуждающе сказала стройная девица, в то время как остальные подружки Камиллы хихикали в кулачки, — ты же маг, что ты творишь!

Девица щелкнула пальцами, и вода прекратила течь.

— Ты же дерешься не с равной, — продолжала поучать она. — Зачем ты тратишь силы? Ведь можно сделать так... — она взмахнула рукой и меня подбросило в воздух. — Или так... — сильным ветром мое платье было практически мгновенно превращено в лохмотья.

— О, какая ты умная, Карменсита! — восхитилась Камилла. — Дай я поиграю с новой игрушкой!

Я зажмурила глаза и расслабилась, постаравшись отрешиться от происходящего. Мне казалось, что убивать они меня не будут, а уж физическую боль я как-нибудь вытерплю, тем более, что выпитое спиртное прекрасно действовало как анестетик. Будет еще хуже, если я

буду сопротивляться, ведь даже кошке очень скоро надоедает играть с безвольной дохлой мышкой. Но зато... если я выживу, я постараюсь стать лучшим аптекарем города. Самым лучшим аптекарем округа. Я буду самой-самой лучшей. И когда-нибудь в мою аптеку зайдет эта Камилла, ведь маги всегда покупают себе шампуни, и крема, и лосьоны в лучших аптеках, не утруждая себя их самостоятельным приготовлением. Камилла, конечно, меня не узнает, купит что-нибудь, чтобы подчеркнуть свою красоту, а я.... Вот тогда-то и придет час расплаты, я еще не знаю, что я сделаю, но то, что она, как минимум, облысеет, это точно! Понимаю, что это по-детски, понимаю, что глупо, но как же еще я могу отомстить этой холодной и злобной кукле?

Арсенал магических трюков у моих неприятельниц был очень скуден. Меня то трепал ветер, то обливало ледяной водой, то невидимая рука толкала меня так, что я ударялась об стену.

Однако, эта забава очень быстро наскучила магичкам. Я лежала на ковре, устилающем коридор, свернувшись в калачик, униженная и жалкая, а красавицы-магички, в платьях, стоимость которой превышала несколько годовых доходов моей семьи, стояли надо мной, наслаждаясь своим превосходством. То ли им надоело, то ли у них закончились идеи, но даже в школе, в которой я когда-то училась, ненавистную особу травили и мучили гораздо дольше и изобретательнее.

— Девушки! — раздался мужской голос. — Вы что здесь столпились? Сейчас будет церемония избрания королевы бала.

Девицы заверещали и бросились в бальный зал. Одна Камилла задержалась, с ненавистью глядя на меня.

— Не могу понять, что Эрнесто в тебе нашел, — прошипела она. — Ты же страшная! Коротышка! Нос курносый! Фигура квадратная! Почему ты?

— Может быть, ему надоела ваша кукольная красота? — прохрипела я.

— Дрянь, — напоследок она пнула меня ногой в живот и ушла.

А я собралась с силами, поднялась, и побрела в глубь дворца. Мне невероятно везло, и во время своих блужданий коридорами и лестницами я никого не встретила. Я брела, безуспешно толкая двери, в надежде на то, что хоть одна из них будет не заперта. Я решила дожидаться окончания бала, когда маги разъедутся по своим Академиям, а величественное здание опустеет. Тогда у меня будет шанс попросить о помощи кого-нибудь из обслуживающего персонала. Но, чем дольше я шла, тем меньше надежды у меня оставалось. То ли я пошла в нежилое крыло, то ли маги решили ограничиться только несколькими комнатами, примыкающими к залу, но вокруг царила только тишина. Я была в мокром платье и с мокрыми волосами, поэтому уже очень скоро меня начало трясти от холода. Появившуюся было идею остаться пережить ночь в коридоре, я отменяла сразу. Так я дожусь воспаления легких! Нужно было искать теплое убежище, или хотя бы какое-то одеяло.

В тот момент, когда я уже была готова сдаться и оправляться назад, чтобы подвергаться унижениям и насмешкам, мне посчастливилось. Одна из массивных резных дверей оказалась не запертой, и я вошла в комнату.

Это когда-то была комната отдыха. Ее полы устилали пышные ковры, в углах стояли фонтаны, покрытые пылью, а в кадках — засохшие растения. Пахло затхлостью и запустением.

Как замороженная, забыв про боль и холод, бродила я по комнате, то прикасаясь к изящным кушеткам на кованых ножках, то рассматривая светильники, внутри которых спали маленькие ящерицы. Не сложно было представить, как повинувшись магической воле, эти ящерицы просыпаются, превращаясь в яркий сгусток алхимического пламени. Кажется, я где-то читала, что эти ящерицы еще и танцевали в стеклянных колбах. Теперь таких не делают, а жаль.

Света от луны и фейерверков, который проникал через высокие стрельчатые окна вполне хватало, чтобы я могла полностью удовлетворить свое любопытство относительно

интерьера, и, более того, я даже смогла пролистнуть одну из книжек, взятых на полке. Это оказался любовный роман с такими подробными иллюстрациями, что я даже покраснела. И сразу же ощутила, как замерзла.

В укромных уголках комнаты были небольшие альковчики с пыльными постелями, брошенными прямо на пол. Тщательно вытрусив пыль из нескольких пуховых одеял, я создала себе уютное и теплое гнездышко, в котором улеглась и постаралась расслабиться, немного поколебавшись перед сном: стоит ли просить о помощи Богиню Подкову, или — что вероятнее всего — Таракан, призываемый на мою голову Эрнесто, так полностью завладел моей судьбой. Поэтому я ограничилась только просьбой о милосердии, которую я адресовала всем известным мне богам.

Вдруг что-то изменилось. Блаженный сон в пуховых одеялах был изгнан моим сердцем, которое в ужасе сжалось. Расслышав голоса, я постаралась не шевелиться и вообще ничем не выдать своего присутствия.

— Зачем ты притащил нас сюда, Пабло? — проскрипел старческий голос. — Не так уж я и молод, чтобы подниматься по лестницам.

Вокруг яркими огненными змейками вспыхивали светильники. Я поглубже закопалась в одеяла, горячо молясь. Если маги узнают, что я здесь, то убьют, это точно.

— Полноте, Сильвестро! Ты младше меня на полвека, а жалуешься, — добродушно ответил Пабло.

— Здесь так пахнет затхлостью, — пожаловался кто-то.

— Поэтому я и собрал вас здесь, друзья мои, — торжественно объявил Пабло. — Хуано, проверь помещение.

Какое-то время ничего не происходило, но вот передо мной завис ярко-желтый светлячок.

— Меня здесь нет, меня здесь нет, — еле шевеля губами, прошептала я.

Светлячок мигнул и полетел дальше.

— Старейшина Пабло, здесь нет никого, кроме нас, — я узнала голос Хуано.

У меня получилось? Но как?

— Прекрасно. Друзья мои, вы знаете, зачем мы здесь собрались?

— Чтобы обсудить поступок этого наглого щенка, Эрнесто, — проскрипел Сильвестро. — И определить меру его наказания.

Раздался согласный гомон.

— Я вовсе не осуждаю молодого Эрнесто, — добродушно сказал Пабло. — Я только что долго беседовал с ним, и Эрнесто Наглый мне очень понравился.

— Старейшина Пабло, ты сказал — наглый или Наглый? — уточнил хриплый голос.

— Я сказал — Наглый, именно так.

— Наглый? — взорвался Сильвестро. — Ты дал этому наглomu щенку прозвище?

— И оно ему подходит, не правда ли? — спокойно заметил Пабло.

— Ты простил ему этот вопиющий проступок — то, что он пришел на бал мало того, что с плебейкой, так еще и прислугой, и дал ему прозвище? Не слишком ли ты добр к нему? — возмутился еще кто-то.

— Полноте, Хосе. Причиной его поступка были веские обстоятельства. Он хотел поговорить со мной. И я доволен нашим разговором, мальчик истинный сын своего отца, Ампаро Умного.

— Ампаро Идиота, — буркнул Сильвестро. — Я буду настаивать на должном наказании для наглеца.

— Сильвестро, друг, ты до сих пор не простил Ампаро?

— Конечно, нет, Дарио. Этот кретин испортил мне жизнь.

— Его сын пошел по стопам отца, — заметил Пабло. — Он выступил с идеей о том, как спасти магический род. К сожалению, его мысли не отличаются новизной.

— Все то же — человеческие женщины?

— Увы, да.

— Ты открыл ему секретную информацию, Пабло?

— Конечно, мальчик должен знать, что опыты над женщинами уже проводились его отцом. И результаты, как вы знаете, оказались плачевными, — потомство магов и людей не жизнеспособно.

Я прижала руку ко рту, чтобы ненароком не вскрикнуть. То, о чем сейчас говорили маги, было ужасно. Мне удалось проникнуть в один из их секретов, который они не раскрывали даже большинству своих. Что же теперь будет?

— Вся причина провала этого эксперимента в том, что этот идиот Ампаро его рано прекратил, — буркнул Сильвестро.

— Прекрати, Сильвестро! Полученных результатов более, чем достаточно. Признайся, что тебе просто нравилось, что юные девственницы греют твою постель.

— А что, если так? Без них я так быстро старею, — пожаловался Сильвестро.

— Ходи в бордель, — равнодушно посоветовал Хуано.

— Чтобы подцепить там какую-то дрянь и чтобы надо мной смеялся весь округ? — разозлился Сильвестро. — Сам-то небось, молоденьких цыпочек пользуешь, вон как сияешь.

— Тихо, — приказал Пабло. — Разговор сейчас не об этом. Мне понравился Эрнесто тем, что он хотя бы пытается мыслить, в отличие от всей нашей молодежи. Они слишком погрязли в праздности и достатке и превратились в изнеженных и ленивых существ, не способных самостоятельно принять ни одного решения. И, если вам это не очевидно, друзья, то я скажу. Мы вымираем. Еще одно — два поколения, и у нас совершенно не останется детей.

— Это не новость, — проворчал Дарио.

— С каждым годом мы все слабее, — с горечью продолжал Пабло. — Я ведь не просто так пригласил вас в этот зал. Он точно отражает положение, в которое мы попали. Раньше здесь не было запустения. Раньше здесь пели птицы и шумели фонтаны.

— Ты еще вспомни, что весь этот Дворец принадлежал нам, — буркнул кто-то.

— Да, — горячо сказал Пабло. — Принадлежал. А теперь мы два раза в год снимаем в нем только первый этаж. А весь всего двести — триста лет назад получить приглашение на бал было величайшим благом! А теперь мы все помещаемся в нескольких комнатах!

Под конец своей речи он почти кричал, и его голос зловещим эхом разносился по комнате.

— Хватит экскурса в историю, Пабло! — резко оборвал старейшину мрачный голос. — Мы ее знаем так же хорошо, как и ты. Конкретные предложения есть, или будем дальше жаловаться на несправедливость мироздания?

— Спасибо, Филиберто, — уже спокойнее сказал Пабло. — Критическая ситуация требует критических мер. Итак, первое предложение — обязать каждую девушку рожать.

— Сразу видно, что у тебя нет дочери, — хмыкнул Дарио. — Как ты себе это представляешь? Наши дети воспитаны в духе уважения к личности и ее решениям. Мы не можем так просто прийти к своим дочерям и приказать: рожать! Ты представляешь их реакцию?

— Твоя Камилла такую истерику закатит, что всем места мало будет, — ехидно сказал Сильвестро. — Главное, чтобы Академия устояла.

— Наши женщины разленились! — заявил Пабло. — Они не хотят усложнять себе жизнь рождением ребенка. Но мы должны их заставить это делать. И не меньше трех детей в семье!

Маги загомонили. Раздавались возмущенные выкрики. Хуано безуспешно пытался успокоить разбушевавшееся собрание.

— Я хочу сказать... Я хочу сказать, — магически усиленный голос загрохотал так, что тяжелые портьеры, скрывавшие альковчик от нескромных глаз, задрожали и на меня посыпалась пыль. Я отчаянно терла переносицу, сдерживая чих. — какой смысл им рожать? Наши женщины изначально были слабее нас, а теперь... зачем плодить слабых детей?

— Поэтому я хочу перейти ко второй мере, — Пабло сказал это таким голосом, что все

мигом притихли. — Раз нам уже не помогают женские ласки, нужна более радикальная мера. Мы должны устроить Прорыв.

— Порыв? — прошептал кто-то неверяще.

— Именно. Все, кто здесь присутствует, знает технику открытия прохода между мирами. И мы это сделаем. А потом... Мы напитаемся силой так, как никогда ранее!

— Прорыв только тратит наши силы, — заметил Филиберто. — Каждый раз чудовищ убивать все сложнее.

— А мы не будем их убивать, — голос Пабло понизился до шепота, так что я едва разбирала слова, — и мы не будем эвакуировать горожан.

Воцарилось долгое молчание. Я сидела, распахнув глаза, зажимая рот уже двумя руками. Это... это было чудовищно!!!

— Ты хочешь сказать, мы напитаемся смертями, — спросил Сильвестро так, будто решал, что ему съесть на ужин.

— Да, — ответил Пабло. — Мы уже очень давно этого не делали, и, думаю, в этом наша проблема. Даже во время секса не выделяется столько силы, как во время смерти. А потом, конечно, мы уничтожим чудовищ. Когда они сделают свое дело.

— Кого отправим на передовую? — деловито спросил Филиберто.

— Мы, старики — это наше прошлое. Молодежь — наше будущее. Думаю, настоящее не представляет для нас интереса. А потом, напивавшиеся силы, мы передадим наши знания молодежи. Наши девушки родят от наших сильных юношей могучих детей. И мы снова будем править этим миром.

— Если женщины откажутся, лишим их довольства, — мечтательно сказал Хуано. — Без новых шмоток и украшений они быстро пойдут на попятную.

Маги засмеялись, и сразу же посыпались предложения:

— Если мы откроем слишком большой коридор между мирами, поляжет много наших. Они уже разучились сражаться как следует, — заметил кто-то.

— Тем лучше. Погибнут самые слабые, а самые сильные дадут лучшее потомство.

— И если людишки возмутятся смертями своих, мы всегда сможем сказать, что мы также понесли большие потери, — сказал Дарио.

— Ты еще думаешь о плебейх? — хмыкнул Сильвестро.

— Их намного больше, чем нас, — рассудительно заметил Дарио. — И, пока мы слабы, не стоит ссориться с официальными властями.

— Я считаю, что эксперимент стоит провести в ближайшее время, — сообщил Пабло. — В Миронице.

В моем городе? Я не удержалась и тихонько застонала. К счастью, маги были настолько увлечены обсуждением, что не обратили на слабый звук внимания.

— Городок что надо! — радостно сказал Сильвестро. — Народу много, от оживленных путей — далеко, помощь придет не скоро.

— А главное — ты будешь в числе первых, кто напитается силой, — заметил кто-то.

— Конечно, — подтвердил Сильвестро. — А кто еще обо мне позаботится, как не я сам?

— В ночь равноденствия будет лучше всего, — сухо сказал Хуано, прерывая перебранку магов. Зашуршали бумаги. — Вот, ознакомьтесь. Мы со старейшиной Пабло все просчитали. От вас не потребуется больших затрат сил, если только все согласны участвовать в открытии коридора. Чем меньше будет участников, тем больше сил придется приложить...

Обсудив детали предстоящей информации, маги разошлись.

Я лежала в одеялах, еле дыша. После того, как маги перестали получать достаточно силы, занимаясь сексом с человеческими женщинами, они решили использовать нас, как производительниц. Страшно подумать, что случилась с несчастными молодыми матерями! А теперь эти нелюди решили стереть с лица земли городок с жителями только ради того, чтобы стать еще сильнее! Они относятся к нам, как к мухам, которых не жалко прихлопнуть.

Ненависть, жгучая, невероятная, огненная ненависть поднималась у меня в душе. Неужели они думают, что им все можно? Неужели они даже готовы пожертвовать своими же ради власти? Кем же нужно быть, чтобы с легкостью принять это решение?

Как же я могу этому помешать? Я, простая студентка аптекарского Колледжа, не имеющая ни знатных родителей, ни связей в аристократических кругах. Но ведь должен же быть какой-то способ, должен! Я не могу сидеть, сложа руки, зная, что вскоре тысячи людей будут принесены в жертву честолюбию нескольких стариков. Но что делать? Кому рассказать? Кто сможет мне не только поверить, но и как-то помочь? Я в отчаянии обхватила голову руками, пытаюсь успокоиться. Слезы и отчаяние сейчас — не лучшие помощники. Только спокойствие и логика, спокойствие и логика.

Я сидела на одеялах, глядя, как медленно гаснут светильники, лишённые магической подпитки. Как вдруг...

— Кнопка! Кнопка, отзовись! Я знаю, что ты тут! Не прячься!

Прятаться больше не было смысла.

— Я тут, господин Эрнесто, — отозвалась я, стараясь подавить дрожь в голосе.

Маг вскоре объявился в альковчике, перед ним плыл светящийся шар.

— Ты хорошо устроилась, — одобчительно сказал он, падая на одеяла. — А я такую бурю выдержал...

Я промолчала.

— Эй, ты чего, Кнопка? Э, да что с тобой? Ты выглядишь какой-то... потрепанной. А что ты сотворила с платьем моей матери?

— Скажите спасибо Камилле, — ядовито сказала я, даже не пытаясь добавить к ее имени «госпожа».

Эрнесто рассмеялся.

— Ах, женская ревность, женская ревность... Приятно, когда вызываешь такие чувства.

— Не очень.

— Да я не про тебя. Зато, маленькая уборщица, я добился, чего хотел. И это хорошо.

Я на это ничего не ответила.

— Эй, это у тебя в желудке урчит? — спросил Эрнесто.

Я кивнула.

— Ты что, не ела ничего? Там, снизу, такой стол был... такие бутербродики... пальчики оближешь. Не надо было быть такой скромной, Кнопка, жизнь любит наглых. Таких, как я.

— Эрнесто Наглый, — пробормотала я.

— Что, уже слышала? — маг расплылся в самодовольной улыбке. — А знаешь ли ты, что прозвища даются самым выдающимся магам? У моего отца тоже было прозвище. А теперь и у меня. Мать будет гордиться.

— А отец? — спросила я.

— Отец погиб, много лет тому назад. При Прорыве. Несчастный случай, в него попало шальное боевое заклинание.

Сильвестро постарался, — внезапно поняла я с пугающей ясностью.

— Кстати, Кнопка, ты должна быть мне благодарна, — весело сказал маг. Никакие печальные воспоминания не могли испортить его настроения. — Ведь от такого шального заклинания я тебя спас в лесу, когда ты свои ягоды собирала.

— Кланяюсь в ноги, — мрачно сказала я.

— Да брось ты, не дуйся. Ну, подумаешь, Камилла потрепала немного. Она же не со зла.

Я решила не высказывать свое мнение относительно происшедшего.

— Господин Эрнесто. Можно спросить, — рискнула я, пользуясь его хорошим настроением. — Ярko-желтый светлячок — это что?

— А, поисковое заклятие. Тебя им Камилла припугнула? Типа, из-под земли достану? Не бойся, Кнопка, оно только на магов действует.

— А на людей?

— А зачем нам людей искать? — удивился Эрнесто. — Если возникает такая необходимость, то лучше по крови искать. Например, взять ее у ближайшего родственника разыскиваемой особы. Ладно. Кнопка, что-то я устал. Поехали к тебе в гостиницу, а то тут поспать спокойно не дадут.

— Я не буду с вами делить постель, — мрачно, но решительно ответила я.

— Не надо, — зевнул Эрнесто. — Я люблю один спать, чтобы никто одеяло не стаскивал. Пойдем, поищем наш портшез. Завернись получше в это покрывало, еще не хватало, чтобы меня с таким чучелом увидели.

## Поверьте мне, или О тайнах

Я входила во двор, где находился мой дом, еле переставляя ноги. На этот раз путешествие на жукачаре меня очень измотало, меня морозило и я чувствовала, что заболела. У подъезда меня поджидал Тарас. Он топтался на месте, греясь; увидев меня, он с радостным криком кинулся на встречу. Мне стало стыдно, ведь его порыв не вызвал у меня никакой радости, а только глухое чувство раздражения.

— Таша! — крикнул он. — Я так рад тебя видеть! Но... где ты была? Почему ты меня не предупредила? Я хочу знать!

— Почему я обязана тебя предупреждать? — сердито спросила я. Мир качался, в глазах вспыхивали разноцветные круги.

— Потому что я — твой жених! — резко ответил он. — Потому что...

Я его не слушала. Жених? Значит, они уже окончательно все решили с моим отцом. Значит, мне совсем скоро придется подчиняться человеку, который даже еще не связав наши судьбы, уже требует от меня отчитываться о каждом шаге!

— Таша! — рявкнул Тарас. — Ты слушаешь меня?

— Нет... — прошептала я, и мир завертелся волчком.

Когда я открыла глаза, то увидела за своим письменным столом Федора. Он конспектировал какую-то книгу, полностью погрузившись в свое занятие. Мне пришлось несколько раз хрипло его окликнуть, прежде чем брат обратил на меня внимание.

— О, Ташка! — обрадовался он. — Я рад, что ты пришла в себя. Что? Пить? Вот, настойка из ягод первоснежника. Ничего, что мы твой запас распотрошили?

— Сколько...

— Три дня, — сообщил Федор. — Куратор Лиза тебя лечила. Она интересовалась, где ты так умудрилась застыть, что подхватила воспаление легких. Но мы с Флором ей ничего не сказали.

— Молодцы, — прохрипела я.

— Молчи лучше, — посоветовал брат. — У тебя голос, как у вороны. Мы ходили полы мыть, не волнуйся. Кстати, тебя к проректору вызывают. Мы сказали, что ты больна. Ну, ладно, раз ты пришла в себя, я тебе бульона сейчас дам. Он не воняет, честно... ну, что ты так на меня смотришь? Первый вонял, Флор опять забыл из курицы кишки вынуть. А этот мама варила, он вкусный.

Попив бульона, я снова заснула. А проснувшись, увидела картину, которая показалась мне галлюцинацией из-за высокой температуры. У моей кровати сидела мама и вязала, но не свитер, а носок. Я будто перенеслась в далекое прошлое, на много-много лет назад, когда я, еще крохотной девчонкой, наелась сосулек и заболела. Тогда мама была беременной моими братьями, и ее фигура с невероятно огромным животом, днями и ночами сидела надо мной, обтирая холодной водой и плетя то шарфик, то носки, то латая одежду.

— Мама, — всхлипнула я, все еще не уверенная в том, что мне это не привиделось.

— Да, моя девочка, — сказала мама и погладила меня по голове. — Тебе что-то принести? Теперь все будет хорошо, ты скоро поправишься. Спи.

Так прошло еще несколько дней, и, наконец, болезнь полностью отступила. Я уже

могла вставать с постели, хотя чувствовала себя невероятно слабой. Однажды, когда я сидела на кровати, изучая учебник по органической химии, в дверь постучали.

— Доченька, — в комнату заглянула мама. Я уже поняла, что она действительно сидела надо мной, изредка чередуясь с братьями. Не смотря на труд ухода за тяжелобольной, мама расцвела. Может быть, Эрнесто был прав, и ей действительно требовалось заботиться о ком-то. А мы, оберегая ее от всех забот после того, как умерла сестричка, только усугубили ситуацию. — К тебе пришли. Причешись.

— Что вы, уважаемая Ворон, не нужно Таше беспокоиться. Я профессионал, я столько больных видел, и при смерти тоже.

Мама побледнела.

— Умеешь же ты утешить, — улыбнулась я Лео, который входил в комнату, стуча по полу деревянной ногой. Сегодня она была в виде кости, почему-то бедренной, да и к тому же перевернутой. — Мама, не стоит волноваться, я уже выздоравливаю.

Побледневшая мама слабо кивнула и тактично прикрыла двери.

— Ну, как ты? — спросил Лео, присаживаясь на кровать и доставая из чемоданчика деревянную трубку для прослушивания. — Обнажай грудь.

— Обойдешься, — я скрестила руки, обхватив себя за плечи.

— Девушка, не понимаю вашей ложной стеснительности! Я тут, между прочим, командированный от Колледжа, и выступаю исключительно в роли твоего лечащего аптекаря.

— Да ну? — изумилась я.

— Да, — жалобным тоном сказал Лео. — Куратор Лиза отправила меня сюда и сказала, что десяти лет обучения должно быть достаточно, чтобы определить, здоров уже пациент или нет. Не подведи меня, Таша!

Я нехотя задрала ночную рубашку. Леопольд подышал на трубку, чтобы ее согреть, потом принялся отрывисто командовать: "дыши!", "не дыши!".

— Что ж, легкие чистые, — сказал он. — Поздравляю с выздоровлением.

Я опустила рубашку и подозрением посмотрела на его донельзя довольную физиономию.

— Почему ты так улыбаешься? — подозрительно спросила я.

— Представь, — расплылся в блаженной улыбке Лео. — Я единственный из группы, кто был удостоен чести лицезреть твою грудь! Та еще в какой интимной обстановке!

— Что? — возмутилась я, замахнувшись учебником.

— Тихо, тихо! — воскликнул Лео. — Я химию и так терпеть не могу, не стоит усугублять наши с ней отношения! Не злись, Таша, тебе сейчас нужно избегать сильных эмоций. Окрепни сначала. Кстати, где ты так сильно застудилась? Ты же всегда была очень осторожной, ходила в каких-то совершенно необъятных свитерах и юбках, которые напрочь скрывали твою фигуру. И очень зря, как только что оказалось.

Я не обратила внимание на подколку. Желание рассказать о том, что я узнала хоть кому-то было настолько сильным, что решила открыться Лео.

— Послушай, то, что я тебе сейчас скажу, покажется тебе невероятным, но, умоляю, выслушай меня! — умоляюще сказала я.

— Хорошенькое начало, — пробормотал Лео. — Я слушаю тебя.

— Только, прошу, отнесись ко всему серьезно! — попросила я.

Он молча кивнул. Таким серьезным я видела его лишь тогда, когда он думал. Что умирает и раскаивался в жизни, которая прошла зря.

— Я была на балу у магов, — сказала я.

— Вот это да! — однокурсник присвистнул.

Сжав ладони в кулаки для большей сосредоточенности, я рассказала Лео все, что узнала, подслушав совет магических старейшин. Соученик молчал на протяжении всего рассказа, лишь только снял протез и постукивал по нему пальцами. Когда я закончила, будущий аптекарь помолчал, а потом неожиданно сказал:



— Ты знаешь, почему это — бедренная кость, а не большеберцовая?

Я изумленно уставилась на друга. Я ожидала любой реакции, кроме этой.

— Ты что? Не понял, о чем я сейчас говорила? — закричала я. — Мы же все в опасности!

— Т-ш-ш-ш, — Лео приложил свой палец к моим губам. — Я все понял. Но ответь мне на вопрос.

— Я не знаю! — в отчаянии сказала я. — Потому что ты до сих пор не выучил анатомию?

— Нет, потому что это единственная кость, которую мне ужалось украсть из кабинета анатомии. Мне же нужен был образец, правильно? Так вот, к чему я это все веду. Если нужно что-то сделать, то нужно искать выход. И подходить в нашем случае нужно не прямо в лоб, а обходными путями. Мы же не можем прийти в Академию и заявить их ректору: мы считаем недопустимым использование людей в ваших корыстных целях! Точно так же мы не можем прийти в городское управление и рассказать им о планируемой магами катастрофе. Нам же просто никто не поверит, а, если даже и поверят, то пойдут к магам уточнять. А те сделают невинные лица, а мы следующей же ночью исчезнем в никуда. Нет, наши слишком привыкли доверять магам во всех критических ситуациях. Тут нужно что-то другое.

— Лео, — прошептала я, не смея поверить услышанному «мы». — А ты мне веришь?

— Да, — он уверенно качнул головой. — И я буду с тобой до конца. Может быть, я романтичный и идеалистичный дурак, но я тоже считаю, что в этой ситуации нельзя предать клятву помогать людям и по возможности спасать их от смертельной опасности. Я буду думать, что делать дальше. А ты приходи завтра в Колледж. Будем трудиться над спасением нашего города.

От благодарности у меня выступили слезы на глазах, и я кинулась Лео в объятия. Он по-братски погладил меня по спине и тихо сказал:

— У нас должно все получиться. Должно. Иначе это мироздание построено уж совсем несправедливо.

Внезапно дверь распахнулась и на пороге возник Тарас. Он несколько секунд смотрел на нашу живописную пару, а потом так побагровел, что я испугалась, что у него случился сердечный приступ.

— Вы, — свистящим голосом сказал он, — обнимаетесь???

Лео среагировал моментально. В мгновение ока он разомкнул объятия и достал из чемоданчика небольшую, но выглядящую довольно внушительно, дубину. А потом, не успев я моргнуть, оказался посреди комнаты в боевой стойке.

— Это совсем не то, что ты подумал, — успокаивающе сказал он, поигрывая дубинкой. — Я ее лечащий аптекарь.

— Тарас, в самом деле, — вмешалась я. — Лео — мой однокурсник, пришел послушать мои легкие. Да, мы обнимались, но это только потому, что я обрадовалась, когда он сказал, что я уже абсолютно здорова и могу завтра идти в Колледж. Все совершенно невинно.

— А по нему этого не скажешь, — Тарас поиграл мускулами. — Вон, какую стойку принял.

— Извини, дружище, — Лео заметно расслабился, но дубинку в чемоданчик прятать не стал. — Условный рефлекс.

Тарас нахмурился.

— Он среагировал инстинктивно, — объяснила я. — Слишком часто попадался в таких же ситуациях, вот и научился обороняться.

— С калеками не дерусь, — бросил Тарас и посторонился, всем видом показывая, что аптекарю пора удалиться.

— Ну, мы договорились, — Лео стал серьезен. — Я не подведу, Таша.

— Я верю, — кивнула я, чувствуя невероятное облегчение. С моих плеч как будто упал тяжеленный груз.

— О чем это вы договорились? — спросил Тарас, быстро чмокнув меня в щеку.

Я неопределенно пожала плечами.

— Это наши, аптекарские дела.

— Мне не нравится, когда ты от меня что-то скрываешь, — заявил кузнец. — Таша, я прошу тебя впредь этого не делать.

— На каких основаниях ты это говоришь? — спросила я.

— На тех основаниях, что ты теперь моя невеста. Твой отец пообещал, что мы с тобой скоро поженимся.

— Отец не имел права! — тоскливо проговорила я, умом понимая, что это не так. Только отдельно живущие и финансово независимые женщины могли сами решать за себя. До тех пор, пока я живу под одной крышей с отцом, все важные решения принимает он. А потом за меня будет отвечать муж. И, если Тарас не захочет, я никогда не смогу открыть давно вымечтанную аптеку с красными стенами. Конечно, как правило, браки заключаются по обоюдному согласию сторон, но юридически отец может выдать меня замуж за кого угодно и когда угодно. Как же не вовремя он вспомнил о своем праве!

— Ты что, Таша, этого не хочешь? — спросил Тарас. — Я-то думал, что я тебе нравлюсь.

— Нравишься, — поспешила согласиться я, чтобы не ввязываться в ссору. — Только не люблю, когда все решают вот так за меня, не поставив меня в известность.

Кузнец нахмурился:

— Отец сказал, что он с тобой поговорил. И что ты согласна выйти замуж, и родить ребенка.

— А ты знаешь, что этого ребенка он собирается отдать моей матери на воспитание? — я сжала ладони в умоляющем жесте. — Я не хочу этого!

— Но я думал, что ты мечтаешь учиться, — растерянно сказал Тарас. — А ребенок тебе будет только мешать. Что плохого в том, что его воспитает твоя мать? Мы же все равно останемся его родителями. И подумай сама, никаких пеленок, недосыпаний по ночам, кормлений по графику... брр...

— Ты так говоришь, будто ты сам — опытный отец!

— Мой сотрудник недавно стал отцом. Это ужасно. Нет, я предпочту ребенка получить, когда он уже будет есть с ложки и сам ходить в туалет. Вот тогда я воспитаю с него настоящего мужчину!

— А если это будет девочка?

— Нет, у меня будет только сын.

Я изумленно покачала головой. Вот как повернулась моя до недавнего времени спокойная и счастливая жизнь. Но я не сдамся. Я буду бороться за свое счастье.

"Пирог нужно есть маленькими кусочками" — вспомнилась мне любимая поговорка моей школьной учительницы. Проблемы нужно решать по мере их поступления.

— Хорошо, Тарас, — я положила свою ладонь на руку молодого человека. — если ты так хочешь на мне жениться, то я не против. Только давай совершим обряд после равноденствия, хорошо? Ведь к свадьбе нужно столько всего приготовить...

— А, женские штучки, — заулыбался Тарас. — Хорошо. Тем более, что я тебя еще не познакомил со своей матерью. Она так об этом мечтает.

Сказав это, мой жених припал к моим губам долгим поцелуем. Странно, но во время него я не чувствовала ни капли того пьянящего восторга, как во время поцелуя с Эрнесто. Ничего, кроме мокрых губ и языка, деловито снующего у меня во рту. Я вытерпела эту процедуру, мысленно прикидывая — смогла бы я вырезать берцовую кость из полена по памяти?

Но Тарасу, судя по всему, поцелуй понравился. Он снова покраснел, ласково провел рукой по моей щеке и внезапно спросил:

— А почему ты подстриглась?

— Захотелось, — не могла же я сказать кузнецу, что волосы довольно сильно пострадали во время стычки с магичками, и обгоревшие пряди пришлось очень коротко

обрезать. Мне очень повезло, что мне попалась очень умелая парикмахерша, которая смогла скрыть этот недостаток.

— Мне так тоже нравится, — решил он. — Можно, я тебя еще раз поцелую.

— Лучше не надо, — сказала я, старательно изображая смущение. — Я все же только-только выздоровела. А знаешь, дыхательные пути — это серьезно...

Парень поспешно кивнул, поцеловал меня в лоб и ушел, пообещав завтра встретить меня после уборки в Академии.

Разговаривать с родными мне не хотелось, поэтому я остаток дня пролежала на кровати, прикидываясь спящей, когда кто-то заглядывал.

На следующее утро у входа в колледж меня поджидал Лео. Сегодня его протез был, для разнообразия, самым обыкновенным, какой иногда можно было увидеть у ветеранов.

— Я все обдумал, — сказал он мне. — Мы идем к Куратору Лизе. И ты ей все расскажешь.

— Но я не смогу, — испугалась я.

— Послушай, нам нужен кто-то достаточно влиятельный — это раз, и кто-то этот влиятельный должен поверить твоему рассказу — это два. Никто, лучше Лизы, не подойдет. Она знает тебя довольно давно, чтобы знать, что ты шутить не умеешь, ладно, не дуйся, я хотел сказать — чтобы знать, что ты ТАК шутить не умеешь. Тем более, тебе это, скорее всего, неизвестно, но Лиза из очень родовой и влиятельной семьи, преподаванием занимается ради развлечения.

Мы зашли в кабинет куратора, резко пахнувший какими-то, неизвестными мне, травами. Каждый раз, когда я здесь бывала, меня охватывало какое-то детское восхищение, как будто я в День Подковы ищу под кроватью подарки от доброй богини. На бесчисленных полках в банках находились заспиртованные внутренности, в пузырьках — настойки, в коробочках — порошки. Под потолком висели связки сушеных трав, а на стульях громоздились книги. Сесть в ее кабинете можно было только в том случае, если ты принес стул с собой — Лиза не считала своих посетителей насколько важными, чтобы освободить для них хоть одну горизонтальную поверхность.

— Леопольд, Таисия, — кивнула она. — Я вас слушаю.

Одно дело было рассказывать о заговоре магов своему другу, другое — куратору. Из-за робости у меня перехватило горло.

— Таша хочет вам кое-что рассказать, — сказал Лео, незаметно меня подтолкнув.

— Да, — решила я, — только поверьте мне, пожалуйста. Маги планируют сделать Прорыв и уничтожить наш город.

— Так, — сказала Лиза, медленно встала из-за стола, заперла дверь, прислонилась к ней спиной и сжала виски пальцами: — Еще раз, с самого начала и подробнее.

Она не шелохнулась на протяжении всего моего рассказа, и когда я закончила, продолжала все также стоять. Ее побледневшее лицо ничего не выражало.

— Куратор Лиза? — наконец не выдержал Лео. — Что скажете?

Она еще немного помолчала, а потом ответила:

— Что такого не может быть просто потому что не может быть. Извини, Таша, но при всем моем уважении к тебе, я не верю в то, что ты рассказываешь. Маги — наши защитники. Их призвание — защищать нас от Прорывов и от чудовищ, которые оттуда лезут. То, что ты рассказываешь — это даже не сказки. Это чудовищная выдумка, и я не знаю, что с тобой случилось, чтобы ты начала такое рассказывать. Возможно, это потрясение от болезни... Да, да, ты еще не окрепла, тебе нужно пойти домой полежать. Я дам тебе освобождение.

— Да ведь я же простудилась на магическом балу! — в отчаянии воскликнула я. — Поверьте мне! Я не обманываю!

Лиза покачала головой и открыла двери.

— Я думаю, что это на тебя отрицательно действует Леопольд. Он всегда был несдержан в своих порывах. Я заметила, как вы сблизились в последнее время, и надеялась, что ты наставишь его на путь истинный. Видимо, все совсем наоборот. Таша, я очень тебя

прошу, оставь свои выдумки при себе. Другие могут отнестись к ним не так лояльно.

Выставленные в коридор, мы горестно переглянулись.

— Да, я-то надеялся, что твоя репутация тебя спасет. Видимо, зря. Наверное, тебе лучше больше не показываться со мной рядом, — грустно сказал Лео.

— Ты единственный человек, который мне поверил, — всхлипнула я.

— Пока единственный. Будут и другие.

— У нас очень мало времени.

— Значит, нужно действовать активнее. Ведь должны были остаться семьи тех девушек, которых маги брали, так сказать, на приплод? Нужно их найти.

— Как?

— Подключим твоих братьев, они у тебя шустрые, особенно Флор. Я его несколько раз встречал в... ладно, не будем об этом. Девушки не могли исчезнуть бесследно, даже если семьям платили. Соседи должны были видеть.

— Я знаю одного выпускника, — вспомнила я. — Его бабушка поставляла молодых девушек для магов! Я-то думала, для сексуальных услуг, а оказывается, что...

— Для сексуальных услуг в том числе. Пойдем искать этого выпускника. Есть шанс, что он тебе поверит.

Мы нашли Дмитрия в лечебнице. Он сидел на кушетке в одном из кабинетов, тупо уставившись в стену. Мы молча присели рядом. Такие лица мне случалось видеть и раньше. Это значило, что все умение аптекаря не смогло помочь пациенту. Это была тяжелая минута, поэтому я молчала, не зная, что сказать. Лео тихонько мурлыкал какую-то песенку, и долго игнорировать эти звуки выпускник не смог.

— Привет, — сказал он раздраженно. — Чего вам?

— Помощь нужна, — бесцеремонно заявил Лео.

Дмитрий отрицательно покачал головой.

— Я не смогу.

— Умерший пациент — это, конечно, горе, но не трагедия, — жестоко сказал Лео. — Встряхнись. Ты можешь спасти сотни, а то и тысячи людей.

— Зачем ты так? — Дмитрий вскочил с кушетки и заметался по комнате. — До сих пор у меня не было ни одной смерти! Ни одной! Ясно?

— И ты возомнил себя богом? — спросил Лео. — А вот у меня смерти были. И у Таши тоже.

— И как? — жадно спросил Дмитрий. — Как это, видеть как человек надеется на тебя, а ты ничего, ничего сделать не можешь? Или вы хотите сказать, что вам уже все равно?

— Почему же все равно? Просто это причина еще внимательнее относиться к своим обязанностям, еще упорнее учиться и трудиться, — мне было очень жаль Дмитрия, потому что я помнила свой шок, когда у меня на руках умер первый пациент. Три года назад этот молодой парень попал под лапы жукачаре, и все, что мы могли сделать — только облегчить ему страдания. Его лицо очень долго снилось мне в кошмарах. Но ведь каждая профессия имеет свои недостатки, не правда ли? Например, у уборщиц болят спины от того, что они вечно полусогнувшись. А в каких позах иногда приходится мыть плитуса! А лестницы!

— Теперь ты можешь нам помочь и предотвратить многочисленные жертвы, — сказал Лео.

Дмитрий вздохнул и сел обратно на кушетку. С его глаз пропало выражение скорби и безысходности.

— Я согласен. Что нужно делать.

— Маги собираются устроить Прорыв и фактически уничтожить наш город, — сказала я прямо. — Человеческие жертвы нужны им для того, чтобы пополнить запас сил.

— Гм... — сказал Дмитрий. Он выглядел удивленным, но не шокированным. — Откуда информация? Ах, да, ты же, кажется, у них работаешь? Подслушала?

Я кивнула. Незачем знать ему подробности.

— Моя прабабушка тоже много чего слышала, — сказал Дмитрий задумчиво. — И

сказала мне как-то, что маги могут пойти на все, что угодно, лишь бы удержать власть, которая от них уходит. Я бы не поверил тебе, если честно, но вот бабушке своей не доверять у меня нет причины. И что, много уже народа вас поддержало?

Мы с Лео смущенно переглянулись.

— Можете ничего не говорить, — Дмитрий грустно улыбнулся. — Я когда рассказывал о том, что маги требовали молоденьких девушек для опытов, мне тоже никто не верил. Но что мы втроем можем сделать?

— Пускать слухи, — предположил Лео. — Вербовать себе людей.

— Зачем?

— Чтобы не допустить паники, — объяснила я. — Нам нужны будут крепкие люди, которые бы удержали население в квартирах и в подвалах, не допустили бы массового бегства прямо в пасти чудовищ. Так мы можем значительно сократить число жертв. Я ведь пережила Прорыв. И могу тебе с точностью сказать, что самое большое число смертей — из-за паники. Когда объявляются чудовища, народ бросается бежать куда глаза глядят, давка, а что творится на спинах жукачар! Нас из деревни выжила от силы половина. А город... это еще хуже. Тем более представь, это при магическом подкреплении такое творится, а если станет известно — а станет известно очень быстро — что маги ничего не делают?

— Мне страшно это представить. Но с другой стороны, я не думаю, что сидения по домам как-то спасет жителей.

— Я не думаю, что они буду призывать совсем страшных монстров, — задумчиво сказал Лео. — Они побоятся с ними не справиться. А, значит, каменные стены вполне могут стать для чудовищ непреодолимой преградой.

— Хорошо. Я с вами, — решительно сказал Дмитрий. — И моя семья тоже. Мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы уменьшить количество жертв.

Мы с Лео радостно переглянулись. Дело сдвинулось с мертвой точки. Да, мы не можем предотвратить наступающую катастрофу и гибель людей, но мы можем сделать все, что в наших силах, чтобы помочь горожанам.

Выйдя с Колледжа, я направилась сразу в Академию на встречу с проректором.

— Здравствуйте, господин маг! — при входе в кабинет я низко поклонилась.

— Ты уволена, Таша, — без околичностей сказал проректор.

— Я ожидала этого, господин маг, — спокойно сказала я.

Проректор задумчиво поднял одну бровь.

— Ты ожидала — но все равно, в нарушение всех правил, явилась на бал?

— У меня не было выбора, господин проректор, — объяснила я. — Господин маг Эрнесто потребовал этого.

— Знаешь, Таша, — сказал проректор вполне сердечным голосом. — Я очень дорожу этой работой по одной причине — мне интересно наблюдать за вами, людьми, и изучать вас. Вы такие занятные.

— Благодарю, господин маг, — холодно сказала я.

— Я очень ценил тебя, как сотрудницу, — внезапно признался проректор. — Большинство людей суетливы, жадны, ленивы и себялюбивы, любят болеть и отвлекаться на семейные проблемы. С ними нет никакого ладу! Ты же работала все три года очень хорошо. Я умею ценить таких сотрудников. И мне жаль расставаться с тобой. Но ты должна понимать, что своим появлением на балу ты просто перешла через все границы! Прислуга — и явилась на бал, как гостья!

— Я думала, господин маг, что основная проблема была в том, что я — человек.

— И это тоже, — кивнул маг. — Но ты же не просто человек, ты же наша прислуга! Это как будто ты заставила всех присутствующих выпить те помои, которые ты выносишь! Вовсе не надо думать о нас, как о человеконенавистниках. Контакты с людьми довольно часты, но это нужные люди, богатые, влиятельные. И, конечно, мы их не зовем на балы. Но ты! Эх, Таша, Таша, а я еще собирался рекомендовать тебя как уборщицу внутренних помещений!

Пораженная столько необычной словоохотливостью проректора, я стояла, еле дыша. Он вдруг встал из-за стола, покачнувшись, и нетвердой походкой направился ко мне. От него так разило алкоголем, что я не сдержалась и поморщилась.

— Вот, — пробормотал проректор. — Стоишь тут, такая вся из себя молодая, нарушительница правил! А потом уходишь к молодому, бросаешь меня, говоришь, старик, говоришь, я ничего не могу! А я могу, я тебе сейчас покажу, что я могу!

— Господин маг... — пролепетала я. С кем он меня путает? От него что, жена ушла?

Вдруг с рыком маг кинулся на меня и схватил за шею.

— Дрянь, — шипел он, — я тебе покажу! Я еще силен, очень силен!

У человека во время удушения есть только десять секунд, чтобы спастись. Я свои десять секунд потратила на бесполезные попытки отбиться. Прежде чем перед моими глазами померк свет, я услышала страшный грохот.

Я очнулась от пощечины. Дышать было больно. Открыв глаза я обнаружила, что надо мной, лежащей на ковре, сидит разъяренный Эрнесто.

— Это совершенно недопустимо, старейшина Сабасо! — кричал он. — Вы уже служащих убиваете у себя в кабинете! Если у вас какие-то проблемы с Габинеттой, то это еще не повод творить такое!

Я закашлялась, и тут же гнев молодого мага обратился на меня:

— А ты чего тут разлеглась? Тут тебе не гостиница! Пошла вон!

Не рискуя встать, я на четвереньках выползла из кабинета — массивная дубовая дверь была распахнута; я сомневалась, что у меня хватит сил ее открыть. В коридоре стояло несколько любопытных, которые с интересом наблюдали за сценой скандала. Не обращая на них внимания, я подползла в стенке и медленно поднялась. Не успела я сделать и двух шагов, как за моей спиной возник Эрнесто.

— Я бы тебе еще добавил, — процедил он, — если бы ты только что концы не отдавала. Таракан на твою голову, маленькая уборщица, почему от тебя одни проблемы?

— Я уже не уборщица, — прохрипела я. — Меня только что уволили.

— Прекрасно, — мрачно сказал Эрнесто. — Хоть не будешь мне глаза мозолить.

Только немного передохнув в подсобке, я смогла связно мыслить. Ничего себе, процедура увольнения! Хорошо хоть, что жива осталась!

В двери постучали. Это оказалась моя начальница, тетушка Таня. Она скрупулезно приняла у меня инвентарь и забрала ключи. Я складывала в сумку свои личные вещи — оказалось, что за три года их накопилось достаточно.

— Беда с вами, молодежь, — вздохнула тетушка Таня. — Не умеете вы магов уважать так, как положено. Вот поэтому у вас и проблемы вечные. А ведь они — наши благодетели и спасители.

Совсем недавно я бы с удовольствием поддержала эту беседу, присоединившись к восхвалению магов. Но сейчас я лишь скупно кивнула.

Когда я вышла из академии, то на привычном месте у фонаря сразу же обнаружила Тараса. Он сидел на кованом заборчике и с аппетитом поглощал огромный многоэтажный бутерброд. Я молча присела рядом, ожидая, пока он прожует.

— Что-то ты бледная, — сказал Тарас после приветствия. — Наверное, зря ты после болезни так рано вышла на работу.

— Меня уволили, — сообщила я.

— Это прекрасно! — обрадовался кузнец. — Мне никогда эта твоя работа не нравилась.

— Почему? — мы медленно брели по заснеженной улице, Тарас деликатно поддерживал меня за локоток, не давая поскользнуться. Сам он шел так уверенно, будто у себя дома по полу.

— Маги — вероломные твари, — совершенно неожиданно для меня высказался Тарас. — Я должен сделать тебе одно признание, прежде чем мы поженимся. Это очень серьезно.

Я только кивнула. Сегодняшний день меня сильно утомил, и я сомневалась, что могу хоть чему-то еще удивиться.

— Говори.

— Я не хотел об этом говорить вот так, внезапно, но, раз тебя сегодня уволили, и ты уже никак не контактируешь с магами, я скажу. Но только обещай, что это останется между нами, хорошо?

— Обещаю, — пробормотала я. Больше всего на свете мне бы хотелось сейчас лечь в постель и спать, спать, спать. А тут еще Тарас с какими-то тайнами. Все как будто сговорились!

Тарас несколько раз порывался что-то сказать, но не решался. Наконец мы подошли к моему дому.

— Мне так страшно тебя потерять, — волнуясь, произнес парень. — Я так хочу быть рядом с тобой, быть твоим мужем. Поэтому прежде чем мне отказать, хорошо подумай, прошу. Твой отказ меня очень больно ранит, но я не могу тебе не признаться. Таша, ты выйдешь за меня, зная, что я — сын мага.

— Да выйду я за тебя.... Что??? Чей ты сын???

— Мага, — совершенно убитым голосом признался Тарас. — Я не знаю, как его звали, этого ублюдка, который надругался над моей матерью, но я их всех одинаково ненавижу. И я совершенно нормальный, Таша! И волосы у меня прямые! Я совершенно нормальный! И я уверен, что у нас будет совершенно нормальные дети! Никто, кроме тебя и моей матери не знает об этом, никакие пересуды и сплетни не помешают нам спокойно жить.

И столько отчаяния было в его словах, что я едва не кинулась ему в объятия, чтобы утешить. В самом деле, ребенок не должен расплачиваться за ошибки родителей.

— Но ведь маги и люди — несовместимые виды! — воскликнула я. — Это как скрестить кошку с собакой!

— Вовсе нет, кто тебе сказал такую глупость? Маги и люди одинаковые, я не знаю, как это у вас называется...

— Один биологический вид, — машинально ответила я.

— Не важно. А важно то, что дети у магов и людей получаются точно так же, как у людей с людьми. Или у магов с магами. Просто полукровки не наследуют магического дара, вот и все.

Я задумалась. А ведь это правда. Если хорошо сосредоточиться на подслушанной беседе, то старый маг говорил о «неспособном» потомстве, а не о "не жизнеспособном". Я же услышала то, что было мне понятнее.

— И много вас, таких? — осторожно спросила я, боясь, что затрагиваю болезненную тему.

Тарас покачал головой.

— Мама говорила, что всех детей тех девушек, которые вместе с ней попали к магам, ликвидировали. А она спаслась благодаря тому, что забеременела позже всех, и уже знала, какая судьба ее ждет.

— Это ужасно, — прошептала я. — Что заставляло молодых женщин идти на такое? Или они не знали, что с ними собираются делать маги?

— Деньги, — пожал плечами Тарас. — Тем, кто согласился участвовать в эксперименте, очень хорошо заплатили. И, да, конечно, они не знали, что их детей убили. Они думали, что они будут помогать магам повышать рождаемость — и все. Условием был отказ от ребенка сразу после родов. Мама обо всем узнала совершенно случайно, после чего решила бежать. Не смотри на меня с таким ужасом! Я вовсе не одобряю мою мать, которая была согласна за деньги отдать своего ребенка магам. Но все же она спасла меня. И вырастила.

Наверное, потому что меня сегодня в очередной раз спас Эрнесто, я заметила:

— А ты сказал, что твой отец над матерью надругался. Выходит, все было добровольно?

— Надругался! — резко воскликнул Тарас. — Он-то знал, что меня убьют!

— А ты что-нибудь о нем знаешь? — спросила я. — Извини, если этот вопрос тебя расстроил.

— Мать говорит, что он был из высокопоставленных магов. Но отказывается сообщать мне его имя, наверное, боится, что я его найду и попытаюсь убить.

От ненависти кузнеца мне стало страшно.

— Зачем ты так? — тихо спросила я.

— Он же знал, должен был знать, что у него есть ребенок! Неужели ему никогда не было интересно даже взглянуть на меня? — было странно видеть в этом уверенном, сильном молодом человеке такую боль. Наверное, маленький ребенок, обиженный родителями, в нас поселяется навсегда.

— И, подчиняясь законам магов, он бы тебя убил, — резонно возразила я, слишком уставшая, чтобы утешать жениха. — Так что это хорошо, что ты вырос сам, без отцовской помощи.

— Ты говоришь так же, как и моя мать, — вздохнул Тарас и взял меня руками за плечи: — Я рассказал тебе страшную тайну своего рождения. Ты ведь не предашь меня? Не выдашь никому?

Пока он встряхивал меня при каждом вопросе, я смотрела в его глаза, горящие ненавистью и болью брошенного ребенка и старалась сохранять спокойствие.

— Тарас, мне нужно подумать. Дай мне время до завтра, хорошо? Я обещаю, что не буду принимать поспешных решений. А теперь отпусти меня.

Я добрела до своей комнаты и, вместо того, чтобы думать о признании Тараса, решать, как спасти наш обреченный город, я укрылась одеялом с головой и крепко заснула.

## **Немного откровенности, или О знаниях**

— Таисию Ворон вызывают к Куратору, — вихрастая голова младшекурсника на миг появилась в щели приоткрытой двери и тут же исчезла.

Занятия только-только начались, и даже еще не все студенты пришли — на улицах царил страшный гололед, и двигаться приходилось с величайшей осторожностью.

Я встревожено переглянулась с Лео. Вызов к куратору был не редкостью, но в свете вчерашних событий... Что скажет мне Лиза? Или меня в ее кабинете уже ждет магический конвой?

С утра я еще не имела возможности подумать о признании Тараса. Дома мама пыталась посвятить меня в подробности отцовских проблем на работе, почему-то считая меня виноватой в них и требуя, чтобы я разобралась в происходящем. Но впервые мне не было дела до проблем родителей, мне хватало собственных хлопот и волнений. Поэтому из квартиры я сбежала пораньше, даже не позавтракав. По дороге к колледжу все внимание было сосредоточено на тротуаре, ярко блестящем ровнехоньким льдом в лучах раннего солнца. Федор вычитал в какой-то книге, что раньше маги всегда избавляли улицы города от льда. Но это было очень давно. А сейчас горожане спасались сами как могли. Кто-то посыпал дороги золой из печей, кто-то покупал дорогой песок, но большинство сосредотачивались только на собственной безопасности, придумывая различные ухищрения, чтобы сапоги не скользили.

Осторожно постучав в дверь кабинета куратора, я зашла. Там меня ожидал сюрприз — на красивом и удобном стуле, явно принесенном в кабинет откуда-то еще, восседал ректор колледжа. За столом, подперев рукой голову, сидела Лиза. Ее лицо было усталым, под глазами залегли круги. Она выглядела так, будто не спала всю ночь. Ректор выглядел не лучше. Я стояла в центре кабинета, сжав руки так, чтобы они не дрожали. Они хотят меня исключить?

— Таша, — ректор первым нарушил молчание, — несколько дней назад я получил из Академии Духа очень странное послание. В нем проректор Академии по работе с людьми



информирует меня, что твое поведение переходит допустимые границы. Он настоятельно рекомендует мне исключить тебя из колледжа и никогда не допускать к серьезной и ответственной работе. Более того, он считает, что я обязан сделать тебе выговор на общем собрании учащихся и преподавателей колледжа.

Я так и обмерла. Проректор Академии прислал письмо с таким содержанием? Так вот что за проблемы на работе у отца, вероятно его начальство тоже получило такое письмо! Мама действительно права, я виновата в проблемах папы.

— Я удивлен, — продолжал ректор, видимо, понимая, что сейчас он не добьется от меня ни одного внятного звука, — тем, что маги решили вмешаться в дела колледжа, которые, к слову, их совершенно не касаются. Я знал, что ты работаешь у магов, и подумал, что их возмущение вызвано какой-нибудь ерундой типа твоего недостаточно низкого поклона или слишком громкого голоса. Но вчера ко мне пришла уважаемая Лиза и рассказала о том, что ты была на балу у магов. Это правда?

Голос до сих пор мне не повиновался, поэтому я только кивнула.

— Потрясающе, — пробормотал ректор. — Как тебе это удалось?

— Выпей воды, — мягко сказала куратор Лиза. — и расскажи уважаемому Павлу все, что ты рассказывала мне.

Я подошла к столу куратора, налила из графина воды в стакан. Это дало мне необходимую передышку, чтобы прийти в себя. Почему же я так испугалась? Я, которая еще неделю назад собиралась в одиночку противостоять всем магам, задумавшим уничтожить мой город! Ректор, судя по всему, настроен достаточно благодушно для того, чтобы выслушать меня непредвзято, и, возможно, он окажется именно тем человеком, который сможет помочь нам организовать оборону жителей.

— Уважаемый ректор, — сказала я, повернувшись к Павлу, который терпеливо дожидался, пока я начну свой рассказ. — У меня сильно заболела мать. Денег на помощь мага не хватало, а силами аптекарей ничего нельзя было сделать. Один из молодых магов согласился мне помочь бесплатно, однако потребовал, в качестве оплаты, чтобы я пошла с ним на бал.

— Зачем?

— Он хотел добиться аудиенции у высокопоставленного магического старейшины, — объяснила я. — И решил, что таким эпатажным поступком он привлечет его внимание.

Медленно, стараясь припомнить каждую деталь подслушанного разговора, я рассказала ректору о происшедшем той ночью. Когда я замолчала, ректор вопросительно взглянул на Лизу.

— Мне она рассказала тоже самое, — подтвердила куратор.

— Что ж, — задумчиво сказал ректор. — Я был уверен, что рано или поздно это случится.

— Что? — в один голос воскликнули мы с Лизой. — Вы? Но как?

— Около сорока лет назад — я тогда был молодым, начинающим аптекарем, — маги озаботились проблемой рождаемости. Мой научный руководитель занимался как раз подобными вопросами — из-за мора из другого мира умерло слишком много людей, вымирали целые деревни на юге. Правительство предоставило налоговые льготы целому региону, но нужно было увеличивать население, уменьшать количество выкидышей и больных при рождении младенцев. В общем, уважаемый Константин был видным ученым в этой сфере. И маги сначала обратились к нему, а я ассистировал. Вы ведь не знали, что у магичек смертность при родах даже выше, чем у крестьянок, даже не смотря на ужасные условия жизни последних? Магички слишком изнежены, слишком мало физической активности проявляют, всю беременность лежат в постели и каждое их желание мгновенно выполняется. И они оказываются не готовыми к тому, что роды — это, прежде всего, огромный труд. Да, именно моему наставнику пришла в голову идея заставить молодых женщин ежедневно выполнять комплекс физических упражнений... Да, что-то я отвлекся. Так вот, магические старейшины пошли и другим путем. То, что я вам сейчас расскажу,

является секретной информацией, которую нужно строго хранить. Лишь несколько посвященных знают об этом. Итак, лет тридцать назад маги пытались получить потомство от человеческих женщин.

Если бы вчера Тарас не открыл мне тайну своего рождения, я бы отреагировала так же, как и Лиза. Она ахнула, прижав руки ко рту и, не веря, отрицательно покачала головой.

— Этого не может быть, — твердо проговорила она. — Ведь это же маги, они...

— Лиза, Лиза, — в голосе Павла звучал упрек. — Вы ведь столько лет занимаетесь наукой. Вы ведь должны были уже понять, что иногда мир устроен совсем по-другому, чем кажется на первый взгляд. Берите пример с вашей студентки. Ты ведь уже в курсе, Таша?

Было бы глупым это отрицать — ведь я совсем не удивилась, услышав эту новость.

— У одного из выпускников бабушка подыскивала достойных для размножения девушек.

— А, прелестная Агафена! Только я не думал, что ее внук — Дмитрий, так? — будет болтать об этом.

— Ему никто не поверил, — сказала я. — И я не верила, пока не побывала на балу.

Верная слову, данному Тарасу, я не стала говорить ректору о том, что я знаю прямого потомка мага, более того, собираюсь выйти за него замуж.

— Вот в чем проблема преемственности аптекарских семей, — вздохнул Павел. — Ты уверен, что тайн не знает никто, а, оказывается, о ней разговаривают на переменах.

— На спине жукачары, — уточнила я.

— Не суть важно. У вашего поколения нет того, что было у нашего — слепого поклонения магам. Вы слишком редко сталкиваетесь с ними, с их мощью, поэтому позволяете себе такие разговоры. В наше время даже произнести вслух слово «маг» боялись. И все, что делалось под эгидой Академии, считалось изначально верным и правильным. А вот вы, молодежь, уже совсем не такие. Но, наверное, для вас это правильно. Времена меняются.

— А потомство получилось? — Лиза справилась с изумлением и в ней заговорил аптекарь.

— Да, дети родились. Но... они не были магами. Ни один.

— И... и что с ними случилось? — прошептала куратор.

— А что случается с детьми-инвалидами, которые рождаются где-то в глубинке? — вопросом на вопрос ответил ректор.

— А матери?

— Матери получили оговоренную сумму за молчание и покинули Академию сразу после родов. Но я не удивился, когда узнал, что с большинством из них на протяжении короткого времени произошли несчастные случаи со смертельным исходом. Умение держать язык за зубами — очень редкое и ценное.

Он значительно посмотрел на меня. Я стойко выдержала его взгляд. Я уже думала о том, что быть аптекарем — это не только продавать порошки от кашля и мази от радикулита. Это еще и умение помочь человеку в самой щекотливой ситуации, и умение не удивляться, а главное — хранить все это в себе. Никому не понравится, если ты начнешь рассказывать направо и налево, кому продал примочки для выведения угрей. А уж если дело заходит о семейных тайнах...

Меня совершенно не удивило то, что ни Лиза, ни ректор не отметили безнравственности женщин, продавших своих детей. К сожалению, наш мир устроен так, что ребенок — не всегда радость и желанное чудо. И, как это ни страшно, но мы к этому даже привыкли.

— Они почти тридцать лет раскачивались на следующий шаг, — ректор встал со своего кресла и подошел к окну. — Наверное, ситуация совсем критическая, раз они решились на такое. Ведь никто не может гарантировать благополучного исхода всей операции.

— Вы даже как будто сочувствуете им, уважаемый Павел, — сердито проговорила Лиза.

— Это инстинкт размножения и продолжения рода, — напомнил ректор. — С этим не шутят. Страшно, когда некому передать свои знания, страшно, когда некому продолжить тебя.

— Мне кажется, речь больше шла о силе и власти, — Лиза стукнула кулаком об стол. — Ради этого они собираются отдать наш город во власть чудовищ!

— Наш король, чтобы занять престол, отравил собственного отца и братьев, — напомнил Павел. — Власть — это самый лучший наркотик. Уж я-то знаю о чем говорю! Если бы мне предложили убить кого-то, чтобы стать ректором столичного аптекарского колледжа, я бы, наверное, согласился бы. Но не предлагают. Что? Почему вы смотрите на меня с таким ужасом? Я говорю вам чистую правду, и, раз мы с вами сейчас на спине одного жукачары, то зачем лгать друг другу? Я только хочу, чтобы вы поняли, что маги не остановятся не перед чем. И мы не сможем это предотвратить.

— Значит, надежды нет? — упавшим голосом спросила я. А я-то надеялась, что ректор, могущественный, опытный, мудрый, разрешит все одним движением руки или одной фразой.

— Надежда, детка, всегда есть, — напомнил Павел. — Сделаем вот что. Преподавательскому составу о нашем разговоре знать вовсе не обязательно. Не все нормально воспримут весть о том, что маги из защитников превратились в убийц. Например, как вы, Лиза. Хорошо еще, что мне случайно удалось перехватить вас, когда вы шли в Академию с доносом на студентку.

Открыв рот, я в немом ужасе уставилась на куратора. Она что, была готова меня отдать магам на растерзание? Конечно, я ей не дочь и не родственница, но ведь она моя куратор! Мы вместе уже пять лет! Я очень многому у нее научилась. Что ж, придется принять к сведению и этот горький урок.

Под моим взглядом Лиза покраснела, но твердо сказала:

— Я не прошу простить меня, Таша, но прошу понять. Я делала то, что считала нужным. А теперь я не знаю, что делать. Весь мой мир перевернулся за эти сутки. Все, во что я верила и чему доверяла...

Я только кивнула. Я понимала Лизу. Мое столкновение с реальным миром магов — эгоистичных, мелочных, ленивых и самовлюбленных — происходило в несколько этапов, и то я каждый раз чувствовала потрясение. Как же я не подумала о том, что придя со своим признанием к куратору, я повергну ее в состояние шока? Как я не могла учесть того, что, если Лео мне поверил легко и просто потому что у него такая авантюрная натура, то для серьезного человека, который всю жизнь прожил со своими убеждениями, мой рассказ будет чем-то из области невозможного?

— Это вы меня простите, куратор, — тихо ответила я.

— Прекрасно, что мы теперь понимаем друг друга, — серьезно сказал ректор. — А теперь сосредоточьтесь на главном. На равноденствие я назначу общеаптекарьские учения действий при Прорыве. Давненько мы их не проводили, и поэтому ни у кого мой приказ не вызовет удивления. Если все аптекари города будут готовы хотя бы морально, то мы сможем избежать значительных жертв.

— Последний раз мы такие учения проводили лет десять назад, — припомнила Лиза. — Кажется, с тех пор в них не возникало необходимости — все Прорывы были очень маленькими и мы обходились минимумом людей и средств. Коллеги будут против.

— Ничего, им полезно, — решительно заявил ректор. — А то дальше баночек со мазью от геморроя и не видят.

Я чувствовала себя лишней в этом кабинете, мне хотелось уйти. В дело вступили силы, с которыми мне не тягаться, и я уже была не нужна. Я ведь сделала все, что было в моих силах — я предупредила о готовящейся опасности влиятельных людей, и теперь мое участие сведется только к помощи людям во время Прорыва.

— Таша, можешь идти, — правильно истолковала мой отсутствующий взгляд куратор.

Вовсе не чувствуя себя обделенной от того, что планы операции по спасению города будут строить без меня, я вышла в пустой коридор. Идти на занятие не хотелось, поэтому я

пошла в лечебницу — чтобы успокоиться и привести в порядок мысли, требовалось дать работу рукам. А в такой гололед там любой студент не будет помехой.

— О, Таша! — окликнул меня один лекарь, как только я появилась в переполненном приемном отделении. — Там, кажется, твоего знакомого привезли. Во всяком случае, он тебя звал. Зайди во второй кабинет.

Неужели кто-то из моих братьев умудрился себе что-то сломать? Из-за простого ушиба в лечебницу они бы не пошли! Разрываясь от тревоги, напрочь вытеснившей все мысли о предстоящем Прорыве, я помчалась в указанную комнату. Там пришлось остановиться — среди лежащих на пяти кушетках я не нашла никого, напоминающего брата по комплекции.

— Таша, сюда! — замахала мне рукой знакомая выпускница. — Тебе знаком Тарас Котов?

— Да, — я поспешила к кушетке. — Что с ним?

— Несчастный случай на работе, переломы и сотрясение мозга. Он сейчас спит, мы ему дали немного настойки мака. Симпатичный парень. Кто он тебе?

— Жених, — призналась я, борясь с двойным чувством — облегчения от того, что никто из братьев не пострадал, и жалости к Тарасу, у которого на лице застыла гримаса обиды и боли.

— Вот это да! — девушке не терпелось расспросить меня подробнее, однако ее позвал кто-то из лекарей. Бросив на бегу, что Тарас проспит еще по меньшей мере час, коллега убежала.

Я принялась помогать лекарям, принимающим пациентов с переломами и ушибами, стараясь далеко не отходить от кушетки, где спал кузнец. Он проснулся как раз в тот момент, когда я уговаривала ревущего от боли малыша не вертеться и позволить мне наложить шину.

— Таша, — позвал он меня голосом умирающего.

Я обернулась, быстро взглядом оценила его состояние и решила, что прямо сейчас угрозы для его жизни нет, и продолжила возиться с ребенком.

Тарас лежал на кушетке смирно, но так вздыхал и постанывал, что большинство пациентов примолкли и бросали на кузнеца сочувствующие взгляды.

— Ну, как ты? — спросила я, наконец закончив с ребенком, которого отдала мамаше, счастливо прижавшей свое сокровище к сердцу. Малыш тут же наградил мать серией ударов по лбу рукой в гипсе. Женщине явно было больно, но она не обращала внимания, лепеча что-то умильное.

— Я умираю, — прошептал молодой человек с совершенно серьезным видом.

Я хотела сказать: "что за ерунда!", но вовремя вспомнила, что Тарас — по его собственному признанию — никогда в жизни ничем, серьезнее насморка не болел. Новые болезненные ситуации должны его пугать, тем более что мужчины всегда относятся к любым своим болячкам, как к смертельным.

— Тарас, — сказала я нежно, погладив его здоровую руку. — Ты не умрешь. Совсем скоро ты встанешь на ноги, просто около месяца не сможешь пользоваться рукой. У тебя на ней несколько переломов, плюс еще и ключица пострадала. Что произошло?

— Поскользнулся, когда нес бочку с заготовками. Таша, я так боялся, что я умру, но так и не скажу тебе самого главного! Таша, я же люблю тебя!

Я замерла, а мое сердце ухнуло куда-то вниз. Еще ни разу ни один парень не признавался мне в любви. И пусть обстановка вокруг была не самая романтическая, мне было очень приятно.

— Я хочу прожить с тобой всю жизнь, — продолжал откровенничать Тарас, — и заботиться о тебе. Я так боялся, что я умру, и ты не узнаешь об этом.

— Ты поэтому меня звал? — мягко спросила я.

— Да, конечно! Просто все время так получалось, что я никак не мог тебе об этом сказать. И вдруг понял, что ты можешь об этом никогда не узнать!

— Тарас, не стоит бояться, — я погладила его по щеке, — теперь все будет хорошо. Ты не умрешь, и, если захочешь, мы с тобой еще не раз поговорим об этом. А сейчас тебе нужно

отдыхать, у тебя сотрясение мозга.

— Таша, — Тарас довольно цепко, как для больного, ухватил меня за руку. — А разве ты не должна сделать мне ответного признания? Разве ты не должна мне сказать, что ты любишь меня и мечтаешь прожить со мной всю жизнь?

Что я могла на это ответить? Тарас неплохой человек, но я его не любила. Он часто вызывал у меня раздражение своими неуклюжими попытками заботы, своей уверенностью в мужском превосходстве. И поцелуи его мне не нравились. Но у меня не было другого выбора, как принять молодого человека таким, какой он есть. Во всяком случае, не похоже, чтобы он имел пагубные привычки в виде злоупотребления спиртным или азартными играми, да и руку на жену он, скорее всего, никогда не поднимет, а заработанные деньги будет нести в семью. Большинство моих сверстниц, уже имеющих по несколько детей, о таком мужчине могли только мечтать. Поэтому я просто сказала:

— Давай поговорим об этом в соответствующей обстановке, хорошо? Мне неудобно вот так, при всех.

— Таша, мне кажется, что ты не любишь меня так, как я тебя, — помрачнел Тарас. — Ты слишком много внимания обращаешь на чужое мнение. То ты боялась сплетен, теперь ты не можешь при всех сказать, что любишь меня. Что в этом страшного? Ведь я ни кто-нибудь, а твой жених!

Такая категоричность меня разозлила.

— Ты ведь даже не спросил, что я решила после твоих вчерашних признаний! — напомнила я. — А вдруг я передумала!

Такая мысль, видимо, совершенно не приходила кузнецу в голову.

— Но почему ты могла передумать? Я ведь был честен с тобой! Тем более, я же говорил, я абсолютно нормален! У меня нет ничего от моего недостойного папаши! Я клянусь тебе, Таша! Если не веришь, посмотри на меня внимательнее, ведь мои волосы абсолютно ровные! Я даже лицом — копия мамы!

Я не стала рассказывать кузнецу о наследственности. Ни я, ни даже мой ректор, уважаемый Павел, занимающийся вопросами деторождения, не могли предсказать, как отразится кровь дедушки-мага на детях Тараса. Просто не было ни одного прецедента, а если где и были, то, уверена, в это посвящены очень и очень немногие. Но, наверное, магическая кровь никак не проявится на внуках неизвестного экспериментатора. Думаю, маги бы никогда не упустили такой возможности пополнить свое количество.

— Тарас, — строго сказала я. — Я сейчас не могу разговаривать с тобой о чувствах. Я вижу перед собой больного и действую, как аптекарь. Отдыхай.

Молодой человек что-то недовольно пробурчал и отвернулся.

Я вышла в коридор, где сразу же столкнулась с Лео.

— О, — обрадовался он, — а я тебя искал. Чем закончился разговор с куратором?

Вздохнув, я потупила глаза. Как я могла доверять Лео после того, как мой куратор, с которой я проводила времени едва ли не больше, чем с собственной семьей, была готова отдать меня магам на растерзание? Почему Лео сразу мне поверил? Почему сразу же согласился мне помочь в заведомо проигрышном деле? Это какая-то хитрая ловушка?

— Таша, эй! — сокурсник помахал у меня перед лицом рукой, и, наклонившись, заглянул в мое лицо. — Что происходит? Ты меня пугаешь!

— Лео, — решила я. — Почему ты мне сразу поверил?

— Ну, — подал плечами тот, — ты была очень убедительна. Тем более, что у меня нет оснований тебе не верить.

— Но ведь даже куратор Лиза не поверила!

— Лиза, при всем моем к ней уважении, не знает тебя так хорошо, как я. Я пять лет сидел за тобой в аудиториях. Мы стояли рядом у стола, препарируя трупы. Да, ты почти никогда не обращала на меня внимания больше, чем на мебель, но я-то обращал! За пять лет, что мы были вместе, ты не солгала ни разу! Как я мог тебе не поверить?

Я изумленно подняла глаза на Лео. Он смотрел на меня таким взглядом, что я

мгновенно поняла, что он сказал далеко не все. Почему-то вспомнилось, как братья намекали, что кое-кто из моих сокурсников ко мне явно не равнодушен, но я, слишком поглощенная учебой, не обращала на это внимания. О, богиня Подкова, дающая счастье и удачу, сколько всего я еще не замечала? Сколько всего я пропустила в своей жизни? Какая же я эгоистка! Оказывается, поглощенная своей великой целью, я совершенно не обращала внимания на чувства окружающих! И все несчастья, которые происходят со мной — это повод не плакаться на судьбу-злодейку и на вечное мое невезение, а только повод присмотреться к окружающим повнимательнее!

Лео, покраснел, прочистил горло, и сказал совсем не то, что я ожидала:

— Ну что, я снова в игре?

Я молча кивнула.

— Вот и хорошо! — обрадовался парень. — Ты не представляешь, Ташка, каких мы дел с тобой вместе наворотим! Ну, рассказывай, что было в кабинете у Лизы?

А может быть, я все не правильно поняла? Может быть, Лео вовсе не относится ко мне по-особенному, а ему просто скучно? Вот он и решил участвовать в таком опасном деле. Ведь совсем недавно сокурсник едва не умер, и пытался пересмотреть жизненные приоритеты. Возможно, помощь мне — это то стоящее дело, об отсутствии которых в своей жизни он сокрушался в холодном лесу, когда был уверен, что умирает.

В аптекарском деле я разбиралась хорошо. Это было легко. Можно было проводить за учебниками все свободное время, постоянно практиковаться в лечебнице — и тайны человеческого организма открывались перед пытливым взглядом. Но вот тайны человеческих взаимоотношений мне не давались. Не возможно понять, что именно думает человек, даже если ты прочитал сто или тысячу книг. Тут просто нужно быть внимательным, и — самое главное в понимании души человека — больше общаться. Наблюдать за поведением друзей в разных ситуациях. Сравнивать. Анализировать. Запоминать.

Странно, но только сегодня я поняла, какого огромного пласта знаний я себя добровольно лишила, зарывшись в сухие книги и анатомические атласы! А ведь я же мечтаю быть аптекарем, даже не просто аптекарем, а самым лучшим аптекарем! А ведь я знаю, что в аптеку приходят не только за каким-нибудь порошком или мазью. В аптеку приходят, чтобы решить какую-то проблему и ожидают от меня помощи!

— Пойдем, Лео, — сказала я. — Я тебе все расскажу. Нас вскоре ожидают великие деяния.

## **Ночные разговоры, или О правде**

Дома меня ждали неприятности, впрочем, ожидаемые — родители в ужасном настроении.

— Таша! — отец сразу начал с крика, даже не дав мне раздеться. Мама положила ему на плечо руку, но он ее сбросил. — Ты сломала все, что я строил для вас годами!

— Папа, — я устало опустилась на стул, который стоял в прихожей, — что случилось?

— Меня выгнали с работы! — заорал отец еще громче.

Я даже не поморщилась. Я просто ждала — какую гадость Таракан подкинет мне еще? Я не знала, почему он ополчился на меня, но дела с каждым днем становились все хуже и хуже.

— Что ты натворила? — продолжал отец. — Почем господа маги выслали моему начальству письмо? Откуда они вообще знали, где я работаю?

— Я анкету заполняла, когда поступала на работу, — сказала я, рассматривая трещины на стене. — Им были необходимы данные на всех ближайших родственников.

Мама принесла с кухни чай, и, пока отец судорожно пил, объяснила мне:

— Отцу разрешили доработать на строительстве дома, и сегодня дали расчет. Он боится, что после того, как маги выразили свое негодование твоим воспитанием, его больше не возьмут на работу.

— Ну и прекрасно, — равнодушно сказала я. — давно пора было съездить к твоим родственникам в деревню. Заодно и маму оздоровишь. У братьев в школе скоро каникулы.

— Ты что, не понимаешь? — отец собрался с силами для нового взрыва негодования. — на что мы будем жить? Мы вернемся обратно в трущобы! А твоей матери нужно хорошо питаться! А твои братья? В них же, как в бездонные бочки продукты падают! Никакой прибыли от вас, только проблемы! И еще ты на моей шее! Чтобы немедленно вышла замуж! Хоть одной заботой меньше.

— Я не могу сейчас, — сказала я, с трудом вставая. Все тело ломило от усталости, я еще была очень слаба после болезни. — Тарас травмирован, лежит в лечебнице.

— Как бы там ни было, больше я тебя кормить не намерен! — рявкнул отец.

— И не надо, — я пожала плечами, чувствуя, как странное оцепенение проникает в душу. — Папа, я уже довольно давно обеспечиваю себя сама.

— Ты живешь под моей крышей! — заорал отец. — Я всегда знал, что эта твоя блажь учиться никогда ни к чему хорошему не приведет!

Молча слушая, как отец громко вопрошает судьбу за что ему достались такие ужасные дети, я открывала двери. Почему-то они мне казались невероятно тяжелыми. Я вышла на лестничную площадку, меня никто не задерживал. Я могла понять отца — он не виноват, что его начальник, в отличие от моего ректора, испугался письма из Академии. Снова тот мир, который мой папа строил, не жалея сил, разрушался. И на этот раз перед отцом стояла я, виновница очередной жизненной катастрофы. И он выплеснул свой гнев и обиду, которые накопились у него за все годы неудач, которые преследовали нашу семью с момента Прорыва пятнадцать лет назад. За то время, когда мы скитались по родственникам по деревням, когда тяжело болела мама, когда мы переехали в город и были вынуждены жить в самых бедняцких трущобах. И вот, когда, казалось бы, все устроилось, жизнь стала стабильной, отец теряет работу из-за меня. В его возрасте так нелегко начинать все сначала!

Но как же все таки мне было обидно! Как больно! Почему отец даже не спросил, а как себя чувствую я? Почему он не поддержал меня? И мама ни слова не сказала! Как же больно... Как же тяжело...

Я брела, брела, брела по улицам, ничего не замечая вокруг, пока не попала в городской сад. В нем было тихо-тихо, ни одна веточка заледеневших деревьев не шевелилась. В нем было пусто, тихо и холодно — так же, как и в моей душе. Я опустилась на скамейку, даже не потрудившись расчистить снег. И закрыла глаза, обхватив себя руками. Я устала. Слишком устала бороться за себя, за своих братьев, поддерживать, помогать, понимать. А сейчас я отдохну. Просто закрою глаза и отдохну...

... - Открой глаза, открой, — уговаривал меня кто-то. — Ну, Кнопка, хватит придуриваться, я влил в тебя столько магии, что и мертвого можно поднять! Кнопка! Таракан на твою голову! Скажи хоть что-то!

Я не хотела открывать глаза. Во всем теле была приятная легкость. В душе царила пустота. Зачем что-то делать, если мне сейчас так хорошо?

— Кнопка! Кнопка! Ну, что же мне с тобой делать, а?

Неожиданно к моим губам прижались другие, такие горячие, что я чуть не вскрикнула. И снова, как в ночь бала, я провалилась в невероятные ощущения, когда каждая клеточка тела вибрировала и горела, когда по кончикам пальцев бегали мурашки. И все же эти поцелуи были другими. Сейчас Эрнесто просил... просил меня о чем-то. Он прижимал меня к себе крепко-крепко, не давая моему безвольному телу упасть. Внезапно я поняла, что я сижу у него на коленях, что моей щеки касается жесткая и плотная ткань мантии мага. Он нежно целовал меня, слегка покачивая, как убаюкивают детей.

— Кнопка, — прошептал он в ухо, щекоча мое лицо распущенными волосами. — Все что ни делается, все к лучшему, и нет никакой причины умирать в парке из-за какой-то ерунды.

Ерунды? Он разрушил мою жизнь, и ему это ерунда?

— Ерунда? — возмутилась я вслух, открывая глаза и выпутываясь из его объятий.

— Кнопка! — обрадовался он, но тут же его лицо приняло настороженное выражение: — Что не так?

Я стояла напротив мага на дорожке, кипя от возмущения. Руки сами собой сжались в кулаки. То ли это магическая энергия на меня так подействовала, то ли поцелуи, то ли я, скорее всего, дошла до крайней точки, но мне хотелось кричать, топтать ногами и убивать всех, кого я вижу.

— Я ненавижу вас! — мой голос сорвался на визг.

— Таракан на твою голову! — разозлился маг, тоже вскакивая со скамейки. — Который раз я спасаю твою жизнь, и вот она, твоя благодарность?

— Хватит! — верещала я, уже не способная себя контролировать. — Хватит призывать на мою голову Таракана! Он уже здесь! Моя жизнь разрушена! Я, по вашей милости, служила игрушкой для магов! Меня выгнали с работы! Моего отца уволили! Мы все скоро умрем! И вы еще хотите от меня какой-то благодарности? Вот моя благодарность!

Крича что-то невнятное, заливаясь слезами, я кинулась на мага, колотя его по груди руками. Мне хотелось надавать ему пощечин, выбить зубы, разбить в кровь его губы, но он был слишком высок, и мне удобнее было лупить его по телу.

— Эй, эй! — он беспомощно поднял руки и отступил на шаг, наткнулся на скамейку, упал, прикрыл лицо рукой. — Кнопка, успокойся! Эй!

Где-то на краешке сознания у меня билась мысль, что сейчас маг выйдет из себя и просто испепелит меня на месте, и я даже хотела этого, хотела, чтобы эта мучительно тяжелая жизнь побыстрее закончилась, но Эрнесто просто переживал, когда закончится истерика, по возможности защищаясь от ударов, и ничего не делая взамен.

Когда у меня иссякли силы — а их, благодаря магической подпитке, было предостаточно, я опустилась на дорожку, уже просто всхлипывая и вытирая ладонями щеки.

— Все? — с опаской спросил маг.

Я кивнула, боясь поднять на него глаза.

— Что это было?

— К... классическая истерика, — икая, сказала я.

— Я так и думал. На, держи.

Я исподлобья взглянула в сторону лавки. Эрнесто протягивал мне руку, в которой была чашка с парующей жидкостью.

— Что уставилась? Пей. Это не яд.

В изящной тонкостенной фарфоровой чашке оказался горячий чай, да еще и к тому же такой вкусный, что я наслаждалась каждым глотком. От великолепного напитка кровь быстрее побежал по сосудам, и самочувствие самым волшебным образом улучшилось. Наконец-то я почувствовала, что сидеть на земле холодно, поднялась и неуверенно посмотрела на скамейку.

— Садись, — маг великодушно подвинулся, освобождая мне нагретое место.

— Откуда это? — спросила я, указывая на чашку.

— Из нашего буфета, — пожал плечами Эрнесто. — Свежеприготовленный для кого-то. Ничего, переживут.

— Но как?..

— Маг я, в конце концов, или не маг? — сердито спросил он. — Нет, чашку можешь себе оставить, буду я еще с ней таскаться по городу. Ну, Кнопка, рассказывай, ради чего я выдержал это представление?

— Простите, господин маг, — только сейчас до меня начало доходить ЧТО видел только что господин маг и КАК он на это отреагировал. Я совершенно ничего не понимала, и поэтому решила, что лучшим выходом из создавшегося положения будет следовать этикету. Конечно, ни в одном этикете не разрешалось сидеть на одной скамейке с магом, но...

Эрнесто легко удержал одной рукой мой порыв упасть перед ним на колени.

— Знаешь, Кнопка, — задумчиво сказал он, глядя на свою левую руку, которая тяжело придавила меня к скамейке, — мне кажется, что после всего происшедшего нам стоит уже



отбросить все эти церемонии. Думаю, можно даже не обращаться «господин» к человеку, которого ты только что колотила кулаками.

Я отчаянно покраснела и спрятала лицо в ладонях. Мне было очень, очень стыдно. Как я могла? Вот уж вышла из себя так вышла. Никогда не думала, что такое может случиться со мной, ведь я всю жизнь гордилась своим спокойствием.

— Ничего, — сказал маг. — Со всеми бывает.

— Почему вы ведете себя так, гос... Эрнесто? — выдавила я из себя.

— Как — так?

— Так... по-человечески. Будто я равная вам.

— Пойдем, пройдемся, — вместо ответа предложил маг. — Холодно.

Я удивилась. Он же маг, неужели он не может согреть себя? Или у него не хватает энергии после того, как он отогревал меня, замерзшую на скамейке?

Мы пошли по темной аллее парка. Вдруг я обнаружила, что время близится к полуночи. Сколько же я просидела в оцепенении на скамейке? Четыре часа? Пять? Достаточно, для того, чтобы замерзнуть на смерть. А Эрнесто меня спас — в который раз. Уверена, что после его помощи у меня даже насморка не будет. А я вместо благодарности устроила ему истерику! А он ее терпеливо переждал. Что же творится в мире? Может быть, я попала в другой мир, пока спала — тот, где маги заботливые, внимательные и добрые к людям? Задумавшись, я перестала следить за дорогой и, поскользнувшись, со всего размаху упала на спину. Шубка немного смягчила удар, но, все равно он был довольно чувствительным.

— Подъем, — скомандовал Эрнесто привычным, не терпящим возражений, тоном. — О чем ты думаешь?

— О вас, — честно сказала я, осторожно вставая. Маг стоял и смотрел, скрестив руки на груди. — Точнее, о вашем поведении.

— А что в моем поведении заставило тебя задуматься? — я повернулась к магу и изумленно застыла. Он поддразнивал меня! Он улыбался без обычного презрительного выражения! Он вел себя почти как нормальный парень!

— Почему, — растерянно спросила я, — почему вы ведете себя так?

— Во-первых, не «вы», а «ты». Во-вторых, я уже говорил тебе когда-то, что хотел бы с тобой подружиться. Разве не так себя ведут друзья?

Мне вспомнились нежные и горячие поцелуи. Кажется, это уже за рамками обычной дружбы. Хотя кто их знает, магов, может быть, у них такие поцелуи являются нормой для друзей?

— До сегодняшнего дня вы отнюдь не вели себя, как друг, Эрнесто, — упрямо сказала я.

— Разве? — удивился он. — Я дважды спасал тебе жизнь в лесу, я уговорил Энрико вылечить тебя, я спас твою мать от смерти — и это все, прошу заметить, бесплатно. Я же спас тебя от проректора, и сегодня, когда ты глупо решила покончить с жизнью! И ты это не называешь дружбой! Это я тебе еще не припомнил, как благодаря мне ты впервые в жизни принимала ванну!

— Вы заставили меня пойти на бал! — напонила я.

— Да, но только потому, что мне это было необходимо, а ты никак не могла этого понять! Я был в отчаянии, а в таком состоянии все средства хороши! Ну, Кнопка, ты можешь мне ответить, что конкретно я сделал тебе плохого?

Я задумалась. Мне совсем не нравились выводы, к которым меня подталкивал наш разговор. Получается, что Эрнесто со всех сторон хороший, сделал мне много добра, а я, неблагодарная негодяйка, считаю его гадом и устаиваю истерики!

— Вы пытались изнасиловать меня, — напонила я, собравшись с силами.

— А, — сказал Эрнесто, машинально касаясь горбинки на носу, которую он так и не выправил. — Мне об этом осталась хорошая память. Кажется, ты отомщена за ту попытку?

— Из-за вашего желания притащить меня на бал, меня выгнали с работы, — сказала я,

начиная распаляться. — И пострадала не только я. Моего отца тоже выгнали с работы! И теперь он винит во всем меня!

— Но я не знал, — почти растерянно произнес Эрнесто. — Я не знал, что все так обернется. Просто прецедентов не было.

— И сейчас, — продолжала я. — Вы ведете себя так, что меня это пугает! Вы же — маг! Вы же презираете людей!

— Презираем, — согласился маг. — Но кто тебе сказал, что я презираю тебя? Только идиоты все валят в одну кучу. Это как совсем отказываться от еды только потому, что тебя воротит от капусты. Я в последние дни узнал много нового. Мой отец был большим оригиналом, так что это у меня в крови. Так что я могу теперь оправдать себя за свое поведение. Так что я всем доволен. И тебе советую наслаждаться жизнью. Подумаешь, проблема — с работы выгнали. Найдешь новую. Тем более, по специальности. Я же видел, как ты работаешь, там, в Быстрице. Тебя в любой аптеке должны принять с распростертыми объятиями. Я вообще не понимаю, почему ты у нас полы мыла.

— Ради брата, — объяснила я. — Мне надо было отслужить три года, чтобы получить премиальные — доступ в вашу библиотеку. Мой брат ею грезил.

— Ясно, — сказал маг. — Теперь мне понятна причина твоей истерики. Если все время делать все для других, для себя остаются лишь слезы.

— Это было в первый раз! — попыталась оправдаться я.

— Я весьма польщен, что именно мне пришлось стать этому свидетелем, — сухо сказал Эрнесто. — Я этого долго не забуду, будь уверена.

— Вы могли все прекратить одной — двумя пощечинами, — возразила я.

— Ну, конечно! Мой отец — а у меня нет причин ему не доверять — говорил, что женская истерика — самое страшное, что может случиться в жизни мужчины. И что эту бурю лучше переждать.

— Наверное, он говорил это о магичках. Я же в ответ вас не могла испепелить или еще что-то сделать.

— Они тоже не могут, — махнул рукой Эрнесто. — А мой отец говорил о всех женщинах. Он был большой любитель женщин любого происхождения и способностей. Я это совсем недавно узнал, старейшина Пабло отдал мне дневник отца. Ну, я тебе скажу, он был и затейник.

— И вы решили его превзойти? — спросила я, с опаской раздумывая, не уготована ли мне роль первой игрушки в руках Эрнесто, на которой он собирается отточить свои навыки манипуляции, чтобы потом превзойти своего отца. Как там его звали? Ампаро Умный?

— Нет, — серьезно ответил Эрнесто. — Отец в конце концов плохо кончил. А я хочу пожить подольше. Мне его дневник на многое открыл глаза. Если бы Пабло знал, что там написано, он бы мне его никогда не отдал.

— Он отдал вам дневник, даже его не читая? — удивилась я.

— Конечно. Дневник был запечатан заклатьем на крови, только я его мог прочитать. Отец в завещании просил отдать мне этот дневник, когда придет время, и старейшина просто исполнил свой долг.

— Зачем вы мне все это рассказываете, Эрнесто? — тихо спросила я. Я уже устала от чужих тайн, которые сыпались на меня, словно Таракан решил вытряхнуть коробку с залежалыми секретами, и они все повалились прямиком на мою голову.

— Мы же друзья, Кнопка, разве не так? — маг приподнял мой подбородок и слегка наклонился. — Неужели в твоём сердце нет ни капельки благодарности на все, что я для тебя сделал?

Я заглянула в его серо-зеленые глаза, которые при свете алхимического фонаря казались сейчас таинственно-глубокими, и честно ответила:

— Я не знаю. Все это как то слишком неожиданно для меня, слишком много сразу всего навалилось.

— Да помиришься ты с отцом, — вздохнул маг. — Если это тебя так волнует, давай я

сделаю так, что он тебя будет на коленях просить у тебя прощение?

— Нет, зачем? — испугалась я. — Я лучше сама с этим как-нибудь разберусь. А вы правда можете сделать такое?

— Да. Ты еще не забыла — я же все-таки маг!

А вдруг он заколдовал меня? Вдруг то, что мои кости как будто вибрируют, когда я слышу его голос, что его поцелуи сводят мое тело с ума — это только результат магии? И на самом деле я ничего не испытываю к этому молодому магу, кроме обычного для людей опасения при слишком близком соприкосновении с миром магов? Я резко дернула головой.

Эрнесто тут же убрал пальцы, которыми держал мой подбородок и отвернулся.

— Ты боишься, что я применяю к тебе магию? — глухо спросил он.

— Да, — прошептала я.

— Если бы я мог! — с непонятным отчаянием сказал он. — Я пытался. Но ты слишком целеустремленная и цельная личность, чтобы тобой можно было легко управлять. А большего я не умею.

— Вы пытались заколдовать меня? — ахнула я, услышав честное подтверждение моим мыслям.

— Да! — закричал Эрнесто, поворачиваясь ко мне. Его глаза потемнели, лицо скривилось. — Но ты не поддаешься, ясно тебе? Я не знаю, результат чего это. Твоя мать тоже очень тяжело поддавалась моему воздействию. То ли я такой слабак, то ли ваш род такой, я не знаю! Но ты не находишься под воздействием магии! Ясно тебе?

— Да, — пролепетала я, не понимая причину такой бурной реакции. Он что, так расстроился из-за того, что не может на меня воздействовать?

— Я не применяю магию к тебе, — лихорадочно говорил Эрнесто. Он схватил меня за плечи и принялся трясти. — ты тоже не можешь применить магию ко мне, ты же человек! Я проверял, в тебе ни капли магической энергии! Тогда что же это, Кнопка, скажи мне, что это, а? Ведь ты такая умная, рассудительная, скажи мне, что происходит?

— Отпустите меня, — с трудом проговорила я, болтаясь в его руках, как тряпичная кукла. Как я могла ему ответить, если не понимала, что он имеет в виду?

— Отпустить? — выдохнул маг. — Нет, это ты отпусти меня! Слышишь? Отпусти!

— Я не держу вас, — я старалась говорить спокойно, но мне это плохо удавалось. Тяжело вообще быть рассудительной, когда маг, которому ты достаешь едва до груди, вцепился в тебя так, что больно даже через шубу и толстый шерстяной свитер.

— Не держишь? — он засмеялся, но его смех больше напоминал стоны. — Конечно. Я и забыл.

С этими словами он отбросил меня, так что я с головой ухнула в сугроб, в который дворники собрали весь снег с половины улицы. Когда, отплеываясь и отряхиваясь, я вышла из снеговой ямы, мага уже не было.

— Какое-то помутнение сознания, честное слово, — пробормотала я вслух, надеясь, что хоть это поможет мне разобраться в происшедшем. — Сначала у меня, потом у него. Может быть, это воздействие луны? Как-то на лекции нам рассказывали, что от фаз луны зависит самочувствие людей, у которых проблемы с сердцем или с кровяным давлением.

Мы с магом дошли почти до моего дома, и мне больше ничего не оставалось делать, как тихонько пробраться в квартиру.

В моей комнате на кровати спали в обнимку братья. Впервые за этот бесконечный день я тепло улыбнулась. Наверное, мальчишки ждали меня, чтобы подбодрить, да так и уснули.

Я осторожно, стараясь не шуметь, раздевалась, решив поспать на ковре, укрывшись шубой. После такого вечера со мной ничего не случится, я уже точно не заболею. Но осуществить задуманное не удалось — Федор открыл глаза и шепотом позвал:

— Таша, иди к нам, у нас теплее.

Бесцеремонно отодвинув посапывающего брата к стене, он подвинулся к краю, чтобы я легла между ними.

— Под утро будет холодина, — сообщил он мне. — Отец не разрешил топить, чтобы

обогреть квартиру, сказал, что будем экономить.

Я молча кивнула.

— Что происходит? — спросил Федор немного погодя, поняв, что мне не спится.

— Вам нужно уговорить родителей уехать в какое-нибудь село к родственникам, — сказала я. — И, желательно, чем дальше отсюда, тем лучше. У нас есть кое-какие сбережение, первое время продержитесь, а потом вернетесь. К тому времени все уляжется, и отец снова сможет найти себе работу.

— Ясно, — сонно пробормотал Флор. — Уговорим. Скажем, что маме нужно срочно оздоровиться, подышать свежим воздухом, попить парного молока. А что на самом деле происходит?

— Ты не спишь?

— Ты, Ташка, как престарелый жукачара топаешь. И что, вы решили вести серьезный разговор без меня? Не дождетесь. Так что происходит?

— Только это тайна.

— Никто и не сомневался, — хмыкнул Федор.

— Маги решили на равноденствие устроить Прорыв, — сказала я. — Только они не будут уничтожать чудовищ, которые ринутся в наш мир, а позволят им сожрать большую часть населения. Так маги надеются набраться больше силы.

— Я остаюсь, — в один голос сказали близнецы.

— Вы что? — возмутилась я.

— Это же интересно! — сказал Флор.

— Это же познавательно! — сказал Федор.

— Ты же остаешься, — прохныкали оба.

— У меня есть долг перед людьми, я же почти аптекарь! И я была именно тем человеком, которому не посчастливилось подслушать этот разговор между магами!

— Ну, Ташка, ты и даешь! Мы думали, ты скучная! — с восхищением протянул Флор.

— Мальчики! Я вам запрещаю! Еще мне не хватало за вас волноваться.

— Таша, никаких проблем, — серьезно сказал Федор. — Мы уже не маленькие, на нас можно положиться. Мы обезопасим родителей, и, если будет возможность, вернемся в город.

— Зачем? — простила я. — Вам что, не терпится умереть? Если так, то выберите менее болезненный и более быстрый способ. Зачем вы меня мучаете?

— Таша, во-первых, я сказал — при возможности. Во-вторых, мы можем постоять за себя куда лучше, чем ты. В-третьих, мы предупреждены, а значит, на рожон лезть не будем.

— Ребята, да вы же не знаете, что такое Прорыв! Это смертельная опасность даже при нормальном сопротивлении магов и стражей. А то, что будет происходить вскоре в нашем городе, это еще хуже.

— Мы знаем, что такое Прорыв.

— Федор, ты только читал об этом, — возразила я. — А я это помню. Ни одна книга не может передать всего хаоса и ужаса. Тем более, что опасность будет исходить не только от чудовищ, а и от людей. Вы об этом подумали?

— От людей?

— Да. Что могут сделать два подростка против матерых мародеров? А против обезумевшей толпы? А против растерявшихся стражников, которые привыкли в таких случаях полагаться на Академию, а Академия будет молчать.

— А ты, ты что сможешь сделать? — спросил Флор.

— Никакой мародер не трогает аптекаря в форме, — сказал Федор. — Ты бы знал об этом, если бы не ленился читать историю.

— Я буду в лечебнице, — сказала я. — Буду оказывать помощь раненым. На улицах будут только аптекари-мужчины, причем по несколько человек сразу. И они будут вооружены. Так что я вне опасности. Тем более, что лечебница будет охраняться стражей.

Сведения я почерпнула с правил об общеаптекарских учениях действий в случае Прорыва, но не испытывала и половины той уверенности в благополучном исходе, с какой

говорила об этом братьям. Но мне было главное сейчас защитить свою семью, чтобы не волноваться о них и всеми силами отдаться на спасение города.

Братья насуплено молчали. В конце концов Федор нехотя произнес.

— Ты права. Наверное, прорыв действительно не тот случай, когда стоит удовлетворять свое любопытство.

— Брат! — возмутился Флор.

— Успокойся, — попросила я братца. — Ты же будешь в деревне. Там шестнадцатилетний парень — это мужчина хоть куда, тем более, с вашей внешностью и обаянием. Тебе еще и уезжать не захочется.

— Да, — согласился Флор обиженно, и вдруг засиял: — Так ты думаешь, они мне дадут?

— Уверена в этом, — подтвердила я. Мне бы проблемы парней, главной трудностью которых является недостаток женского внимания!

— А ты нам дашь что-нибудь с собой? — спросил Федор. — Вдруг мы там чем-то заразимся?

— А вы думайте сначала головой, а не тем, что ниже, — посоветовала я, отчаянно зевая и понимая, что мыслями мои братья уже в деревне среди местных девушек, не избалованных вниманием «городских». — Конечно, я вам все с собой дам.

— Здорово! — обрадовался Флор. — Слышь, брат, а если...

— Давайте спать! — взмолилась я. — И избавьте меня от ваших разговорах о размерах груди и бедер! Мне этого и на анатомии хватило!

Пригревшись между двумя горячими телами братьев, я спала спокойно, не смотря на то, что в квартире было холодно. Мне снились лица — Тараса, Лео и Эрнесто. Они вертелись передо мной в причудливом калейдоскопе, а я все пыталась высмотреть между ними здание аптеки с красными стенами.

## **Затишье перед бурей, или О семье**

Подготовка к Прорыву протекала плохо. Не смотря на то, что до даты катастрофы было все меньше времени, еще ничего не было готово. Аптекари, изнеженные годами спокойного существования, противились идее общегородских учений как могли. Никому не хотелось доставать из шкафов ярко-красную, заметную форму из плотной и практичной, но жесткой и колючей материи. Аптекари жалели денег и лекарств, которые будут потрачены во время учений, ведь они будут обязаны бесплатно оказывать помощь любому обратившемуся. По идее, каждый неимущий аптекарь мог получить помощь из фонда колледжа, поэтому к ректору шел бесконечный поток посетителей. Некоторые записывали себя в неимущие по два, три, а то и по четыре раза.

Чтобы освободить себе время и сберечь нервы, принимать всех этих жалобщиков Павел посадил нас с Лео.

— Вы уже глубоко увязли в этом деле, — объяснил он. — Хотите приносить пользу — работайте.

Я покорно согласилась, тем более, что занятия и даже экзамены зимней сессии были отменены.

— Экзамены зачтутся тому, что проявит себя во время учений, — было сказано в официальном приказе по колледжу, но я понимала, что ректор имел в виду тех, кто выживет после нашествия.

Колледж усиленно готовился — ряды первокурсников стирали и сматывали бинты, которые тут же изготавливались из старых простыней. Курсы постарше готовили снадобья, порошки и настойки. Из самых крепких парней формировались команды быстрого реагирования и они отрабатывали приемы самообороны от толпы.

Никто не знал, почему ректору в голову внезапно пришла блажь провести учения, и поэтому по коридорам циркулировали самые разнообразные слухи, самой достоверной

считалась версия, что Павлу требовалось срочно потратить бюджетные деньги, иначе городское управление отказывалось финансировать колледж на следующий год. Но, так или иначе, все были довольны освобождением от длинных и нудных уроков.

А мы с Лео принимали посетителей. С ними необходимо было разговаривать вежливо, внимательно выслушивать самые нелепые жалобы и, по возможности, удовлетворять все просьбы. Нашей задачей было настроить аптекарей на максимальное сотрудничество с колледжем.

Работа была не сложной, в некоторой степени даже веселой. Например, выслушивать владельца аптеки на главной улице. Он был весьма и весьма тучным, но ради прошения о помощи упаковался в такой узкий жилет, что ему было тяжело дышать. Минут десять он перечислял нам все убытки, которые несла его аптека на протяжении многих лет, обязательно пуская слезу, вспоминая о голодных детях дома. Его младшего сына я знала — такой же толстый, как его отец, никак иначе, пухнувший от голода, он учился на выпускном курсе. В городе он был всегда окружен девицами, которые привлекались на запах денег быстрее, чем мухи на мед.

Лео выдержал ровно два дня. На третий он принес несколько запасных протезов. Они все были выполнены в одном стиле — наводящем ужас. Когтистые, черные, какие-то кривые. Сокурсник любовно протер тряпочкой каждую и хвастливо спросил:

— Ну как, нравятся?

— Кошмар, — не покривила душой я.

— Я их долго придумывал, даже пришлось кругленькую сумму за книгу про иномирских животных выложить, — с нежностью сказал Лео. — Лапы должны внушать ужас и трепет. Внушают?

Я кивнула.

— Все не мог сообразить, куда их применить. Видишь, все жегодились.

— Ты что, ими собираешься пугать посетителей? — дошло до меня. — Ректор ругаться будет.

— Я никого не собираюсь пугать, — сообщил Лео, глядя на меня слишком добрыми глазами. — А ректор нам еще и спасибо скажет.

Первый посетитель не заставил себя долго ждать. Пока уважаемый Евгений сообщал, что он никак не может выделить на учения положенного количества бинтов, Лео сосредоточенно чесал голову когтистой лапой, периодически придиричиво ее рассматривая. Каждый раз во время таких осмотров аптекарь сбивался с мысли и судорожно сглатывал. Мне приходилось вежливо напоминать ему, на чем он остановился.

— Так зачем же вы все-таки пришли? — наконец, начесавшись вдоволь, любезно спросил Лео. Он положил лапу на стол и начал полировать ее когти специальной тряпочкой.

— За бинтами, — проблеял аптекарь, который вряд ли за всю свою жизнь встречал кого-то опаснее собаки.

— А вы купите новое льняное полотно, — посоветовал Лео. — Постирайте его, а потом вот так, — он резко взмахнул лапой, так, что раздался свист рассекаемого воздуха. — И получите сразу несколько замечательных бинтов. Одолжить?

Аптекарь попытался отпрыгнуть от предложенной лапы, опрокинул стул, еле удержался на ногах и поспешно сказал:

— Нет, спасибо, я, наверное, обойдусь без этого... ммм... предмета. Я как-нибудь сам.

— Но вы обращайтесь, если что, — радушно сказал Лео.

— Конечно, конечно, — улыбаясь так, будто ему свело зубы, Евгений, пятясь, покинул кабинет.

— Ты что творишь? — возмутилась я. — А если он сейчас прямо в приемную ректора направится? Будет на нас жаловаться!

— На что жаловаться? — удивился Леопольд. — на что, что я провожу массаж кожи голосы? От этого, между прочим, лучше волосы растут. Научно доказанный факт. А мы предложили уважаемому Евгению вполне достойный выход из создавшегося положения. И

он его принял.

Не удержавшись, я пырнула, но поспешила принять строгий вид.

— Таша, — вздохнул Лео. — Неужели ты веришь в то, что во время Прорыва он кинется на помощь погибающим людям? Да он запрет аптеку и будет сидеть, дрожа, у себя в подвале. Ненавижу такую категорию трусов.

Я тоже знала таких аптекарей. С наступлением темноты они запирали свои аптеки, и к ним невозможно было достучаться за помощью, пусть это будет тяжело рожаящая женщина или уличная стычка. Презрев аптекарскую клятву, обязующую оказывать помощь всем просящим, такие «коллеги» заботились прежде всего о себе. Может быть, это и правильно. Но я к клятвам относилась серьезно, считая, что помогая человеку, ты вкладываешь в него частичку своей души. И, даже если ты умрешь, эта частичка будет жить в человеке, который будет помнить о том, как ты протянул руку помощи ему в тяжелую минуту.

Когда пришел следующий посетитель, Лео принялся чесать спину. Разговор развивался по такому же сценарию.

— А что теперь? — любопытствовала я. — Улучшаешь волосяной покров на спине?

— Мужчины с повышенным оволосением считаются более сексуальными, — покровительственно объяснил соученик.

— Это тоже научно доказанный факт?

— Нет, это поверье, но такое живучее. И ты знаешь, это так выручает! Например, знаколюсь я с девушкой, а она ну никак не хочет обращать на меня внимания. А я ей говорю что-то типа "ой, у меня такая проблема! Моя кошка так любит спать у меня на груди, наверное, это потому, что у меня волос слишком много; может быть, их сбрить?". И все, девушка твоя.

— Спасибо за совет, — я еле сдерживала смех, — но вряд ли он мне пригодится.

— Ничего, — щедро сказал Лео, — братьям расскажи.

Я засиживалась в колледже допоздна — домой возвращаться не хотелось. Там отец хранил показательное ледяное молчание, даже не оборачиваясь на мои приветствия. Братья уговорили мать, что ей, после стольких лет погружения в себя, просто необходимо увидеться с родственниками, и сейчас вся семья собиралась в долгую поездку. Меня к этому не привлекали — мама передала мне слова отца о том, что он надеется, что одиночество поможет мне принять правильное решение в жизни, и, когда они вернутся, я обрадую их назначенной датой свадьбы с Тарасом, а также кардинально пересмотрю свое поведение, которое будет соответствовать поведению приличной девушки. Я на это просто покивала, решив все проблемы отложить на время после Прорыва.

Тарас поправлялся с феноменальной скоростью, удивляя всех лекарей. Я считала, что это последствия половины магической крови, но держала свои мысли при себе. Возможно, он поправлялся так быстро только потому, что был мучим ревностью — кто-то рассказал страдальцу, что я провожу все время с привлекательным сокурсником. Тарас очень обижался, ведь, погруженная в дела, я действительно уделяла ему мало времени. Он отказался лечиться дома, и честно оплачивал койку в лечебнице, уверяя, что хочет быть ближе ко мне. Несколько раз он заводил разговор о том, что нас связывает с Лео, но я честно отвечала, что мы только сокурсники, волей ректора выполняющие совместную работу.

— Почему ты не можешь посидеть рядом со мной? — каждый раз спрашивал он. — Мне больно, я страдаю, а ты прибегаешь, съешь мне обед в судочке и убегаешь.

— Тарас, я сижу с тобой не меньше получаса! — возмутилась я однажды.

— Могла бы и больше времени уделять своему жениху, — резко ответил он. — Я ведь стремлюсь каждую минуту быть с тобой.

— Прости, но у меня действительно много дел.

— Проводить время с Леопольдом — вот твои дела?

— Извини, но ты говоришь глупости! — отрезала я. — У меня поручение ректора...

— У женщины на первом месте должна быть семья, — кипятился Тарас. — Я мечтаю создать с тобой настоящую, крепкую семью. Чтобы приходить домой, и знать, что у меня

есть крепкий тыл! Как я могу надеяться на такое, когда ты постоянно занята неизвестно чем?

— Семья у меня всегда на первом месте, — я вскочила с его койки. — Но у меня есть и другие обязательства. И, хочу тебе напомнить, ты еще не моя семья.

"И, если так будешь себя вести, то никогда ей не будешь," — хотелось сказать мне Тарасу, но я промолчала. Неизвестно, как повернутся дела после Прорыва, возможно, мне еще и придется просить Тараса, чтобы избежать гнева родителей, жениться на мне.

— Таша, — умоляюще сказал Тарас, — почему ты злишься? Я же всего-навсего хочу быть рядом с тобой. Нам нужно лучше узнать друг друга...

— Хорошо, — я постаралась справиться с собой. — Обязательно. Но только тогда, когда я немного освобожусь, хорошо?

На следующее утро мне пришлось выдержать еще одно испытание на прочность — уезжала моя семья.

— Мальчики, — прощаясь с братьями, я чувствовала, будто у меня отбирают моих детей, — пожалуйста, берегите себя! Не делайте глупостей, хорошо?

— Ташка, ну что ты! — ласково сказал Флор. — Конечно, мы будем делать все, чтобы ты не волновалась!

— Мы любим тебя, сестра! — для того, чтобы обнять меня, Федору пришлось слегка наклониться. — И ты береги себя, хорошо?

— Держи, — Флор незаметно сунул мне в карман узелок. — Там деньги. Немного, но это вся наша общая копилка. Ведь родители тебе почти совсем не оставили средств, думают, ты так быстрее согласишься с их требованиями. Ташка, может, тебе продукты из деревни передавать? Или ты сможешь себе работу найти?

— Ребята, не беспокойтесь обо мне, у меня все будет хорошо, — я с трудом сдерживала слезы.

— Конечно, — легко согласился брат, — ты сильная. Ты все сможешь. Таша, но о ком нам еще беспокоиться? Родители есть друг у друга, а ты есть у нас.

— Вы выросли, — я попыталась улыбнуться, но губы дрожали.

— Федор, она только заметила! — завопил Флор, разрушая грусть минуты расставания. — Эта, с позволения сказать, умная старшая сестра, только-только заметила, что она нам в пупки дышит!

— Вовсе не в пупки! — обиделась я. — Я выше! Я достаю вам до ключиц!

— Мы привезем тебе из деревни самодельную табуреточку, чтобы ты могла быть выше нас, — пообещал Федор, залезая на жукачуру. — Давно пора было это сделать.

Отец на прощание мне только кивнул, а вот мама обняла, и прошептала в ухо:

— Не расстраивай отца, деточка! Он же так волнуется за тебя, так хочет, чтобы у тебя жизнь хорошо сложилась, семья была. Мы же тебе только добра желаем, а ты... так нехорошо с увольнением получилось, а ведь отец надеялся, что, наконец-то, станет начальником! Передавай Тарасу привет, он хороший мальчик.

Я кивнула. Тарас действительно был хорошим мальчиком, тут возразить было нечего. Только вот у меня почему-то душа не лежала к этому хорошему мальчику.

Идя к колледжу, я раздумывала о том, как бы половчее перетянуть кровать на кухню — там было теплее всего, а дров у меня было слишком мало, чтобы отапливать всю квартиру. Лео появился из-за угла, жизнерадостно стуча когтистым протезом по льду.

— О, — обрадовался он, — Таша! Ты-то мне и нужна.

— Зачем? — поинтересовалась я. После отъезда семьи, я, как ни странно, чувствовала пустоту. Наверное, просто я так привыкла к тому, что мне нужно спешить домой, заботиться о братьях, что даже не могла представить, как это — возвращаться в абсолютно пустую квартиру.

— Ты когда-нибудь думала о семейном предприятии?

— Это как?

— Когда оба супруга — аптекари, у них совместное дело, направленное на семейное процветание, — объяснил Лео.



Я пожала плечами. На самом деле, я никогда об этом не думала, всю жизнь мечтая о СВОЕЙ аптеке. Мне и в мысли не могло прийти, что рядом со мной будет мужчина, который будет понимать и разделять потребности и успехи моего дела.

— Это ты зря, — как-то отстраненно проговорил Лео. — У меня мало опыта в семейной жизни, но опыт моих родителей показывает, что понимающий супруг — это залог счастья. Вот моя мама никогда не понимала отца, когда он ночами отправлялся за какими-то редкими травами. Подозревала его в изменах — это папу-то! Да он если и изменял когда-то, то только чаю с малиной, заменяя его липовым.

— Зачем ты мне это все рассказываешь? — озадаченно спросила я. Только семейных тайн моего сокурсника мне не хватает!

— Ты что не поняла? Я тебе так предложение делаю, — сказал Лео.

У меня в голове словно что-то тихонько взорвалось. Я остановилась, повернулась к Лео, который внимательно изучал вывеску на кондитерском магазине, и тупо спросила:

— Какое предложение?

— Типа руки и сердца, — выдавил Лео, все так же избегая моего взгляда. — Ладно, оставим эту тему. Ты знаешь, я вот подумал, а что если мы просителей...

— Подожди, подожди. Ты что же, хочешь на мне жениться? — вот так сюрприз! Это может решить все мои проблемы! Конечно, я не испытываю к Лео ничего, кроме дружеских чувств, но муж-аптекарь куда лучше мужа-кузнеца.

— Что-то типа того, — согласился Лео.

Мне стоило принять предложение сокурсника сразу, не раздумывая, но я все же решила уточнить:

— Ты любишь меня?

— Нет! — воскликнул Лео таким голосом, будто я его уличила в противоестественной связи с козой или кошкой. — Просто родители настаивают, говорят — возраст уже. Обещают дать денег на новую аптеку, мою собственную. Нет, ты не думай, что я к тебе совсем уж равнодушен, ты мне очень нравишься. Ты умная, серьезная, ответственная и заботливая. У нас с тобой получится прекрасный, ровный брак.

— Понятно, — мертвым чужим голосом сказала я.

— Таша! Таша! Постой! Ты что, обиделась что ли? Я всегда считал тебя разумной девушкой... Таша!

— Оставь меня, Лео. Мне нужно подумать над твоим предложением, — я торопливо шла по улице, бессильно сжимая кулаки.

Неужели я настолько непривлекательна, что даже Лео, известный дамский угодник, не нашел ничего, что во мне можно похвалить? Серьезная, ответственная — вот что он во мне видит. И все. Тарас хотя бы любит меня! Пусть своеобразно, пусть ревнует, но любит!

Но, с другой стороны, разве я не наблюдала, как общее занятие спланирует людей лучше всякой любви? Любовь проходит, а вот общие интересы только развиваются. Что мне до того, что я никогда не услышу вслед восхищенного свиста, как Нана, и моим волосам или глазам никогда не посвятят стихов? Зато я проживу — как там Лео сказал — ровную и прекрасную жизнь без лишних страстей и потрясений.

Но смогу ли я прожить такую жизнь с Лео? Ему всегда нужна будет та, которая смотрит на него восхищенными глазами, и всегда будет нужна та, ради которой он будет совершать поступки, да хотя бы вырезать новые протезы, чтобы ходить на свидания. Слишком хорошо я изучила за эти годы моего соученика. Его не устроит ровная жизнь, ему просто необходимы страсти. А я? Буду ли я спокойно воспринимать то, что по ночам мой муж ходит отнюдь не собирать редкую травку для снадобий? Не знаю. Надо подумать, но в голове столько мыслей, что сосредоточиться на одной просто не получается.

Я решила вести себя с Лео как ни в чем не бывало. Он появился в кабинете, где мы принимали просителей, улыбнулся мне и протопал к своему месту, ни словом не обмолвившись об утреннем разговоре.

— До прорыва осталось всего два дня, — сказал он, — поэтому я собрал список всего,

что есть в подвалах колледжа. Нужно четко просчитать, сколько реально все мы можем потратить и излишки отдать тем аптекарям, которые примут активное участие в спасении людей.

— Здорово ты это придумал, — искренне сказала я.

Леопольд со значением постучал себя по лбу.

— У меня там живут умные мысли! Я уже был у ректора. Он одобрил мою инициативу. И исполнение возложил на нас.

— Понятно дело.

— Зато мы можем взять сколько угодно первогодок для носильных работ. Гей-го, всегда мечтал иметь собственных рабов, хоть ненадолго.

— Лео, — спросила я через какое-то время, после того, как мы исписали расчетами несколько листов бумаги, — а что ты сделаешь, если я тебе откажу? Пойдешь предлагать руку и аптеку другой девушке?

Взгляд соученика сделался напряженным.

— Но ты же еще не отказала, — осторожно сказал он. — Честно говоря, я еще не думал об этом. Но мне бы очень хотелось, чтобы ты ответила согласием. Это сразу решит столько проблем. Таракан! Таша, мне уютно с тобой рядом, почему я должен искать себе еще кого-то?

— Спасибо на добром слове, — пробормотала я.

— Таша, чего ты хочешь? Хочешь, чтобы я упал перед тобой на колени и возопил о любви дурным голосом?

— Почему же дурным? Можно и нормальным.

— Ладно, — вздохнул Лео, — если ты без этого не можешь обойтись. Только поможешь мне потом подняться, а то проклятая нога, точнее, ее отсутствие...

— Нет, стой, не надо. Давай договоримся — падать передо мной на колени ты будешь только в том случае, когда ты на самом деле этого захочешь. И если твои чувства будут подходящими для этого случая, хорошо?

— Ты хорошая девушка, Таша, — серьезно сказал Лео. — Спасибо тебе.

— И тебе спасибо. Твое предложение мне очень польстило.

— Врешь, — проницательно сказал соученик. — но все равно приятно звучит. Ладно, давай работать. От нас люди зависят.

Вечером я сидела перед разожженным очагом, грея руки об чашку с горячим чаем. Я довольно долго двигала мебель, и от усталости у меня ломило все тело. К тому же мы сегодня обошли полгорода, разнося лекарства и перевязочные материалы. Многие аптекари оказались довольно проницательными и спрашивали: "Что-то серьезное готовится?". Стараясь не разглашать тайну готовящегося Прорыва, я только молча кивала, предлагая им самим догадываться, насколько это на самом деле серьезно.

Внезапно в двери постучали. Если бы в квартире не царила такая тишина, я бы не услышала — таким тихим был стук. Сердце сразу екнуло — что-то случилось? Кутаясь в большой для меня, но очень теплый халат одного из братьев, я подошла к двери и осторожно ее приоткрыла. С той стороны дверь сильно толкнули, я отлетела к стене, но не успела упасть — сильная рука Эрнесто меня удержала.

— Тшш, Кнопка, — сказал он, захлопывая за собой двери. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что я здесь.

— Госп... Эрнесто? Что вы делаете здесь в таком виде? — от удивления я позабыла все правила приличия и даже не предложила гостю пройти дальше в квартиру.

На маге была надета вполне человеческая меховая дубленка и штаны. Правда, сапоги были слишком изящными и хорошо скроенными для кого-то, кто мог оказаться в нашем квартале, но кто в темноте обращает внимание на сапоги? Разве что грабители. На голову Эрнесто натянул шапку с «ушами», которая полностью скрывала его волнистые волосы.

— Маскируюсь, — сообщил маг, снимая шапку. — Удачно? Можно пройти?

— Да, конечно, — спохватилась я. — Проходите на кухню.

— Ух ты, — сказал Эрнесто. — Тебя выселили жить на кухню? Это же твоя кровать? А почему у вас так холодно?

— Дров мало, — объяснила я. — Сделать вам чаю?

— Дрова это не проблема, — он взмахнул рукой, скороговоркой что-то произнес, и в печи вспыхнуло пламя. Сразу стало теплее. — Давай сюда чай. Наверное, отвратительное пойло?

— Нет, — коротко сказала я. — Это на травах. Я сама собирала. Повышает сопротивляемость организма к простудам.

— Кнопка, — сказал Эрнесто. Он отпил чая, но кажется, совсем не почувствовал вкуса, — уезжай отсюда.

— Зачем? — спросила я, усевшись на кровати. Маг сел рядом, невидяще уставившись в огонь.

— Что-то нехорошее надвигается, — сказал он. — Я не знаю, что. Но старейшины подозрительно себя ведут, и я чувствую что-то такое... Не знаю, как тебе это объяснить.

— Я понимаю. Это как метеозависимые люди всегда ощущают изменение погоды.

— Да, наверное. Уезжай отсюда.

— Зачем? — повторила я свой вопрос.

Эрнесто очень долго не отвечал. Тихо гудело в печи магическое пламя.

— Я не хочу, чтобы ты пострадала, — сказал маг.

— Что? — переспросила я ошеломленно.

— Я. Не. Хочу. Чтобы. Ты. Пострадала, — по слогам произнес молодой маг. — Я не для этого тебя спасал все время, чтобы с тобой что-то случилось.

— А для чего? — тихо спросила я, стараясь не шевелиться.

На этот вопрос Эрнесто не отвечал еще дольше. Он просто сидел на стареньком, выцветшем от многочисленных стирок, покрывале, на моей простой деревянной кровати и смотрел на огонь.

— Ты похожа на воробушка, — я уже и не надеялась, что он когда-нибудь заговорит. — На курносого воробушка, которые зимой сидят, нахохлившись, под крышами.

— Я не думала, что вы наблюдаете за воробьями.

— Понимание процессов живой природы неотъемлемо для тех, кто учится управлять магической энергией, — говорить о том, что ему было понятно, Эрнесто явно было проще, чем отвечать на сложные вопросы. — Я за многим наблюдаю. В том числе и... и за тобой.

Я прижала колени к груди, молча ожидая, когда маг объяснит, что же он имел в виду.

— А где твоя семья? — спросил он.

— Уехали, маму повезли родственников навестить.

— А ты уедешь? — он впервые пристально посмотрел на меня. Отблески пламени высветили его лицо, на котором застыла тревога.

— Нет, — сказала я, решив платить честностью на честность. — Ваши старейшины решили устроить Прорыв, уничтожить город, чтобы на смертях простых жителей набраться энергии и стать могущественными.

Эрнесто удивился настолько искренне, что я поняла, что он ничего не знал.

— Откуда ты знаешь? — сначала не поверил он.

— На балу, в той комнате отдыха, в которой вы меня нашли, там было собрание старейшин. Они решали детали предстоящей операции. А я случайно подслушала.

Маг посмотрел мне в глаза и поверил тому, что я рассказала.

— Но... это же невозможно! — он запустил пятерню в волосы. — мы же должны защищать вас от чудовищ из другого мира! Как можно их сознательно допустить сюда?

— Вы у меня спрашиваете?

— А мы? Почему они ничего не сказали нам? — маг качал головой, что-то бормотал под нос, но потом вернулся в вопросу, который, видимо, волновал его больше других:

— Почему ты, зная это, не уехала отсюда?

— Я — аптекарь, — сказала я просто. — Мой долг — оказывать помощь жителям

города. Я не могу уехать.

— Даже зная, что ты можешь погибнуть? Разве тебе не страшно?

— Страшно, — я не стала отрицать очевидного. — Но это — мой долг. Я сама, сознательно, выбрала себе такую жизнь. Никто из тех, кому известно о Прорыве, не уехал. Все остались спасать людей.

— Ого, так об этом известно людям? Почему же маги ничего не знают?

Я пожала плечами. Что я могла на это ответить? Что люди по своей природе более подвижны и проницательны? Что мне повезло оказаться там, где меня не должно было быть? Или что большинство молодежи магов игнорируют тревожные признаки, предаваясь сейчас гулянкам в комнатах отдыха?

— Какая глупость, — пробормотал Эрнесто. — Из-за глупых старикашек мы все можем погибнуть. Ты ляжешь со мной в постель?

— Что? — удивилась я.

— Я не знаю, как это принято у людей, кроме как в борделе, — признался Эрнесто. — Ты займешься со мной сексом сейчас?

— Нет, — сказала я твердо.

— Ты уверена? Я просто подумал, раз тебе грозит скорая смерть, может быть ты будешь более сговорчивой...

— Может быть, вас проводить до ближайшего борделя? — спросила я ледяным тоном.

— Не надо, я знаю, где он. Твои братья показали. Но мне не шлюхи нужны, а...

— А? — подсказала я, когда он замолчал, не договорив.

— Ничего, — сказал Эрнесто. — Будь осторожна. Не надо меня провожать, я сам найду выход.

Магическое пламя горело всю ночь, щедро согревая меня своим теплом.

## Как руководить, или О разборках

В ночь перед Прорывом погода резко поменялась. Когда я проснулась, то сразу слышала, как стучат по стеклу капли от таявших сосулек.

Зимняя оттепель — это страшно. Выщербленный лед, покрывающий дорожки, стал ровным, как стекло, ходить было очень опасно. На этот случай у братьев где-то были специальные заостренные палки, но, как я не искала, их так и не удалось найти. Уныло предвкушая свой долгий, очень долгий путь в колледж, я вышла из подъезда. На лавочке во дворе сидел Лео, запрокинув лицо яркому, совсем не зимнему солнцу. Эта картинная была настолько удивительной, что я застыла у двери.

— А, здоров, — сказал Лео. — Гляди, что я для тебя припас!

Он ловко поднялся и довольно быстро подошел. Когти протеза скрежетали по льду.

— Держи, о свет моих очей, или что там положено говорить девице, которая думает о том, стоит ли выходить за меня замуж, — соученик протянул мне удобную трость, которая заканчивалась одним из его когтистых протезов. — Встал тут утром и подумал: вот будешь ты идти в колледж, поскользнешься, упадешь и пролочишь череп. Так я никогда и не узнаю, собиралась ты за меня замуж ли нет.

— А какая разница, если я умру? — я с благодарностью приняла трость.

— Э, нет, не скажи. Разница большая. Ведь если бы ты хотела выйти за меня замуж и вдруг умерла, то можно было бы долго разыгрывать из себя безутешного влюбленного. Ты хоть знаешь, как девушкам нравятся страдальцы с раной в груди?

— Я так и не поняла, какая разница, умру я твоей невестой или нет?

— Главное — это честность, — наставительно произнес Лео. — Вы, женщины, ложь чуете, как собаки мясо.

— Спасибо на добром слове, — меня повеселило сравнение. — Ты так шутишь, будто бы сегодня — обычный день.

Леопольд пожал плечами.

— А что остается делать? Сегодня мы можем все умереть. А можем и не умереть. С родителями я уже попрощался.

— Они не уехали?

— Отец же аптекарь. Он поверил в то, что маги собираются с нами учинить, но слишком серьезно относится к своим обязанностям. А мама его не бросит. Сидит сейчас в аптеке, зудит на него, что, если бы она вышла замуж за соседского пекаря, то как бы ей было хорошо сейчас жить. Ну, впрочем, это ее обычная тема, отец говорит, что его это жужжание успокаивает. Хорошо им вдвоем...

— Не грусти, — я прикоснулась к его руке.

Он сжал мою ладонь, и так, держась за руки, мы дошли до колледжа, где у самых ворот столкнулись с Дмитрием.

— Таша, — взволнованно сказал он, даже не поздоровавшись, — а вдруг ты ошиблась? Вдруг сегодня ничего не будет? Ведь может же быть такое? А?

— Конечно, может, — сказала я честно. Я и сама часто об этом думала. Вдруг я неправильно поняла дату? Или место? Или сами планы магов? Но, с другой стороны, даже Эрнесто признал, что у них в Академии что-то происходит.

— Я так на это надеюсь, — вздохнул Дмитрий. — Я не могу жить с мыслью, что мы знали о том, что готовится уничтожение города, и никому не сказали. И из-за нас погибнут люди.

— Ты же аптекарь, Дмитрий, — сказал за нашими спинами ректор. Мы обернулись. Уважаемый Павел уже был облачен в официальную форму аптекарей, глаза глядели строго. — Мы всегда должны взвешивать вред и пользу. Если бы мы начали бегать по улицам, крича о том, что скоро будет Прорыв, то большинство населения бы просто не поверило. Да, часть бы поверила и уехала, а маги заинтересовались бы происходящим. И перенесли бы осуществление своего плана на другое время. Или в другое место. И людей бы погибло намного больше, а так, у нас хотя бы аптекарская служба полностью готова. Да и среди стражи я шепнул кому нужно несколько словечек. А что касается того, что сегодня ничего не будет, то ты не наблюдателен, Дмитрий. Погода слишком резко поменялась, это результат концентрирования большого количества магической энергии.

— Откуда вы знаете? — с любопытством спросил Лео.

— Я учился всю жизнь, — немного пафосно сказал ректор.

— А, понятно, значит я тоже когда-нибудь стану ректором! — обрадовался Лео. — Я ведь тоже учусь все время!

— Может быть, станете, — с лица Павла на миг исчезло сосредоточенное выражение, — если когда-нибудь закончите колледж.

Лео скривился.

— Надевайте форму, — сказал ректор.

Первое время ничего не происходило, даже пациентов в лечебнице было намного меньше, чем обычно. Скорее всего, люди просто не решались лишний раз выходить на улицу.

Младшекурсников не было видно, а парни со старших курсов таскали по этажам туда-сюда мебель, пыхтя и ругаясь. Время близилось к обеду.

Я сидела рядом с Тарасом, делая массаж его заживающей руке. Кузнец был сегодня непривычно молчалив, только иногда страдальчески морщил лоб.

— Голова болит, — наконец, не выдержал он. — Таша, дай какой-нибудь порошок выпить. Нет сил терпеть. Виски давит.

— Погода поменялась, — сказала я. — Не волнуйся, сейчас я тебе заварю горячего чая, дам обезболивающей настойки.

Тарас только зажмурился.

Я ушла в подсобное помещение, где в маленьком котелке, подвешенном над очагом, всегда была кипящая вода, взяла в руки кружку и...

Мгновенно все изменилось. Как будто в жаркий полдень внезапно налетели тучи,

которые закрыли солнце, или как будто меня ударили в солнечное сплетение. В обычно шумной лечебнице воцарилась тишина.

Я все еще следила глазами за выпавшей из моих рук кружкой, которая катилась по полу, как снова зашумело в коридорах и комнатах.

— Что это было? — спрашивали люди друг у друга. — Что случилось?

— Таша! — в дверь ворвался хромающий Тарас. Глаза у него были безумные.

— Зачем ты встал с кровати? — машинально спросила я.

Он быстро подхромал ко мне, обнял своими сильными ручищами, крепко прижал к себе.

— Таша, как ты? Все в порядке? Таша, что-то случилось, я знаю, что-то опасное, Таша, я боюсь за тебя...

— Прорыв, — прошептала я. — Начался Прорыв.

Тарас шумно задышал, еще крепче прижимая меня к себе.

— Прорыв, люди, это Прорыв, — закричал кто-то в коридоре. — Я знаю, у нас в деревне такое же было, люди, спасайтесь! Смерть всем!

Я начала вырываться из объятий кузнеца.

— Пусти, ну, надо успокоить этого крикуна, пока все не запаниковали...

— Без тебя справятся, — сказал Тарас, и был прав — в коридоре раздавались резкие, отрывистые команды врачей. Хладнокровные коллеги быстро взяли ситуацию под свой контроль, не давая панике разгореться.

— Я защищу тебя, — сказал Тарас, отстраняя меня от себя, и глядя мне в глаза. — Таша, с тобой ничего не случится, пока я рядом, поняла?

— Со мной и так ничего не случится, — возразила я. — Я буду здесь, в лечебнице, помогать людям. Здесь хорошая охрана, мы готовились...

— Ты знала?

Я кивнула.

— Почему не сказала мне?

— Ректор приказал никому не говорить, чтобы не было паники.

— И это после того... ладно, сейчас не время выяснять отношения. Дай мне чего-нибудь, чтобы я продержался на ногах все это время.

— Погоди-ка. Что ты собираешься делать? Ты болен?

— И что? — горько усмехнулся Тарас. — Таша, ты разве не понимаешь? Ах, да, ведь ты же не любишь меня. А я вот тебя люблю. И я знаю тебя. Ты обязательно ринешься в самое опасное место, исполнять свой так называемый долг. Я должен защитить тебя, если не от того, что сейчас проникло в наш мир, то хотя бы от тебя. Таша, я люблю тебя. Я должен тебя беречь так же, как ты должна помогать всем страдающим людям. Это сильнее меня.

Я глядела в его темные глаза, осознавая, что я до сих пор не понимала и не задумывалась о чувствах стоящего передо мной человека. Наши глаза были на одном уровне, и то, как он на меня смотрел, сказало мне, что, в сущности, у меня не было выбора. Страдающий от боли или хорошо себя чувствующий, Тарас не отступится. Он будет рядом, чтобы защитить меня. Даже не смотря на то, что я его не люблю, и он об этом знает.

— Да, Тарас, — сказала я. — Ты получишь стимулирующие и болеутоляющие вещества.

— Спасибо, — он прижался своими губами к моим, и на этот раз его поцелуй уже не вызвал у меня такого отторжения, как это было ранее.

— Таша! — Дмитрий распахнул дверь. — О, Таракан на твою голову, нашла время целоваться! Ректор тебя требует срочно к себе.

— Зачем? — хмуро спросил Тарас.

— Ему нужны люди, способные сохранять спокойствие, — объяснил Дмитрий.

— Сейчас буду, — я полезла в шкаф, где хранились порошки, бросая в сумку все, что может понадобиться, чтобы поддержать Тараса.

Мы вместе зашли в кабинет ректора, где уже собрался военный совет —

преподаватели, студенты старших курсов и даже несколько человек в форме стражи. Павел мельком глянул на Тараса, кивнул мне и повернулся большой карте города, которую крепили к стене двое учащихся.

— Большая часть студентов первого-четвертого курса сегодня утром были откомандированы мной во все аптеки города, — сказал ректор. — Они будут выполнять основную работу по первой помощи людям.

Вот как! А я-то думала, что младшекурсники сплетничают по кабинетам. Теперь понятно, почему их не было видно!

— Мы еще не знаем, в каком месте и как далеко от города произошел Прорыв, — сказал усатый стражник, — но я жду донесения. Уже отдан приказ, стражники объявляют на улицах о Прорыве и о том, чтобы люди укрывались в подвалах и не выходили на улицу.

— Все равно большинство попретса, — с досадой сказал еще один стражник, седой-седой, — "Ах, как там моя собачка, которая гуляла на улице?", "Ах, как там моя бабушка?". Тьху!

— Моя группа уже закончила переоборудовать классы под операционные и палаты, — доложил Антиох.

— Пятый — шестой курс, будете принимать пострадавших. Самых серьезных — в лечебницу, преподавателям и лекарям, легких — берете на себя. Антиох, Таисия, Дмитрий, Леопольд, берете на себя руководство этажами.

— Я? — растерянно переспросила я. — Но я никогда...

— Значит, сегодня начнешь, — резко оборвал ректор. — Петр, ты со своими работаешь во дворе.

Староста выпускного класса кивнул.

— Основная часть пострадавших будет направляться к нам, — продолжал ректор. — но, если чудовищ будет слишком много и на местах не будут справляться, вам всем придется разойтись по городу. Наша задача — спасти как можно больше жизней.

— А маги? — спросил кто-то из преподавателей. — Уважаемый Павел, вы не сказали, что мы будем делать, если маги, как обычно затребуют из колледжа в Академию подкрепление.

Ректор потер виски и сжал губы.

— Когда затребуют, тогда и будем решать, — сказал он. — Сейчас главное — быть готовыми ко всему.

Я поднялась на второй этаж, где учебные классы были уже переоборудованы под пункты оказания первой помощи. На скамейках вдоль кабинетов сидели мои сокурсники и выпускники. Они оживленно делились историями о Прорывах, одна другой страшнее. Как сказать им, что я поставлена здесь старшей? Как они воспримут эту новость? Будут ли они подчиняться мне? Я нерешительно мялась возле лестницы, сжимая ладони.

— Хочешь, я им скажу? — тихо спросил у меня за спиной Тарас.

— Нет, я должна это сделать сама, — сказала я, прокашлялась и, стараясь, чтобы голос не дрожал, объявила: — Здравствуйте все. Меня ректор назначил старшей по этажу.

Несколько выпускников, которых я не один раз встречала в лечебнице, переглянулись и пожали плечами. Кажется, им было все равно.

Однако мои соученики восприняли эту новость бурно.

— А почему — тебя? — завопил Василий. — Я тут с утра, между прочим, мебель таскаю. А ты где была? А где Антиох? Все-таки он староста.

— Антиох занят на другом этаже, — ответила я.

— Ты переспала с ректором? — с любопытством спросила Нана.

— Я? — мне даже в голову не могло прийти, что именно так воспримут мое назначение. — Зачем?

— Чтобы быть главной, зачем же еще? — пожала плечами Нана. — А потом тебе все экзамены автоматом засчитают.

— Нет, — я совершенно потерялась под любопытными взглядами окружающих, — я не

спала с ректором. И экзамены я готова сдавать хоть сейчас.

— Так почему же ты? Ты ведь ничем не примечательна! — обиделась сокурсница. — Я еще понимаю, что Антиох где-то там чем-то руководит, но ты...

Большинство студентов согласно кивнули головами.

— Как ты можешь руководить, если ты этого никогда не делала? — спросил один из моих одноклассников.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Я пыталась отказаться, но ректор...

— Вот не надо сюда ректора приплетать! — заявил Василий. — Мы все видели, как вы с Лео подлизывались к нему. Что? Нет? А то не вы неделю сидели возле его приемной? Решила на этом выехать? Многие из нас — из потомственных аптекарей, мы знаем, как вести себя во время прорыва, как руководить. А ты ничего не знаешь.

— Вот именно, — поддакнул кто-то.

Я испуганно отступила, наткнувшись спиной на Тараса. Он обнял меня за плечи и эта молчаливая поддержка придала мне сил.

— Уважаемый Павел назначил меня старшей по этажу потому, что считает, что я не растеряюсь во время критической ситуации. И потому что мне, и Лео точно известны запасы лекарств и перевязочных материалов не только в колледже, но и во всех аптеках города. Да, может быть, я и сидела у него под кабинетом, но где были вы, когда мы часами лазили по подвалам, пересчитывая тюки с бинтами или взвешивая порошки? Да, я согласна, что многие из вас — из семей аптекарей, и вам больше моего известно, как руководить аптекой. Но разве кто-нибудь из вас хоть когда-нибудь переживал Прорыв? Видел толпы обезумевших людей? Нет? А я это все пережила. Руководите своими аптеками в свое удовольствие, но сейчас за этот этаж и за оказание здесь помощи людям ответственна я. А если кто не согласен — можете смело отправляться со своими претензиями к ректору.

Под конец мой голос сорвался, и я, скрестив руки на груди, ждала реакции.

— Что вы возмущаетесь? — миролюбиво сказала толстушка Наталья из выпускников. Мы с ней часто работали вместе в лечебнице. Не смотря на свой возраст, она к каждому из пациентов относилась, как к своему ребенку, и сейчас, видимо, решила взять и меня под свое крыло. — Помнится мне, что Таша была одной из трех лучших аптекарей в нашем колледже и ее даже собирались отправить в столицу.

— Это все потому, что народу на тот экзамен пришло мало, — вякнул Василий.

— А что тебе мешало на него прийти? — возразила я, уже полностью справившись со своим смущением — на него просто не было времени. Сейчас от моей собранности зависели жизни других людей. А свое возмущение сокурсники могли высказать и потом.

— Я ходил на чудовище смотреть, — гордо ответил Василий.

— Поэтому Ташу и назначили быть старшей по этажу, — заметил длинный, как жердь и такой же худой, выпускник Николай. Он уже был одним из лучших хирургов города, его длинные тонкие пальцы творили чудеса со скальпелем и иглой. — На такую должность претендует только тот, кто может забыть о собственном интересе ради профессии.

Против Николая никто возразить не смел, поэтому будущие коллеги благоразумно разошлись по своим местам.

— Хотя я и считаю, что женщина должна быть прежде всего денной и матерью, — сказал сзади Тарас, до сих пор обнимавший меня за плечи, — но сейчас я горжусь тобой.

— Спасибо, — прошептала я, осознавая, как важно в такой момент мне это слышать.

Я прошла с инспекцией по классам — подсчитала хранящиеся там бинты, обезболивающие микстуры, обеззараживающие порошки. Часть учебных столов была сдвинута, накрыта простынями, возле каждого стояла лампа на высокой ножке, горевшая ярким алхимическим огнем. Это были импровизированные операционные и перевязочные столы. На части парт лежали старые матрацы, от них сильно пахло сыростью.

— Надеюсь, на этих лежанках наши пациенты не подхватят себе каких-нибудь болячек, — пробормотала я.

— Какие были в подвале, такие и достали, — мрачно ответил Василий.



Делать было нечего. К крыльцу то и дело подбегали стражники — вестовые, но новости до нас не доходили. Тарас лежал на столе, разминая ногу, Нана громогласно рассказывала всем желающим о своей новой любовной победе. Живописав все достоинства своего любовника, она сказала:

— А вы знаете, кто это был?

Народ отозвался невнятным ропотом — все так надоели ее метания между мужчинами в поисках ТОГО САМОГО, что было уже просто не интересно.

— Это был маг, — заявила моя сокурсница.

Мгновенно в коридоре наступила тишина. Нана гордо оглядывалась, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Ты спуталась с магом? — ужаснулась Наталья.

— Врешь, — сказал Василий.

— Не вру! — оскорбилась Нана. — Мой новый любовник — действительно маг. Стала бы я о таком врать! Ха! Да вы хоть представляете, какие мужчины, эти маги! Нашим до них ох как далеко. Только от одного его голоса у меня прям все поджилки трясутся.

— А как его зовут? — вкисливо поинтересовался Василий.

— Эрнесто, — это имя громким эхом отозвалось у меня в груди. Забыв о том, как дышать, я слушала Нану, которая рассказывала о его чудесных светло-зеленых глазах, об волнистых каштановых волосах, о том, как портит его нос небольшая горбинка.

— Представляете, сломал себе нос и даже не смог исправить. Я у него спросила, а он ответил — на память, — разливалась ручьем сокурсница.

— Да врешь ты все! Маги знаешь, что сделать могут? Вон, Таше руку залечили почти мгновенно, а ведь были множественные переломы! А то нос какой-то. Может, он парик одел, твой новый возлюбленный, а?

— А давайте у Таши спросим, она ведь у магов работала. Может быть, она его знает? — не сдавалась Нана.

— Знаю, — сказала я сухими непослушными губами. — Есть такой Эрнесто с переломанным носом, — о, я даже могла бы рассказать, при каких обстоятельствах был сломан этот нос. — И светло-зелеными глазами. Не обманывает вас Нана.

— Вот! — возликовала одноклассница. — Понятно? Видите, какая мне удача привалила. Ну, кто еще может похвастаться тем, что целовалась с магом?

Я могла бы. Но не хотелось. Если Эрнесто действительно был любовником Наны, то как расценивать его поведение по отношению ко мне? Как расценивать те признания, которые вырывались у него в тот вечер, когда он спас меня от замерзания в парке? Его желание переспать со мной? Или ему мало одной любовницы-женщины? Он хочет сравнить? Или устроить оргию?

— Это не удача, — Тарас произнес это тихо, однако все головы повернулись в его сторону. — Любовник — маг — это не удача. Это проклятие. Ты хоть знаешь, глупая девушка, чем тебе грозит его внимание?

— Можно подумать, ты знаешь, — фыркнула Нана. — Или к тебе тоже приставал мг?

— Нет, — кузнец показал головой. — Но одна очень близкая мне женщина очень пострадала от внимания магов. Я никому не желаю такой судьбы.

Взгляды будущих коллег переметнулись ко мне.

— О, нет, не Таша, — сказал Тарас. — Слава Подкове и Таракану, у моей невесты хватило ума близко не связываться с магами. Она очень мудрая женщина.

Мне даже было страшно подумать, что сказал бы кузнец, узнай, как близко я связалась с магами. А точнее — с одним из них, чьим умением в постели сейчас хвасталась моя сокурсница.

— Нет, я говорю о другой женщине, — продолжал Тарас. Он говорил это таким тоном, что не поверить ему было невозможно. — И я очень сочувствую тебе, девочка. Очень. Тебе невероятно повезет, если этот маг не сломает тебе жизнь, как сломал моей... моей родственнице.

Нана растерялась и побледнела.

— Может быть, все еще не так плохо, — пролепетала она. — Мы виделись всего пару раз... неделю назад... я... я родителям не сказала, только вам... Он сам подошел, говорит: ты аптекарша? Всегда хотел узнать, как они в постели. Мне так приятно было... ведь еще никогда... — ее голос затих, девушка всхлипнула.

— Да-а-а, — нарушил всеобщее молчание Василий. — Только у тебя, Нана, хватило ума мало того, что связаться с магом, так еще и растрезвонить об этом. Глупа, как курица.

Остальные согласно покивали. Для них всех связь с магом была чем-то из разряда сказок, которые интересно послушать, но совсем не интересно в них участвовать.

Только никто не знал, что сейчас в этом коридоре находились две глупые курицы.

Наталья под села к Нане, обняла за плечи и принялась нашептывать что-то утешительное. Мне тоже хотелось кинуться в чьи-то объятия, чтобы меня гладили по голове и убеждали в том, что ничего страшного в моей жизни больше не произойдет. И что Эрнесто скоро забудет обо мне и больше никогда не встанет у меня на пути, даже для того, чтобы вновь спасти мою жизнь. Разберусь как-нибудь без него.

Но все же, все же, — нашептывал мне в голову червячок сомнения, — почему он пришел к тебе несколько дней назад, когда у него уже была связь с Наной? Почему? Неужели только для сравнения, или им двигало что-то другое?

Я хотела узнать ответ на этот вопрос, и одновременно боялась этого.

— Пойдем, — позвал меня Тарас, затягивая в класс и прикрывая двери. — Что с тобой? Ты так побледнела, когда узнала, что твоя сокурсница встречается с магом. И ты даже знаешь его. И что это за странная фраза про аптекаршей? Ведь ты никогда...

— Нет, нет! — вскричала я, не давая закончить ему фразу. Можно было честно отрицать, что я никогда не спала с магом, но как я смогу смотреть в глаза Тарасу, если он спросит, целовалась ли я когда-нибудь с "кучерявым"? — Это он тогда спас нас, помнишь, когда ты... когда сломался фонарь с алхимическим огнем. Он потом подходил, требовал возмещения ущерба. Деньгами, да. Я побледнела просто потому... потому что никак не ожидала, что Нана...

— Глупая, да, — согласно кивнул Тарас, заметно расслабляясь. Видимо, его успокоили мои слова. — Эти маги, они такие... ты бы знала, сколько лет моей матери приходилось от них скрываться, чтобы они ничего не узнали. И она потом не смогла выйти замуж, потому что чувствовала себя испорченной. Она жила только ради меня, чтобы я не страдал из-за своего происхождения. Она считает, что всех девушек, которые контактировали с магами слишком близко, нужно наставлять на путь истинный, удерживать от падения. Ты меня прости, но я так и не сказал ей, что ты работала в Академии. Просто сказал, что ты зарабатывала себе на жизнь мытьем полов. Иначе бы такое началось...

Я еще ни разу не видела свою будущую свекровь, но она мне уже не нравилась. Может быть, и правда, принять предложение Лео? Я как-то видела его мать, она мне показалась нормальной и адекватной женщиной, достаточно терпимой к ошибкам других. Хотя, наверно, имея такого сына, как Лео, научишься терпеть всех, кого угодно.

А вот и он, легкий на помине.

— Скучаете? — спросил Леопольд, остановившись возле нас.

— Ты опять пристаешь к моей невесте? — буркнул Тарас, заметив, как рука Лео непроизвольно потянулась, чтобы поправить на мне жилетку.

— Ну, это еще вопрос, — хитро улыбаясь, сказал одноклассник, — чья это невеста. Я, видишь ли, тоже сделал ей предложение.

— Что? — мгновенно вспыхнул Тарас. — И ты мне ничего не сказала?

— Эм... — ничего вразумительнее я не смогла высказать.

— Эй, эй, ты поосторожнее руками размахивай, — сказал Лео, кажется, искренне наслаждаясь ситуацией. — А то я за свою невесту могу и по мордасам надавать.

— У меня, — слова Тараса с трудом вырывались из горла, — уже все договорено с ее родителями!

— Это они еще про меня не знали, — вежливо сказал Лео. — Как ты думаешь, на чью сторону они встанут? Я — из обеспеченной семьи, потомственный аптекарь, моего отца все знают. А вот твоего?

Это был расчетливый удар по самому больному месту. Я только ахнула, когда Тарас, полностью потеряв над собой контроль, кинулся на Леопольда. Тот ловко увернулся, двигаться ему не мешал даже протез, тем более, что он к нему привык. А вот Тарас еще плохо владел своим телом, на котором еще не зажили многочисленные повреждения.

— Ребята, — умоляла я, — прекратите! Остановите их! Кто-нибудь!

Будущие аптекари растащили драчунов.

— Лео, ты как ребенок! — укоризненно сказал Николай, становясь между моими женихами. — Зачем ты так себя ведешь?

— Так ведь скучно, — прорыл Лео. Левая сторона его челюсти вспухала просто на глазах. — дай, думаю, подерусь. Он всегда так интересно Ташу ревнует. Таша, тебе было весело?

— Как мне вас обоих убить хочется, — в сердцах сказала я. — Нет, мне не было весело. Если бы я хотела веселья, я бы в цирк пошла.

— Хорошо, — легко согласился Лео. — После Прорыва я отведу тебя в цирк, как только он приедет.

— Ты никуда ее не поведешь! — завопил Тарас, вырываясь из рук державших его парней. — Она — моя! Я ее люблю!

— Тарас, успокойся, — уговаривала я. — Тебе нельзя так дергаться! Он же просто тебя дразнит!

— Дразнит? — задохнулся кузнец. — ты что не слышала, что он сказал про моего отца?

— Я тут немного разузнал про тебя, о, мой горячий противник, — изысканно вежливо сказал Лео. — Неужели ты думаешь, что я вот так просто буду кидаться в драку. Какое же это удовольствие? А поиздеваться над соперником, чтобы избраница увидела, какое он ничтожество?

— Лео! — рявкнула я. — А ну, замолчи! Пошел отсюда на свой этаж! В городе, может, люди гибнут, а ты тут шуточки шутишь!

— Ого! Ты показала зубки! — преувеличенно удивился Лео. — Да, именно такая жена мне и нужна. А вот этот с тобой не справится.

Мне не впервой было ругать долговязых парней, которые были намного выше меня. Братья дали мне прекрасную возможность попрактиковаться. Я подошла к однокласснику, стала на цыпочки и приказала:

— Быстро, — чуть не ляпнула машинально — в постель и спать, — на свой этаж и дожидайся раненых! И чтоб духу твоего здесь не было!

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Лео, и, пытаясь подражать чеканному шагу стражников, направился к лестнице.

— Я и не думала, что вокруг тебя такие страсти происходят! — удивленно протянула Нана. — И что у тебя сразу два жениха. У тебя же сроду парней никогда не было. И тут сразу два! Поделись секретом!

— Нана, хоть ты не начинай! — попросила я. — Тарас, успокойся, я не собираюсь замуж за Лео! Он просто шутил. Не до того мне сейчас, поверь.

— Хорошо, — сказал Тарас, с мучительной миной растирая руку. — Я не отказываюсь от своего обещания охранять тебя, Таша. Но, когда все это закончится, нам надо будет с тобой серьезно поговорить.

— Да, да, конечно! Обязательно! — ведь я и сама этого хотела.

— Хватит болтовни, — вдруг изменившимся тоном сказал Николай, выглядывая в окно. — Началось.

По двору, заходя посыпанном золой из очагов, бежал переполненный жукачара. Судя по флагу на его морде, он принадлежал городской страже.

На спине большого насекомого вповалку лежали люди. Их стоны и вопли боли были

слышны даже через стекла. Те, кто хоть как-то мог держаться, сидели по краям, придерживая остальных, чтобы они не падали. За жукачарой по двору тянулся алый след.

— У жукачар же кровь не красная, — невпопад спросила Нана. — да? А у людей ее столько откуда?

Ей никто не ответил. Мы все смотрели, как в ворота заворачивает следующее насекомое. Команда приемщиков во дворе уже споро стаскивала пострадавших и укладывала их на носилки. Топот по лестнице вывел меня из ступора.

— Что же мы стоим? — сказала я. — По местам! Началось!

## **Тяжелые времена, или О Прорыве**

Прорыв произошел на севере города, в бедняцких окраинах. Из щели между мирами вылезли шестилапые чудовища, покрытые густой шерстью, по размерам превосходящие человека втрое. На двух лапах они довольно быстро и ловко бегали, а четырьмя хватали людей.

— Они жрут нас, жрут, слышите, жрут! — билась в истерике молодая женщина, пока молчаливые парни несли ее по лестнице. Женщину отправили на четвертый этаж, где находились самые легкораненые.

Я металась по этажу, раздавая команды. Нужно было знать, кто из аптекарей занят, кто — свободен, кому нужно передохнуть, кого — успокоить, кому принести новых бинтов, а кому — уже готовых микстур. Немного спасало то, что вместе с ранеными прибыли и младшекурсники, которых командировали в тамошние аптеки.

— Все, — сказал один из них, появившись в коридоре. — Нет у нас больше северных окраин. Их снесли начисто. Эти звери... они просто ломают дома и все. Разносят хибарки, как бумажные. И людей тоже. Как кукол. Хлоп — и нету человека.

— Прекратить истерику, — рывкнула я, пробегая мимо. — Вот тебе весы, жидкость, побежал в первый кабинет готовить обезболивающее. И молча! Надеюсь, микстуру-то хоть готовить умеешь?

— Да, — ошеломленно кивнул студент, направляясь в указанный класс.

Для большинства из моих будущих коллег Прорыв всегда был чем-то теоретическим. Конечно, изредка маги ловили чудищ из другого мира, показывали их на площади. Но это была потеха, развлечение, даже если при этом гибло несколько человек. В конце концов, люди гибнут каждый день.

Но никто из них не был готов к потоку израненных и перепуганных людей, кое-как одетых, кричащих и рыдающих. И самое плохое — они не были готовы к тому страху, который приходит тогда, когда твоя жизнь рушится у тебя на глазах.

— Таша, я не могу так, не могу, — за мою руку уцепилась Нана. — Они все такие израненные, перепуганные! Нас тоже сожрут, мы все погибнем!

Все напряжение, набравшееся за последние два часа, я выместила на сокурснице, наградив ее такой пощечиной, что она даже отлетела.

— Успокоилась? — холодно спросила я. — Марш наверх, к легкораненым. Будешь их и себя успокоительным поить.

Нана всхлипнула.

— Просто я не могу больше смотреть на эту кровищу. Спасибо. Я, правда, лучше уйду.

Я кивнула, стараясь не думать о том, что творится внизу, в лечебнице, где преподаватели и лекари пытались спасти самых тяжело раненных людей.

Вскоре поступило известие, что чудовища умеют ломать не только хибары, но и вполне добротные каменные дома.

— Они как в ярость впадают, их никак остановить нельзя, — рассказывал мне один из стражников, которого я перевязывала. — Стрелы и арбалетные болты их не берут, слишком толстая шерсть. Приходится брать числом, наваливаться чуть ли не тремя десятками на одного, а сколько наших при этом гибнет... Где же маги? Почему они не идет на помощь?

— Наверное, они сражаются в другом месте, — сказала я, чтобы успокоить стражника. Как только в потоке раненных образовался перерыв, меня позвали к ректору на срочный совет.

— Плохо дело, — сказал седой стражник. — В городе паника. После того, как люди увидели, что эти чудовища ломают дома, началось бегство. А это им и надо — бери, хватай, убивай.

— Нужно срочно создавать народное ополчение из мужчин, — сказал другой стражник. — Мы нашими силами не справляемся. Уже отправили призывы о помощи куда возможно, но когда еще эта помощь пойдет.

— Нужно людей собирать здесь, — сказал ректор. — Здание колледжа строилось магами, его не сломают никакие чудовища.

— И как много населения здесь поместится?

— Будем тесниться, — ответил ректор, растирая пальцами виски. — Сначала будем наполнять подвалы, они у нас обширные.

— Что Академия? — спросил кто-то из преподавателей.

— Молчит, — сказал седой стражник. — У них двери заперты, мои бегали туда уже несколько раз.

— Справимся без их помощи, — хрипло сказал начальник стражи. Я его поначалу не заметила, он сидел в углу, а куратор Лиза бинтовала ему голову. — Мы уже трех чудовищ завалили. Осталось еще с десяток. Но нужно ополчение. На одно чудовище нужно целой толпой наваливаться, веревками обматывать, глаза колоть...

— Набирайте людей на верхних этажах, — сказал ректор. — Таша, что у нас с запасами?

— Еще хватает, — сказала я. Было очень жаль тех бинтов и микстур, которые мы с Лео отправили по городским аптекам. Лишь половина из них еще держалась, остальные разрушены. Мы не думали, что чудовища будут настолько сильными, ведь маги на своем совете говорили о достаточно слабых монстрах, которых будет легко загнать обратно.

— Главное — набрать достойное ополчение, — повторил начальник стражи. — Нам еще, можно сказать, повезло, что эти чудовища не магические, помните, как тридцать лет назад возле Быстрицы объявился драконозавр, который огнем на огромное расстояние плевался?

Несколько человек закивало. Лица многих просветлели — появилась надежда на благополучный исход.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась. В кабинет ввалился маленький, тщедушный стражник со всколоченными волосами.

— Проблема, капитан, — выдохнул он. — Мой десяток был на месте Прорыва. Щель между мирами все еще открыта, и оттуда лезет всякое, но хоть мелкое... Ребята остались драться...

Начальник стражи мрачно кивнул. Все мы понимали, что, скорее всего, больше никогда не увидим храбрых стражников из того десятка.

— Не обойтись без магов, — простонал кто-то. — Только они могут закрыть дыру между мирами. Что толку бороться? Одного убили, двое появилось. Бежать надо.

— Бегите, — сказал седой стражник. — Бегите, пока есть возможность. Мы остаемся здесь. Кто-то же должен не пустить эту дрянь дальше.

— Куда бежать? В Быстрицу? Далеко...

— Подальше отсюда, — сказал стражник. — Подальше, пока мы не справимся со всей этой нечистью.

Я вернулась на свой этаж с тяжелым сердцем. Как воспримут люди новость об эвакуации?

— Прошу внимания! Вы все знаете, что чудовища разрушают дома, но должна вам сказать, что здание колледжа для чудовищ из другого мира неприступно. Положение в городе тяжелое, и начальник стражи принял решение об эвакуации, — объявила я громко, чтобы слышали все присутствующие. — Те, кто хочет уехать, через полчаса выходите к

боковым воротам. Стража сейчас готовит жукачар.

— А аптекари?

— Аптекарей это тоже касается. Только очень просили мужчин, по возможности, остаться здесь и защищать город.

— А маги? — слабо спросил кто-то из раненых.

— Академия молчит. Их двери заперты. Маги не будут нам помогать.

Люди потрясенно замолчали. Бежать из города во время Прорыва — это был нонсенс. Одно дело — глухие деревни, жителям которых приходилось спасаться бегством до прибытия магов. Но город, в котором есть Академия, которая моментально реагировала даже не на сам Прорыв — на его возможность. Как только грань миров начинала расходиться, возле этого места уже стояли маги, которые не давали чудищам прорваться. За последние двести лет ни один город не подвергался такому разрушению.

— Почему маги не участвуют? Может быть, с ними что-то случилось? Может быть, они уже на месте Прорыва, а вы об этом ничего не знаете? Может быть... — посыпались на меня вопросы и предположения. Люди не могли принять этого факта — маги не помогали во время Прорыва.

— Я больше ничего не знаю! — попробовала я перекрыть гул голосов. — Готовьтесь к эвакуации.

— Как же наши вещи? — передо мной стояла женщина, опиравшаяся на костыль.

— Решайте, что вам важнее — ваши вещи или ваша жизнь, — пожала я плечами.

— Ты остаешься? — рядом стоял Николай и тряс кистями, чтобы они отдохнули.

— Да, — кивнула я. — Я остаюсь. Я буду спасать жителей города до тех пор, пока у меня есть силы.

— Боюсь, из наших многие уедут, — сказал Николай. — Для них Прорыв — слишком большое испытание. Они надеялись никогда с ним не встретиться в реальной жизни, а слова клятвы аптекарей для них — пустое.

— А для тебя?

Он пожал плечами:

— Для меня любая клятва священна. Как я могу уехать отсюда? Жукачар на всех не хватит, столько людей останется.

— Будем их размещать в колледже, здесь у них есть хоть какой-то шанс.

Николай методично разминал каждый палец на руке.

— У меня жена вот-вот родить должна, — сказал он. — Я ее на четвертый этаж отправил. В такое интересное время наш ребенок родится, подумать только. Надо будет ему какое-то особое имя придумать.

— Ты бы лучше с женой побыл, — осторожно сказала я, приваливаясь к стене.

— Нет, я нужен здесь, жена все понимает, — улыбнулся Николай. — Просто хотелось с тобой радостью поделиться. А то у тебя лицо такое измученное. Таша, что бы не случилось, жизнь продолжается.

После этих слов я действительно воспрянула духом и бодрым шагом направилась к своему посту. Возле лестницы сидел Тарас, опершись спиной об стол. Выглядел он ужасно — серое от боли лицо, запекшиеся губы, руки, дрожащие от перенапряжения. Я ахнула. За последние часы я совершенно забыла о Тарасе, он помогал транспортировать раненых, ни разу не пожаловавшись на боль или усталость.

— Дай мне что-то выпить от боли, пожалуйста, — прошептал он, когда я опустилась перед ним на колени.

— Что же ты раньше мне ничего не сказал! — укоризненно сказала я, разыскивая в сумке припасенные для него микстуры.

— Есть люди, которым ты нужна была больше, чем мне, — сказал Тарас, явно гордясь собой.

— Тарас, Тарас! Зачем ты так? Теперь тебе придется долго лечиться!

Кузнец пожал плечами.

— Я хотел, чтобы ты оценила мою помощь, — упрямо сказал он. — А ты, кажется, совсем этого не заметила.

— Нет, что ты, конечно заметила! — смутилась я, помогла Тарасу подняться и отправила его отлеживаться.

Эвакуация была ужасной. Сначала люди, столпившиеся во дворе колледжа, подчинялись распоряжениям стражников, распределявшим по насекомым раненых и сопровождающих их аптекарей. Но потом горожане сообразили — или крикнул какой-то паникер, — что жукачар на всех не хватит. Что началось! Давка, вопли, крики, стоны. Стражники срывали голоса и без толку размахивали руками.

Я не могла больше смотреть на это безумие и отвернулась от окна.

— Вы бы видели, что в городе творится, — грустно сказал мне молодой стражник, кривящийся от боли. Он лежал на столе возле окна, и над ним трудились двое моих сокурсников. — там уже давно народ бежит, куда может. За жукачар настоящие бои. Купцы пытаются спасти свое имущество, насекомых останавливают беженцы, вещи бросают на землю... Меня в такой драке и помяли, когда я пытался помочь.

Я решила не спрашивать, кому помогал молодой стражник — купцу или людям, считающим, что их жизни важнее, чем вещи. Я просто погладила парня по щеке и сказала:

— Вы молодец.

— Да, наверное, — сказал он, и добавил со всхлипом, как маленький мальчик: — Если бы еще не было так больно...

— Боль скоро пройдет, — успокаивающе сказала я. — нужно только расслабиться и немного подождать.

Но я знала, что молодому стражнику придется мучиться от боли еще долго — запасы обезболивающих быстро заканчивались и теперь их в достаточном количестве выдавали только тем, кто рисковал умереть от болевого шока.

Если маги не придут нам на помощь, то вскоре людей лечить будет нечем. Будем действовать по старинке — я уже видела в окно, как отряд парней затаскивал в лечебницу ящики с крепким спиртным. Конечно, алкоголь не может полностью обезболить, однако довольно сильно притупляет чувства.

Неужели магам недостаточно смертей и страдания? Неужели они будут и дальше ждать, насыщаясь силой? Когда же они придут к нам на помощь?

Конечно, стражники могут говорить о том, что народное ополчение справится с чудовищами, которые сейчас в ярости крушат дома, однако сколько жизней это заберет?

— Академия открыла двери! — раздался где-то в коридоре крик. — Маги идут к нам на помощь!

Люди, оставшиеся в колледже, зашумели. Я бросилась к кабинету ректора выяснить, что происходит, по пути успокаивая раненых.

— Еще ничего не известно, — сказал мне Дмитрий, сидевший на полу в коридоре возле кабинета ректора. — Садись рядом. Что-то ты не очень хорошо выглядишь.

— Ты тоже, — буркнула я, чуть не падая рядом.

Если у меня такой же землистый оттенок лица, если так же потухли глаза, если также опустились уголки губ и сгорбилась спина, то я выглядела не очень хорошо, а ужасно.

— Город жаль, — сказал Дмитрий, вынимая из кармана маленькую бутылочку. — Будешь?

Я принялась к содержимому и поморщилась от резкого травяного запаха.

— Очень крепкое, — будущий коллега отхлебнул несколько глотков и поежился. — По бабушкиному рецепту, Таракан бы ее душу взял. Видела бы она, что творят сейчас ее любимые маги.

Постепенно около кабинета ректора собрались мои коллеги. Уставшие, мрачные, они опускались на пол, прижимаясь друг к другу. В таком тесном кругу казалось, что все будет хорошо, если мы будем вместе. Если будем поддерживать друг друга. Мы молчали, не делясь, как обычно, подробностями сложных операций или решением нетипичных случаев.

С больными и ранеными остались те, у кого еще были силы, кто еще мог отдавать свое душевное тепло измученным и испуганным людям.

— Хорошо, что вы здесь, — сказал ректор. Он тяжелыми шагами прошел в центр нашей тесной группки и тоже сел на пол.

Уважаемый Павел как-то быстро постарел за прошедшие часы, лицо избородили глубокие морщины, руки дрожали, левое веко подергивалось.

— Хорошо, что тут собрались самые инициативные, — сказал он, окидывая нас взглядом. — Пока другие помогают людям, мне от вас нужно другое. Нужно отправиться в Академию.

— Зачем? — спросил Николай.

— Маги не вышли из Академии на помощь городу. Но во внутрь здания идет большой поток беженцев. Я не знаю, помогают ли им маги, и что они делают с теми людьми. Но мы не можем оставить горожан там без нашей помощи.

Ректор посмотрел на меня и я поняла, что он хочет сказать. Возможно, маги, не получившие достаточно сил, решили убивать людей самым простым способом — заманив их в Академию. Раньше, до Прорыва, туда могли войти только рабочие или просители с деньгами. В то, что маги открыли двери для того, чтобы помочь людям, я не верила. И сейчас людям нужен был кто-то, кто сможет вывести их из здания, кто-то, способный оказать им помощь или организовать сопротивление.

— Я пойду, — сказал Лео самым первым. — Я магов не боюсь. Да и все равно мы все умрем рано или поздно. Так лучше я умру молодым, защищая горожан и останусь в их памяти с сияющим ликом героя, чем старым, больным и немощным, в окружении внуков, только и мечтающих от меня избавиться, чтобы завладеть наследством.

Среди аптекарей раздались смешки.

— Я тоже пойду. Никто из вас не знает внутренних помещений Академии. А я там три года полы мыла, — сказала я.

Постепенно нас собралась небольшая группка. Как не готовы были аптекари помогать раненым и страждущим, но идти в логово магов боялись многие. Их ректор отправил устраивать беженцев.

— Сейчас собирается отряд стражников, — сказал ректор. — Подождите их и отправляйтесь. Возьмите все, что необходимо.

Я копалась в изрядно опустевших шкафах, разыскивая необходимые порошки и чистые бинты.

— Таша! — за моей спиной стоял Тарас, держась за дверной косяк. — Нужно срочно отправляться в Академию. Там что-то происходит.

— Да, маги впускают в Академию людей.

— Нет, что-то будет... нам надо спешить... прошу... я чувствую! Эта проклятая магическая кровь зовет меня и кричит о чем-то, но я этого не понимаю. Пойдем, Просту тебя! Поспешим!

— Сейчас мы ждем отряд стражников, — начала я, но Тарас меня перебил:

— Спешить нужно! Неужели ты этого не чувствуешь?

Его глаза горели безумием, и я поняла, что не могу оставить его в таком состоянии. Да и какая разница, когда я приду в Академию — со всеми или немного раньше.

— Хорошо, Тарас, мы идем. Успокойся.

Мы вышли за ворота колледжа. Было уже совсем темно, но ярко-ярко сияли алхимические фонари.

— Кажется, они никогда так ярко не светили, — удивилась я.

— Концентрация магии, — прохрипел Тарас. Выглядел он с каждой минутой все хуже, на лбу выступил пот, он трясся в лихорадке. — Идем быстрее!

— Таша! Таша! — за нами спешили Николай и Леопольд. — Эй, вы куда?

Лео тяжело дышал, стараясь переносить вес на здоровую ногу.

— Вы решили не дожидаться основной группы? Почему? — спросил Николай.



Я кивнула на Тараса.

— Он чувствует, что в Академии творится что-то нехорошее. Тарас рвется туда, а я не могу его оставить одного.

— Почему? — поинтересовался мой одноклассник. — Или ты все же решила выйти замуж за него и боишься преждевременно стать вдовой?

— Нет, — ответила я, и поняла, что это правда. Я не выйду замуж за Тараса, что бы мои родители не думали по этому поводу. — Разве ты не видишь — он же болен! И ты предлагаешь его бросить?

— Его можно остановить, — предложил Николай, хватая кузнеца за руку.

— Попробуй, — предложила я. — Я никого не заставляю идти со мной.

— Пойдем, — простонал Тарас. Он легко тащил по грязи, которая еще утром была льдом, и меня, и Николая.

— Да, идем уже, идем. Будем противостоять магам вчетвером, это очень эпично! — с воодушевлением сказал Лео. — Один герой — это совсем не то. Если он погибнет, кто же будет рассказывать о подвиге и слагать легенды? Нет, из четверых кто-то один должен выжить!

— Ты надеешься, что это будешь ты? — сухо спросил Николай.

— Конечно! Или ты хочешь сказать, что вы лучше меня умеете слагать легенды?

Удивительно, но этот потрясающий человек шутил всю дорогу до Академии, будто мы шли на увеселительную прогулку.

Огромные массивные двери заведения магов были распахнуты. Вокруг было пусто и тихо.

— А где же люди, которые спасались в стенах Академии? — спросил Николай.

— И почему здесь так тихо? — пробормотал Лео. — Во всем городе шум и крики, а тут такая тишина.

Мы ничего не успели ответить, как Тарас со сдавленным стоном забежал внутрь. Я кинулась вслед за ним, слыша, как застучала по мраморным ступенькам деревянная нога Лео.

В Академии было необычно темно, лишь едва-едва горели светильники на стенах. Мы бежали по коридорам, сначала пытались догнать Тараса, а потом слышали крики и стоны, и уже бежали туда.

— Где мы? — шумно дыша, спросил Николай. Лео потерялся где-то в Академии, не успевая за нами на своей деревянной ноге.

— Возле тренировочных полигонов.

— Почему же там так кричат?

— Сейчас посмотрим, — ответила я, пытаюсь открыть огромные двери.

Николай начал помогать, мы тянули за ручки изо всех сил, но безрезультатно.

— Наверное, они открываются только магам, — я вытерла пот со лба.

— Сейчас откроем, — к двери почти бесшумно подошел Тарас. Он выглядел вполне здоровым, сумасшедший блеск из глаз исчез. Но Николай заметил главное:

— Ты что, перерезал себе вены? — воскликнул он, указывая мне на частые капли, которые сбегали по кисти кузнеца.

— Немного, — криво усмехнулся Тарас. — выпускаю поганую кровь. Не бойся, я не собираюсь умереть. Мне еще нужно поквитаться с кое-кем.

Николай вопросительно посмотрел на меня, но я не стала ничего объяснять.

Сын мага взялся за кованые ручки, и створки двери распахнулись без малейших усилий. Раздвигая ветви деревьев, росших у стен, мы выбрались на большое поле.

— Что они делают? — удивленно спросила я, но Николай все понял значительно раньше. Он бежал по полю, крича:

— Люди! Вы что?! Они же вас убивают! Люди! Бегите!

Его крики нарушили какое-то странное оцепенение, владевшее людьми, сгрудившимися возле большого дуба. До этого они только стонали да всхлипывали, глядя,

как в центре поля старейшины магов убивают их родных, друзей и соседей. Старые, но сильные чудовища в мантиях просто брались за голову своей жертвы, пристально глядя ей в глаза, и человек как будто истончался прямо на глазах, оседая на землю тряпичной куклой. Убийц было около десятка, и появление кричащего Николая вызвало у них минутное замешательство — видимо, они и не подозревали, что кто-то может прервать их злодеяния.

А вот обреченные стать жертвами зашевелились, завопили. Кто-то бросился к трупам, кто-то — к выходу. Маги пришли в себя только тогда, когда увесистый сук какого-то мужика опустился на голову одного из стариканов.

Оказывается, маг может погибнуть так же, как и человек. Во всяком случае именно этот маг умер, как и любой другой, которому раскроили череп.

Один из магов выбросил вперед руку — и мужчина с суком застыл, а потом рассыпался в пепел. Другой хлопнул в ладони — и Николай, несший на руках к выходу девочку, споткнулся, охнул, и упал.

Я подбежала к парню, перевернула его на спину, крикнув испуганной девчужке — "бегите!" — и поняла, что ему уже никогда не стать блестящим хирургом. Закрыв глаза, в которых навеки застыл не ужас, нет, а решительность, я повернулась к магам.

Старики мурлыкали какое-то заклинание, и люди, всхлипывая и подвывая от ужаса, останавливались, поворачивались и снова направлялись к дубу, под которым стояли. Кажется, они понимали все, что с ними происходит, но не могли ничего подделать с непослушным телом.

Я все еще сидела над мертвым Николаем, как один из магов повернулся в нашу сторону.

— Кто это у нас тут такой смелый? — я узнала Хуано, секретаря магического старейшины Пабло. — О, да это та человеческая девчонка, которую Эрнесто притащил на бал!

— Не надеялась, что вы меня узнаете, — сказала я. Мне оставалось лишь молиться доброй богине подкове, чтобы путь моей души в вечный покой был не сильно длинным и болезненным.

Сейчас, глядя в тусклые старческие глаза своей смерти, я жалела только об одном — что моя жизнь была такая трудная, что мало в ней было времени веселью и развлечениям. Жаль, что я никогда не увижу, как вырастут мои братья, каких девушек они выберут себе в жены, какие родятся у них дети. Впрочем, я была уверена, что они вырастут порядочными людьми, а это главное.

А о своих поступках я не жалела, и будь у меня шанс прожить жизнь заново, я поступала так же. Разве что обращала бы больше внимания на чувства других и не обижала бы их понапрасну своей черствостью.

— Своих врагов, детка, нужно знать в лицо, — поучительно сказал маг. — А слишком притких людишек — убивать.

— Зачем вам это? — жалобно сказала я. — Зачем вы убиваете нас? Ради чего?

— Ради силы и власти, — Хуано хищно улыбнулся, — и ради того, что сила и власть приносят с собой.

— Ценой человеческих жизней? — воскликнула я.

— А зачем вы еще нужны? — казалось, Хуано искренне недоумевал. — А, впрочем, нужны. Один вот избавил меня от Пабло, старикан зажил на этом свете. Но я искренне скорблю, и даже не сразу въеду в его кабинет. А убийца уже достойно покаран.

— Когда вы умрете, Таракан будет мучить вашу душу, отгрызая от нее по кусочку, — пусть это будет мне слабым утешением перед смертью.

— О, детка, я еще не скоро умру, особенно после сегодняшнего. А с Тараканом я договарюсь. А вот тебя ждет встреча с ним уже сейчас. Ради твоей смелости — я уважаю таких людишек, как ты, — я не буду выпивать твою жизненную силу, хоть у тебя ее предостаточно. Нет, смерть твоя будет изысканной, все же ты умудрилась побывать на нашем Зимнем Балу... Ты сгоришь ярким пламенем. Выбирай цвет.

— Спасибо за предоставленный выбор, — сказала я, вложив в эти слова весь отведенный мне природой сарказм. — Пожалуй, предпочту оранжевое.

Если последним, что мне доведется увидеть в этой жизни, будут мои горящие конечности, то пусть они хотя бы горят ярко, как солнце. Я люблю лето. Летом тепло, и можно, запрокинув голову и подставив лицо лучам солнца, долго-долго предаваться их ласковым прикосновениям. Жаль, что я больше никогда не увижу солнце.

Наверное, стоило встать или закрыть глаза, но мне хотелось умереть, держа за руку человека, который отдал свою жизнь, спасая других. И не бояться. Поэтому я смело встретила взгляд Хуано, и он первым отвел глаза, взмахнув рукой.

Я посмотрела на свои руки. Они не горели. Мне не было больно. Неужели колдовство старого мага не удалось?

Нет, удалось.

Передо мной, загородив меня и раскинув руки в защитном жесте, пылал ярко-оранжевым пламенем Эрнесто.

## Любовь, чтобы вообще, или О чувствах

Однажды, когда мои братья были младше, Флор прочитал какую-то книжку и подошел ко мне с таким вопросом:

— Сестра, тебя когда-нибудь любили так, чтобы вообще?

— Это как? — не поняла я.

— Ну, так чтобы вообще... — Флор очертил рукой в воздухе круг, предоставляя мне возможность самой понять, что же он имел в виду. — Чтобы вообще...

— Так, чтобы вообще, наверное, нет, — ответила я. — И вообще, такая любовь только в книгах бывает. Или, в крайнем случае, родителей к детям, и то не всегда.

— Нет, Ташка, — Флор искренне расстроился. — Не может быть такого, чтобы не было такой любви, чтобы вообще. Ведь откуда-то же писатели берут свои идеи!

— Из головы они свои идеи берут, — меня никогда не интересовало, откуда берутся идеи для книг. Да и художественную литературу я почти не читала, предпочитая учебники.

— А в голове они откуда? Из жизни!

— Флор, отстань от меня, — разозлилась я. — Мне учиться надо.

— Что ты все учишься, учишься, — обиделся брат. — А как же любовь?

— Я тебя люблю, — сказала я нетерпеливо.

— Это не то, — вздохнул он. — Эх, Ташка, Ташка!

Через несколько дней я застала братца у зеркала. Он рассматривал свое отражение с самым несчастным видом.

— Что ты делаешь? — любопытствовала я.

— Репетирую предсмертную речь.

— Предсмертную? — испугалась я, протягивая руку ко лбу Флора, пытаюсь измерить температуру. — Что у тебя болит? Где болит? Как сильно?

— Ташка, не трогай меня! У меня ничего не болит! Я просто репетирую предсмертную речь. Ведь любовь, чтобы вообще, бывает только раз в жизни, и обычно заканчивается трагически. А вдруг я так полюблю и мне придется умереть? Тогда я уже буду знать что говорить!

— Лучше бы уроки учил, — проворчала я...

... Я не знала, какие чувства заставили Эрнесто заслонить меня своим телом. Но я знала совершенно точно — он спас мне жизнь. Опять. И, судя по всему, прощальную речь он не репетировал, потому что он рявкнул на меня голосом, полным боли, посмеет не романтические слова:

— Беги, дура!

Вот тебе и любовь так, чтобы вообще. Хорошо, что ногой не пнул.

Наверное, я должна была забрать с собой тело Николая. Но я решила, что не стоит

искушать богов, давая Хуано еще одну возможность убить меня.

Поэтому изо всех сил, которые у меня еще оставались, я рванула в растительность, которая окружала тренировочный полигон по периметру, петляя на бегу. Рядом с сухим треском рассыпался в пепел куст, я заметила это краем глаза, ныряя в спасительную зелень и кидаясь плашмя на землю. Извиваясь, путаясь в длинной юбке и цепляясь шубкой за корни и ветки, я ползла к выходу, желая только одного — убраться с бойни сограждан побыстрее и бежать искать помощи у стражников, в колледже, в городской управе — везде, где могут остановить кошмар, творящийся в стенах Академии.

Я ползла, ползла, пока не уткнулась носом в Лео, сидящего в небольшой пещерке в переплетении корней большого дерева.

— Сюда! — приказал он, затягивая меня за рукав.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала я.

— Прячусь, — лаконично ответил он.

— Пойдем скорее отсюда! Нам нужно бежать...

— Таша, — Лео мягко закрыл мне рот. Ладонь у него была теплая и приятно пахла травами, — когда вы с Николаем бросились героически погибать, ты успела заметить, сколько там магов?

— Около десятка, — ответила я озадаченно, — а что?

— Вот! А ты знаешь, где остальные маги, если они не на месте Прорыва? И в каком они настроении? И я не знаю. И мы не знаем, где сейчас чудовища. И в каком они настроении. Тут мы хотя бы знаем ситуацию. Я считаю, что соваться в другое место слишком опасно.

Я упрямо покачала головой и собралась вылезти из пещерки.

Лео навалился на меня всем телом, удерживая на месте.

— Таша, — зашептал он мне в ухо, обдавая жарким дыханием. — Я понимаю твои чувства. Если бы я успел за вами двумя, я бы тоже бросился спасать людей. Но я опоздал, и имел возможность подумать. Я видел, как погиб Николай, и скорблю вместе с тобой. Но мы должны жить, чтобы его жертва не была напрасной. Звучит высокопарно, я знаю. Но это ведь правда!

Смирившись, я свернулась в клубочек, стараясь не прислушиваться к шуму, который доносился с поляны. Мне было страшно. Теперь я начала бояться за собственную жизнь. Это был обычный страх вызванный инстинктом самосохранения. Чувство, заставляющее кидаться на заведомо сильнейшего противника, чтобы защитить другого, прошло, и теперь я дрожала от ужаса. Как же мне хотелось жить! Причем хотелось жить в самой что ни на есть простейшей физической форме — есть, спать, двигаться.

— Тш-ш-ш, — успокаивал меня Лео, обнимая и прижимая мою голову к своей груди.

Ничего успокаивающего он сказать не мог.

Через какое-то время, показавшееся мне бесконечным, сокурсник сказал:

— Выбираемся отсюда.

— Что? — я сразу не поняла.

— Слышишь, шум изменился. Кажется, там сейчас будет такая заварушка, что нам лучше держаться подальше.

Я не слышала, как поменялся шум — его полностью заглушало биение моего сердца и толчки крови по артериям, но решила поверить Лео.

Мы осторожно выползли из своего укрытия и двинулись в сторону двери. Теперь и я слышала крики, раздававшиеся на поляне — там кто-то очень громко скандалил.

Убежать нам не дали — огненный шар, пролетевший над нашими головами, был такой мощи, что деревья вспыхнули как спички. От искры моя шубка тоже загорелась, огонь быстро побежал по меху.

Леопольд не дал мне времени на раздумья. Он прыгнул на меня, и мы покатались по земле. Остатки снега недовольно шипели, соприкасаясь с горячей одеждой. Почему-то именно этот звук заглушил для меня все остальное. Убедившись, что шуба больше не горит, Лео рывком поднял меня на ноги и потащил за собой. Я двигалась за ним, совершенно не

соображая, что происходит и что нужно делать. Как-то так получилось, что из моей головы в какой-то момент вылетели все мысли, я как будто оглохла.

За нашими спинами пылали растения, было жарко, словно летом. Лео вытащил меня на поляну, не давая упасть — мои ноги разъезжались по грязи, юбка цеплялась за ветки кустарников. Он ступал уверенно, опираясь на деревянный протез, который оставлял в земле глубокие борозды.

На поляне творилось что-то невообразимое. Летали огненные шары и ледяные молнии, воздух трещал от используемых заклинаний. Некоторые маги вступили в рукопашную, от души колотя друг друга.

Не останавливаясь, Лео тащил меня к противоположному краю учебного полигона, стараясь держаться в стороне от магического боя и не приближаться слишком близко к горящим деревьям. На нас никто не обращал внимания, равно как и на кучку людей, которые, обезумев, метались по поляне — то ли разыскивая тела родных, то ли в поисках выхода.

Схватив мою руку словно в тиски, сокурсник не давал мне возможности остановиться, собраться с мыслями, возможно, с силами для помощи горожанам. Я, наконец-то, поняла, куда он бежал — к остаткам каменного строения, которое когда-то было то ли учебным зданием для отработки разрушающих заклинаний, то ли местом отдыха после тренировки. Сейчас на полуразрушенных стенах висели сухие побеги выющихся растений, из пустого окна выглядывало молодое деревцо.

Мы забежали за стену, и тут Лео оставили силы.

Он упал на сохранившиеся плиты мозаичного пола, закусив губу так, что по подбородку потекла тоненькая струйка крови. Поджав к животу колено, он обеими руками схватился за культю. На лбу у него выступила испарина, в глазах полопались сосуды.

Меня как будто толчком вернули в реальный мир, в пустой голове зашумело, донеслись звуки драки.

— Подожди немного, подожди, — шептала я, раздирая на груди остатки шубки. От жара кожа задубела, железные пуговицы не хотели выпутываться из петель, но я добралась до главного своего сокровища — аптекарской сумки, которая висела на шее.

После всех передрыг содержимое перемешалось — порошки высыпались из разорвавшихся пакетиков. У меня в ладони оказалась каша из всех снадобий. Я не раздумывала, просто ссыпала ее Лео в рот и заставила проглотить.

Зачерпнула из лужицы воду, дала напиться. Теперь оставалось только ждать действия смеси.

— О, как же больно! — наконец-то простонал друг, расцепив зубы — уже не боялся застонать в голос. — Чем ты меня накормила?

— Не знаю, — призналась я. — Я это Тарасу готовила — обезболивающее, стимулирующее. Тебе точно должно было помочь.

— А где твой жених номер один? — спросил Лео.

— Не знаю, — растерялась я. — Он нам открыл двери и больше я его не видела.

— Ну, этот нигде не пропадет, — успокоил меня Леопольд, вставая на колени и небрежным жестом стирая кровавую полосу с подбородка. — Давай посмотрим, что там.

Он осторожно выглянул в окно, отодвинув ветки дерева. Бой затихал — судя по увиденному, побеждали более молодые маги — их темные головы с развивающимися волосами встречались куда чаще, чем седые.

— Сейчас, — сказал Лео, — они разберутся между собой и мы с тобой тихонечко слиняем отсюда.

— А ты сможешь идти? — усомнилась я.

— Я жить хочу, — спокойно сказал сокурсник. — Если надо — поползу, если надо — покачусь. Тут уже не до гордости.

Молодые маги вязали старых; один из молодых привязывал уцелевших людей друг к другу. Те вели себя покорно — то ли находились под воздействием магии, то ли им уже было

все равно, что с ними сделают. Полянка постепенно пустела, оставалось всего несколько магов, которые сгруппировались недалеко от дуба.

— Сейчас эти уберутся, и идем, — предупредил Лео.

— Ты можешь идти, куда хочешь, — проскрипел за нашими спинами голос. — А вот девке придется идти вместе со мной.

— Сильвестро, — прошептала я, повернувшись.

Я никогда не видела этого старого мага с горящими злобой черными глазами и седой волнистой реденькой бородкой, но сразу узнала его скрипучий голос.

— Господин маг Сильвестро, — желчно поправил старик. — Хорошо, что этот идиот Хуано не смог тебя убить. Идем, девка.

— Она никуда не пойдет, — Лео легко поднялся на ноги, приняв угрожающую позу.

Сильвестро с усилием хлопнул в ладоши, Лео упал, я закричала. Отчаяние охватило меня настолько полно, что, не соображая, я кинулась на старого мага, вцепившись ему ногтями в лицо.

— Дрянь! — воздушной волной меня откинуло к стене.

Мне показалось, что все мои внутренности сплюснулись, а ребра сломались на мелкие кусочки. Пока я пыталась вдохнуть, Сильвестро вытер кровь, сочившуюся из нескольких довольно глубоких порезов и подошел ко мне:

— Убить бы тебя, — с ненавистью он плюнул, а потом за волосы поднял меня на ноги, и приставил к горлу кинжал. — Без фокусов.

Мы пошли к центру поляны. Кинжал царапал мне шею, но я не обращала внимания — мне удалось разобраться с собственным дыханием, и я была рада хотя бы тому, что могу свободно дышать, а боль от удара об стену волнами накатывала при каждом шаге.

— Мальчики, — радостно проскрипел Сильвестро, — посмотрите, кого я вам привел. Маленькую цыпочку, которая так и жаждет поджариться у меня на огоньке.

Маги обернулись — среди них я узнала Энрико и мальчика, который в лесу в ночь сбора первоснежников помог мне найти жукачуру. На их лицах отразился ужас.

— Не стоит старичков списывать со счетов, самонадеянные глупцы, — сказал Сильвестро. О, нет-нет, Энрико, мой мальчик. Я вижу, что ты задумал. Нет, твой план кинуться на меня, а потом спасти эту девицу от потери крови, не удастся. Я знаю, что ты хороший целитель. Ну-ка, девка, раздевайся.

Я молча сняла с себя шубку, пока дедуган держал меня за волосы. Он попробовал разрезать на моей спине свитер, но нитки были слишком толстые. Поэтому Сильвестро ограничился только тем, что приставил кинжал к области моего сердца, проколов свитер.

— От прямого попадания ножа в сердце не спасешь даже ты, одаренный, но такой глупый мальчишка. Вы исполняете мои приказы — и с вашей драгоценной девкой ничего не случится. Ты ведь хочешь жить, девчонка?

Я молчала. Во мне боролись два начала — животное, хотевшее жить ни смотря ни на что, и человеческое, которое не хотело доставлять сумасшедшему старику удовольствие своим ответом.

— Ну? — кинжал проколол мне кожу.

— Иди ты к Таракану, — медленно и внятно проговорила я, готовясь умереть.

— Ненавижу людей, — сплюнул Сильвестро и вонзил в меня кинжал. Он уткнулся в ребро — не так-то легко убить человека, особенно, если нет практики. Я вскрикнула. Старый маг дернул кинжал пару раз, выпутывая его из свитера. Я не смогла сдержаться и несколько раз всхлипнула.

— Не тронь ее, — маги расступились; придерживаясь за плечо Энрико, с земли поднялся Эрнесто. Я узнала его только по голосу — маг был укутан в чужой балахон, волосы обгорели, лицо в саже.

— Ага, — довольно сказал старик. — Значит, я не ошибся. Ты действительно ее любишь.

— Люблю, — кивнул Эрнесто.

— Что? — глупо спросила я.

Сильвестро захихикал.

— Ты такой же дурак, как и твой папаша, — сказал он, продолжая хихикать. — Мальчишка, если уж задумал идти против всех, так убери подальше все свои привязанности. А то погибнешь так же глупо, как и Ампаро.

— Отец погиб, это был несчастный случай!

— Ах, ну да, ну да. Щенок! Тебе еще учиться и учиться, а туда же, руководить группой сосунков. Я убил твоего отца, потому что он был идиотом. И тебя, но потом. Сейчас мне нужно выйти отсюда живым, и ты мне этот проход обеспечишь. Иначе я убью твою девку.

— Хорошо, — сказал Эрнесто. — Только отпусти Ташу. Я подставлю свое горло под твой кинжал.

— Щенок, — с удовольствием протянул старый маг. — Учись. Лучше угрожать жизни любимой, чем твоей. Что я и делаю. Ну?

Молодой маг посмотрел на мою грудь, туда, где расплывалось по ткани пятно крови от глубокой царапины, и сбросил свою руку с плеча Энрико, сделав неуверенный шаг в нашу сторону.

— Эрнесто, ты не можешь... — начал было целитель.

— Могу, — процедил сквозь зубы Эрнесто. Второй шаг у него получился увереннее, но его все равно качало из стороны в сторону.

Мы пошли к выходу, я механически переставляла ноги, пытаюсь понять, что же происходит. Если взять за исходный факт то, что Эрнесто меня любит — как бы дико это не звучало, особенно на фоне его недавних отношений с Наной, то как об этом узнали все маги? Судя по лицам молодых магов, они очень не хотели, чтобы со мной случилось что-то плохое. Почему? Не думаю, чтобы Эрнесто бегал по Академии, радостно сообщая каждому о своих чувствах и умоляя обо мне позаботиться. Может быть, они все поняли, когда Эрнесто заслонил меня собой?

— Куда мы идем? — спросил молодой маг.

— В астрономическую башню, — приказал Сильвестро. — Да не трясись ты, девка! Обещаю, твоя смерть будет легкой. Я уважу твоего друга.

— Я не от страха, — сказала я, цокая зубами. — Я от холода.

— Ты совсем не боишься? — удивился старик.

— Нет, — сказала я. Однажды мой Федор в сердцах сказал мне: "Как можно быть такой бестолковой, Таша! Почему нельзя думать сразу о двух вещах?" Возможно, мой слишком умный брат и мог одновременно мысленно решать математическую задачу, а вслух объяснять мне законы органической химии, но мне это было не под силу. Поглощенная мыслями о том, почему я вдруг стала такой важной для молодых магов, я совершенно забыла о страхе. Ведь, в сущности — страх — это не то, что ощущает наше тело. Страх — это то, что ощущает наш разум. А мой разум был занят совсем другими мыслями, и терзаниям о том, что будет со мной дальше, там не было места.

— Молодец, — похвалил меня Сильвестро. — Ты, малыш, выбираешь себе любовь куда лучше, чем твой папаша. Он влюбился в совершенную дуру.

Он, видимо, ожидал какой-то ответной реакции от Эрнесто, но тот только пожал плечами.

В коридорах нам изредка встречались молодые маги. Окровавленные, в обожженной одежде, они сидели, прислонившись к стенам, невидяще глядя перед собой. Некоторые уже были с объемными бутылками, но у всех, абсолютно у всех, дрожали руки. Никто из них не позаботился убрать с проходов останки более старших магов. Судя по состоянию коридоров, здесь велись серьезные битвы. Что же здесь произошло? Эрнесто и Сильвестро вели себя так, будто их совершенно не заботит увиденное! Молодые маги убивали старых? Почему? Опять одни только вопросы без ответов.

Мы долго поднимались по ступенькам вверх, в башню. Никого из людей туда не пускали — на двери стоял замок, который реагировал только на магическую кровь. Такой

же, как на учебном полигоне. С каждой ступенькой шага Эрнесто становились все тяжелее и тяжелее, он цеплялся за перила, с видимым усилием заставляя себя каждый раз поднимать ногу. Сильвестро покряхтывал, с хрипом втягивая в себя воздух. Он вцепился в мой свитер обеими руками, перевалив на меня почти всю тяжесть своего тела. Вдруг Эрнесто споткнулся, упал, и больше не смог подняться. Он пытался опереться на руки, чтобы встать хотя бы на четвереньки, но они бессильно разъезжались.

Эта задержка позволила Сильвестро отдышаться, чтобы приказать противным голосом.

— Вставай, Эрнесто! Ты же не хочешь, чтобы я порезал твою девку? Ну? — он легонько провел по моей щеке кинжалом, я почти не почувствовала боли, но беспомощный взгляд молодого мага изменился.

Эрнесто поднялся, не отводя взгляда от моей новой царапины. Сильвестро захихикал.

Перед самой дверью была страшная грязь — я всегда боялась мыть последнюю ступеньку, опасаясь того, что магическая дверь может преподнести неприятный сюрприз. А маги никогда не утруждали себя такой мелочью, как вытирание подошв или складывание огрызков в урну.

— Давай, мальчик! — просипел Сильвестро, снова поднося кинжал к моему горлу. — Только без фокусов.

Эрнесто прикоснулся к ручке, и дверь с жутким скрипом открылась. Посыпались хлопья пыли, в носу и горле запершило. Сильвестро чихнул, и его кинжал поцарапал мне шею. Прикосновение теплой крови к холодной коже было даже приятным. Эрнесто дернулся было ко мне, но тут же овладел собой и замер.

Но Сильвестро уже забыл о нас, он бросился в комнату. Кинжал зазвенел, скатываясь по ступенькам вниз. А Эрнесто начал падать...

Я успела. Я успела подхватить его, и тяжелое тело молодого мага безвольно обвисло на моем плече. И хотя он был тяжелее меня в два раза, я не упала. Я просто не могла этого сделать — простив этого восставал весь мой профессионализм. Ведь я — аптекарь, моему пациенту плохо! Я осторожно опустила на колени и уложила мага на пол. Зачерпнула из своей многострадальной сумки смесь порошков, открыла Эрнесто рот и начала втирать ему снадобья просто в десна. Через несколько мгновений он закашлялся и открыл глаза.

— Помоги мне встать! — не терпящим возражений тоном приказал он.

— Но...

— Быстро! — рявкнул он, и из обожженного, израненного и измученного тела внезапно проявился тот самодовольный и надменный Эрнесто, с которым я познакомилась в начале осени.

Мы встали не с первой попытки, и, пока я пыталась унять дрожь в коленях от нагрузки, Эрнесто вошел в башню. Я поплелась за ним, даже не пытаясь спрашивать у себя. Зачем я это делаю.

В святая-святых Академии царил хаос. Такого беспорядка не устраивали даже мои братья в малолетстве, оставленные дома на полдня. Маги что, совершенно не понимают той истины, что книжные полки существуют для того, чтобы не только снимать с них книги, но и ставить обратно?

В центре захлавленной комнаты стоял большой мутно-белый шар на кованом треножнике. К этому шару сейчас прижался Сильвестро, и лицо его расплывалось в блаженной улыбке. Он не замечал ничего вокруг, в том числе и Эрнесто, который, взяв обеими руками фолиант потяжелее, в блестящем драгоценными камнями переплете, скользящим шагом приближался к старику. Первый раз магу не удалось поднять книгу на желаемую высоту, но он собрался с силами и обрушил на голову Сильвестро страшный удар. Отбросив книгу, Эрнесто помчался к двери, схватил меня за руку и побежал вниз, словно паря над ступеньками.

Мне такой легкости бега никогда не достичь. Тем более, что, с легкой руки Таракана, в дело вмешалось мое вечное невезение.

Я споткнулась об что-то, валяющееся на ступеньках, и полетела вниз, увлекая за собой



мага.

Все вокруг завертелось...

Когда я пришла в себя, то обнаружила, что лежу на Эрнесто. Он плотно прижал своей рукой мою голову к своей груди, другой рукой обхватив меня на уровне копчика.

Сердце его билось.

— Эрнесто, — полузадушено позвала я.

— Мммм... — простонал он, но вдруг перевернулся, прижав меня к полу. И тут наверху прогремел взрыв.

Тот это был взрыв! Я была уверена, что наступил конец мира, и что весь наш город проваливается в Подполье к Таракану. Говорят, там темно и сыро, впрочем, оттуда еще никто не возвращался.

Когда затих грохот падающих около нас обломков, Эрнесто выдохнул и обмяк. Придавленная к полу его телом, я мало что видела, однако поля зрения хватило, чтобы понять — ни один камень не попал в нас. Молодой маг прикрыл нас магической защитой, как большим перевернутым тазом.

— Эрнесто! — прохрипела я. — Эрнесто!

В глазах темнело. Каждый вздох давался с огромным трудом.

— Я... задыхаюсь...

Тяжело-тяжело, едва двигаясь, маг сполз с меня, лег щекой на пол, так, что наши глаза оказались на одном уровне.

— Ты знала, — спросил он, — что умереть — довольно проблематичное занятие?

Я кивнула. Однажды я ассистировала на операции, на которой нам удалось спасти мужчину, которого ревнивая жена приласкала топором по голове. Лезвие топора застряло в черепе, а жена и любовница принесли страдальца в лечебницу на простыне. На той операции и Николай присутствовал...

Ох, Николай...

Лежа на холодном полу на полуразрушенном пятом этаже Академии Духа, я беззвучно оплакивала светловолосого юношу с ловкими длинными пальцами, которому никогда не суждено будет стать великим хирургом и увидеть своего ребенка.

А Лео... весельчак Лео, который хотел остаться в живых, чтобы рассказывать легенды о нашем проникновении в Академию. Сейчас он лежит где-то в руинах на тренировочном полигоне магов. Как же мне будет его не хватать! Я никогда прежде не задумывалась над этим, пока не поняла, что без привычного скрипа карандаша по бумаге на лекциях мне будет очень, очень грустно.

Они оба погибли из-за меня. Это я не хотела оставлять Тараса одного, это чтобы не оставлять меня в одиночестве, они отправились в Академию, где погибли. И Тарас куда-то пропал, я за ним не уследила... Как жить дальше с таким чувством вины?

Эрнесто пошевелился, и его пальцы переплели мои.

Странно, но когда наши холодные руки прикоснулись, они потеплели.

Молодой маг молча ждал, когда я успокоюсь.

— Что это был за взрыв? — наконец, спросила я, задавив свое горе где-то в глубине души.

— Сильвестро взорвался, — хладнокровно сказал Эрнесто.

— Значит, это правда?

— Что именно?

— Что маги взрываются.

— Да. Когда маги теряют над собой контроль, когда они перенасыщаются силой, они взрываются.

Мне было так хорошо лежать на этом полу, и совершенно не хотелось никуда идти за прошедший день я совершенно обессилела как физически, так и морально.

— Сильвестро исчерпал все свои силы, — сказал Эрнесто. — Он стремился в нашу астрономическую башню, чтобы наполнить силы из накопителя — видела такой большой

белый камень? — и сбежать. Но вход в башню открывается только магам из этой Академии, а Сильвестро приписан к Быстрицкой Академии Духа. Поэтому ему был нужен кто-то из нас.

— Он хотел сбежать потому, что вы убиваете всех стариков?

— Да, — жестко сказал Эрнесто. — Я сначала не верил тому, что ты рассказала, я просто не мог в это поверить. Это же преступление, это противоречит всей нашей морали, всему, чему они учили нас! Поэтому, когда дело зашло так далеко, нам пришлось брать власть в свои руки. Сильвестро — самый хитрый и ловкий, он почти выкрутился...

— Прости меня, — тихо проговорила я. — Это ведь из-за меня вы не могли его убить? Но почему?

Зеленые глаза Эрнесто потеплели.

— Нет, ты тут не при чем. Это я... знаешь, Кнопка, ведь для мага любовь — это чудо. Мы очень редко любим, наши браки подчинены целесообразности и генеалогии — нас осталось слишком мало, каждый является чьим-то родственником. И когда маг любит, его душа становится неразрывно связанной с душой любимого. Он может ощущать сильные эмоции возлюбленного и знать, когда он в опасности. Потеря любимого для мага — это такой удар, от которого он не может оправиться. Поэтому я не мог позволить Сильвестро сделать с тобой что-то плохое. А он никогда не любил, поэтому не смог понять, что у меня хватит сил на то, чтобы его остановить. Даже если и путем уничтожения астрономической башни. Просто он никогда не любил.

Я смотрела в его глаза, и не могла оторвать взгляда, наслаждаясь нежностью, которая из них исходила.

— А я люблю тебя, Кнопка, — сказал маг.

— Но как...

— Я не знаю. Это случилось вот так, вдруг, внезапно, когда я впервые встретился с тобой взглядами. Я знал, что ты попала в беду, когда твой ухажер разбил алхимический фонарь, когда на тебя напала артынка, когда ты в заблудилась в лесу... Я не знаю, прочему и как это происходит!

Усилием воли я заставила себя покинуть плен его влюбленных глаз, не прислушиваться к его голосу, от которого у меня всегда дрожали кости и шли мурашки по телу.

— А как же тогда Нана? — спросила я. Честное слово, я не хотела, чтобы мой голос звучал ревниво, просто я хотела понять, как это — любя другого человека, заводить себе любовницу.

— Я боролся со своим чувством к тебе, — ответил Эрнесто. — И, когда понял, что больше не могу его скрывать, хотел убедиться, что другие женщины не вызовут у меня того же самого чувства. Ведь поверить в то, что я — я! — люблю обыкновенную женщину было слишком тяжело. Поэтому для чистоты эксперимента я выбрал не только аптекаршу, а даже ту, которая училась вместе с тобой. И — ничего. Понимаешь? Ничего! Я ничего не чувствовал, даже когда лежал с ней в одной постели!

— Вот в эти подробности меня можно было не посвящать, — пробурчала я.

Маг хрипло рассмеялся.

— А знаешь, мой отец тоже любил женщину, не мою мать. Я теперь понимаю, что она никогда его так и не простила. А я-то все удивлялся, почему она злится, как только я его вспоминаю! Наверное, это у нас семейное. Отец нарушил все правила ради нее. И я тоже пошел по его стопам... Кнопка, — его голос сделался умоляющим, — посмотри на меня.

Я снова повернула к нему голову.

— Можно я тебя поцелую? — робко спросил Эрнесто.

— Да, — прошептала я.

Раньше он никогда не спрашивал у меня разрешения, прежде чем поцеловать.

Эрнесто не смог встать, поэтому он просто подполз ко мне, и прижался губами к моим.

Станный это был поцелуй — с привкусом гари, крови и горечи от снадобий. Станный это был поцелуй — не мага и простолюдинки, а любящего мужчины и любимой девушки. Станный это был поцелуй, во время которого я чувствовала, как моя

опустошенная, обессиленная душа наполняется живительной силой. Странный это был поцелуй, во время которого я впервые не думала ни о чем, кроме удовольствия, которое пронзало все мое уставшее тело, во время которого я забыла обо всем, что произошло за последние сутки.

Странный это был поцелуй, который был совершенно неожиданно грубо прерван голосом сверху:

— Перестань лапать мою невесту!

Я подняла глаза и увидела Тараса. Он небрежно поигрывал кинжалом, которым совсем недавно мне угрожал Сильвестро.

— Как ты... — начал было Эрнесто, но кузнец его перебил:

— Ну, здравствуй, брат.

## После боя, или Об усталости

— Брат? — у приподнявшегося на локтях Эрнесто самым натуральным образом отвисла челюсть.

— Именно. Ты же сыночек Ампаро Умного?

Сев на полу, я ошарашено рассматривала двух парней, замечая то, на что раньше никогда не обращала внимания.

Изгиб полных губ.

Разрез глаз.

Высокие, выступающие скулы.

И оба они были крепкого телосложения, хотя Тарас значительно уступал Эрнесто в росте.

— Да, — сказал Эрнесто медленно, — я — сын Ампаро Умного. А ты, значит, отпрыск Марфы, НЕЗАКОННЫЙ сын Ампаро?

Лицо Тараса перекосилось, но он справился со своими чувствами.

— Вставай, Таша, — приказал он. — Не сиди на холодном, простудишься. Пошли отсюда.

Он протянул ко мне руку. На запястье виднелась неумело сделанная повязка.

— Я никуда не пойду, — тихо сказала я. — Я должна помочь Эрнесто. Он ранен.

— Ты ничего ему не должна, — оборвал меня Тарас. — Пойдем, я сказал.

— Ты не можешь мне приказывать, — так же тихо сказала я. Во мне росло что-то новое, сильное, крепкое. Возможно, это было следствием признания и поцелуя Эрнесто, возможно — следствием событий этого бесконечного дня. — Он не один раз спас мне сегодня жизнь, пока ты был неизвестно где.

— Я изучал информацию о моем отце! — крикнул Тарас. — Мать рассказала мне, где найти его дневники! Ты думаешь, у меня был бы еще один шанс попасть в Академию и так спокойно по ней расхаживать в поисках нужных бумаг?

— Еще дневники отца? — жадно спросил Эрнесто. — Где они были?

— На полигоне, — сказал Тарас. — Они были спрятаны в руинах фехтовального зала.

— Через этот полигон отец вывел твою мать?

— Да, — гордо сказал Тарас. — Он сделал там тайный ход, и его никто до сих пор не нашел. Он спас ее, потому что любил. А вот твою мать он не любил.

— Подожди-ка, — недоумевающее сказала я. — ты ведь мне сам рассказывал, что твой отец-маг надругался над твоей матерью!

— Надругался! — воскликнул Эрнесто. — Да он бы никогда этого не сделал. Мать этого... ублюдка была шлюхой в борделе, которая продалась магам, продала своего будущего ребенка. А потом заставила его полюбить себя и сломала нам всю жизнь!

— Что я мог тебе еще сказать, — завопил Тарас, — когда ты и так была слишком близка к магам! Что моя мать и отец любили друг друга? Что он спас и меня, и ее от смерти, когда стало ясно, что эксперимент по рождению детей не удался? Что он спрятал нас, купил

нам дом и обеспечивал деньгами до тех пор, пока не погиб? Как бы ты на меня тогда посмотрела? Как ты не можешь понять, Таша, что я люблю тебя и хочу быть рядом! Я боялся твоей реакции на правду, но не мог скрыть своего происхождения, которое является моим проклятием!

Я вздохнула. Объяснять кузнецу, что вовсе не его происхождение заставило меня отвернуться от него, я не хотела. Да он бы и не понял. Поэтому я с трудом поднялась, игнорируя протянутую руку и подошла к Эрнесто.

— Дай-ка я осматрю твои раны.

— Нет! — завопил Тарас, дергая меня за руку. Я ахнула от боли. — Нет! Ты не будешь этого делать! А не позволю, чтобы ты променяла меня на этого...

Я рывком выдернула свою руку из его захвата.

— Ты не имеешь права мне приказывать, — тихо, но твердо сказала я, глядя ему в глаза. — Я не твоя. И никогда ею не буду. А это — твой брат, который не виноват в ошибках вашего отца. Если бы моего брата кто-то посмел обидеть, я бы его разорвала на кусочки. А ты не даешь мне даже оказать ему помощь!

— Я не хотел брата! — закричал Тарас. — Ты не можешь меня попрекать за мои чувства!

— Не могу, — согласилась я. — Поэтому ты волен идти, куда хотел. Позволь мне исполнить свой долг.

— А если я его убью? — спросил кузнец. — Вот сейчас зарежу — и тебе не нужно будет отдавать ему какой-то непонятный долг.

— Он твой брат, — тихо сказала я.

— Сейчас он мне не брат, — горько сказал Тарас. — Сейчас он мне соперник. Думаешь, я не видел, как ты отвечала на его поцелуй? Думаешь, я не сравнил это с тем, как ты отвечала на мои?

— Убивай меня, — предложила я. — Ведь это из-за меня ты хочешь убить своего брата. Тарас, что бы там не было, что бы не стояло между вами, он — твой брат. В тебе и в нем течет одна кровь, что бы вы там оба не думали. Я не позволю тебе совершить ошибку, за которую ты будешь себя корить всю жизнь!

Плечи Тараса поникли. Шаркая ногами, как старик, он побрел к большому куску лестницы и сел на него, угрюмо глядя на нас.

— Ему сейчас тоже не позавидуешь, — сказал Эрнесто. — Ему плохо от огромного количества магической энергии, которая высвободилась в последнее время. Он же не умеет ею управлять, а магическая кровь должна была дать о себе знать.

— Но он хотя бы может ходить, — возразила я. — обопрись на меня.

Закинув руку молодого мага себе на плечо, я помогла ему встать — позвоночник отозвался острой болью — и мы пошли по коридору к уцелевшей лестнице. Тарас потащился за нами, что-то бормоча под нос.

— Я не знал, что у меня есть младший брат, — прошептал Эрнесто. — И я не знаю, как на это реагировать... Но я всегда хотел себе брата... Но сейчас...

— Подожди, — предложила я. — Со временем все станет на свои места.

На середине пути мы столкнулись с бежавшими навстречу Энрико и еще несколькими магами.

— Эрнесто! Ты уцелел! — с облегчением выдохнул целитель, взваливая на себя друга. — мы поместили всех преступников в подвалы, а уцелевших наших — по комнатам. Что делать дальше.

— Подожди, — выдохнул Эрнесто, — я подумаю.

— Остановись, пожалуйста, Кнопка, — попросил один из магов. — Я тебя постараюсь исцелить.

— Ее зовут Таша, — с непонятной яростью сказал Эрнесто. — Всем ясно?

Маги согласно закивали.

— А что с этим делать? — они показали на Тараса.

Эрнесто обернулся. Они встретились с Тарасом глазами и долго смотрели друг на друга.

— Не трогать ни в коем случае, — наконец сказал старший сын Ампаро Умного. — Пусть делает, что хочет.

— Сейчас, сейчас, — тем временем бормотал молодой маг, растирая ладони, — я не такой умелый, как Энрико. Сейчас...

С его ладони посыпались искорки, телу стало тепло.

— Мы нашли в развалинах твоего друга, — сообщил маг. — Того, которого лечил Энрико.

— Лео? — вскинула я голову. — Он жив?

— У Сильвестро почти совсем не оставалось сил, поэтому он его просто оглушил, — сказал маг. — С ним все в порядке. Он сейчас внизу, в холле. Там много ваших пришло... Эээ, куда?

Подхватив юбки, я пронеслась мимо удивленных магов, спеша на первый этаж. Мне нужно было увидеть Лео, самолично убедиться в том, что он жив.

В холле действительно было много людей. Уважаемый Павел, главы стражи, которые заседали у нас в колледже, стражники, аптекари... Все они были чем-то заняты, стоял гул голосов.

— Лео! — закричала я изо всех сил. — Лео!!!

— Я тут! — над толпой появилась рука.

Я пробралась к другу, расталкивая людей, совершенно забыв о вежливости.

— Лео! — он сидел на низенькой кушетке, бледный, с перевязанной головой.

Увидев меня, он раскрыл объятия и я упала в них с облегченным стоном.

— Ну, тш-ш-ш, — какими же успокаивающими были его объятия, то, как он прижимал ко меня к себе, как гладил по спутанным волосам. — Я очень рад, что ты жива, моя дорогая.

Он поднял мою голову за подбородок и заглянул в мои заплаканные глаза. Я с удивлением заметила, как по его щеке бежит слеза.

— Мне бы очень не хотелось тебя потерять.

Наверное, сегодня была ночь поцелуев. Поцелуй Лео был нежным, сладким и успокаивающим. И очень, очень приятным.

— Таисия, Леопольд, нашли время, — сказал за моей спиной ректор. — Раз вы на ногах, то вам нужно возвращаться в колледж. Работы очень много. Я вам сейчас найду сопровождающих. Вот, возьми куртку, Таисия, мне еще твоего воспаления легких не хватало.

— Знаешь что, Таша, — задумчиво сказал Лео, усадив меня к себе на колени. — Когда все это закончится, и мы останемся живыми — в чем я теперь почти уверен — я приглашу тебя на романтический вечер. Цветы, вино, шоколад, музыка. Как ты на это смотришь?

— Не знаю, — улыбнулась я. — Пока никак не смотрю.

— Потом посмотришь. А с женихом номер один мы как-нибудь разберемся, — решил Лео.

— Нет у меня уже жениха номер один.

— О! Вакантное место уже кто-то занял? Еще не успели? Дураки! Значит, я буду первым! Остальные — в очередь.

— Ты думаешь, еще кто-то будет? — удивилась я.

— Конечно, — серьезно ответил Лео. — С тобой, Таша, очень комфортно прятаться по кустам. Такие женщины на дороге не валяются.

Перед нами появился знакомый подросток-маг. Он недружелюбно посмотрел на Лео и неодобрительно — на меня.

— Я вас должен сопровождать до колледжа, — буркнул он. — Чтобы защитить в случае чего.

— А как вас зовут, господин маг? — спросила я.

— Зеферино, — сказал он, отворачиваясь. Наверное, он не одобрял нашего с Лео

поведения, тогда как Эрнесто рисковал ради меня жизнью.

До колледжа мы дошли без приключений. Город был муст и тих, и только возле колледжа царило оживление. Люди с вещами, с детьми и даже с домашними питомцами, искали под его крышей спасения и горячей пищи.

У входа мы столкнулись с серым от усталости Антиохом.

— О, — вяло сказал он. — Хорошо, что вы вернулись. Таша, ты — в прачечную, там нужно руководить приготовлением ужина. Лео — на второй этаж, там тяжелых много.

— Я отдохнуть думал, — заикнулся было Лео, но Антиох смерил его таким взглядом, что сокурсник моментально взбодрился и очень энергично похромал на второй этаж.

— Антиох, — я остановила старосту за рукав. — У меня еще осталось немного стимулирующего, только оно смешалось с кучей других порошков. Дать тебе?

Он кивнул, прикрыв глаза и схватившись за дверной косяк. Я понимала его. В то время как люди ищут у нас помощи, мы просто не можем быть слабыми. Время для слабости будет потом, когда все закончится.

В прачечной было жарко из-за горящих очагов, на которых обычно в больших котлах вываривалось белье и бинты. Сейчас в этих котлах, загодя отчищенных младшекурсниками, булькала каша и кипела вода для чая. Буквально валяющийся с ног коллега курсом младше быстро ввел меня в курс дела и повалился спать у стены.

Мы готовили пищу партиями, относя ее прямо в котлах людям, которые ели из той посуды, которая нашлась. Больше всего мне запомнилась дородная, хорошо одетая женщина, которая хлебала маленькой золотой ложечкой кашу из деревянного корытца, в котором обычно изготавливались снадобья.

Проследить, чтобы всегда была горячая вода, каша, котлы, найти добровольцев, еще способных тягать их по ступенькам туда-сюда, контролировать расход продуктов, выделять емкости для использованных бинтов и простыней...

Сначала я держалась на силах, которые в меня влил целитель. Потом навалилась усталость. Потом усталость прошла и наступило оцепенение, когда в голове нет никаких мыслей и ты машинально выполняешь необходимые действия.

Из этого состояния меня вывел Лео, который довольно долго тряс меня за плечо.

— Все закончилось, Таша, — сказал он, едва шевеля бескровными губами. — Утро. Ложимся спать.

Я отпустила отдыхать всех подчиненных, оставив одного, который только недавно проснулся, следить за огнем в очагах. Мы с Лео нашли какой-то незанятый уголок, в котором заснули.

Мне ничего не снилось, я слишком устала.

Из сна меня смогла вырвать только ледяная вода, которой кто-то весьма нас щедро облил.

Я открыла глаза, и даже это движение отозвалось в теле пронзительной болью. Перед нами стояла куратор Лиза. За прошедшие сутки она похудела, кожа обвисла.

— Идите в общий зал, — сказала она. — Там сейчас собрание будет.

— Я сегодня особенно остро почему-то ненавижу жизнь, — пожаловался Лео, пока мы, дрожа от холода в промокшей одежде, поднимались в огромную комнату с рядами стульев, где обычно проводились собрания студентов. — а ты?

— Я так устала, что ничего не чувствую, — призналась я.

В зале было множество народа, мы едва нашли свободные стулья.

— Прошу тишины! — на сцене ректор зазвонил в колокольчик. — Начинаем наше собрание! Мы собрали вас, тех людей, которые спасали город эти сутки, чтобы рассказать о положении дел и решить, как будем действовать дальше. Перед вами сейчас выступит начальник городской стражи.

На сцену тяжело поднялся стражник, которого я до этого видела в кабинете у ректора на оперативных совещаниях.

— Нам удалось спасти город, — в зале поднялся радостный шум, начальник стражи

выждал, пока он затихнет, и продолжил: — Господа маги закрыли Прорыв. Больше ни одно чудовище не попадет в наш мир. Все, которые попали в город, уничтожены. Но... у нас большие разрушения. Вся северная часть города в руинах. К сожалению нам не удалось избежать больших человеческих жертв, и их количество будет только расти, когда мы будем расчищать завалы. Сегодня утром из Быстрицы прибыли жукачары с грузом продовольствия, теплых вещей и лекарственных снадобий. Также прибыли отряды стражи.

— Они могли бы и поторопиться, — пробурчал сидящий рядом со мной пожилой аптекарь. — От Быстрицы до нас всего несколько часов на жукачарах стражников. Где они пропадали почти сутки, хотел бы я знать?

Я знала ответ на этот вопрос — наверное, в этом был замешан маг-старейшина Пабло, который хорошо подготовил этот Прорыв и, скорее всего, подкупил необходимых людей. Но говорить об этом я не имела права.

— Теперь послушаем временного управляющего Академией Духа господина мага Эрнесто Наглого, — объявил ректор после того, как начальник стражи закончил свой отчет про использование груза и людей, пришедших из Быстрицы.

Временного управляющего? Ого! Они что, истребили всех мало-мальски опытных магов, что теперь ими управляет Эрнесто?

Молодой маг выглядел значительно лучше, чем вчера вечером, хотя и на него наложили отпечаток последние тяжелые сутки, и даже целители ему не помогли. Но это на мой придиричивый взгляд. Для всех остальных он, уверена, выглядел могущественным магом — шикарная парадная мантия, чистые пышные волнистые волосы очень отличались от грязной и измятой одежды и спутанных волос сосульками у всех присутствующих. Кстати, Эрнесто обзавелся короткой стрижкой — видимо, даже могуществу целительской силы Энрико есть предел и ему не удалось отрастить волосы до прежней длины.

— Я хотел бы принести вам официальные извинения от лица всех магов, — сказал Эрнесто. Видно было, что эти слова дались ему нелегко.

Зал затих. Наступила тишина, которую иногда называют мертвой. Кажется, люди даже боялись дышать, настолько были изумлены. Еще никогда не случалось в истории такого, чтобы маги приносили свои извинения. Считалось что их действия изначально правильные и не подлежат обсуждению.

— Мы не смогли вовремя прийти на помощь городу, — продолжал Эрнесто. — И поэтому Академия берет на себя вину за разрушенные дома и погибших людей. К сожалению, на момент Прорыва, в нашей среде возникли некоторые разногласия, в результате которых, как видите, сменилось руководство Академией, а также ее политика.

Люди продолжали молчать, настороженно глядя на мага. Такие откровения были настолько необычными, что никто не знал, как нужно реагировать.

— Мы закрыли Прорыв, — сказал Эрнесто. Его голос дрогнул, и я вдруг поняла, что его необходимо поддержать.

Эрнесто потерял ладони одна об другую. Настороженная, недоверчивая и враждебная атмосфера действовала на него угнетающе. Это для остальных он выглядел уверенным в себе магом, а я видела перед собой молодого человека, чей привычный мир разрушился в один день. И он вынужден взвалить все на свои плечи и строить уже другой мир, потому что на него растерянными взглядами смотрели пережившие переворот в Академии. Я прекрасно понимала Эрнесто. Так я пятнадцать лет назад начала создавать новый мир для малышей-братьев, которые тоже лишились привычного окружения, игрушек, и, самое главное — матери, которой слишком тяжело далось бегство из разрушенной деревни.

"Эрнесто, посмотри на меня", — мысленно приказала я со всей уверенностью, на которую была способна.

Я не надеялась на результат, но он оказался ошеломляющим. Эрнесто вскинул голову и его зеленые глаза встретились с моими.

"Все будет хорошо," — внушала я ему, сосредоточившись на этих чувствах. Я то знала. Я знала, что все будет хорошо. Потому что иначе не могло быть. Главное — мы живы. Мы

целы. У нас есть силы. И мы построим себе новый мир, в котором будет хорошо жить. Я это знаю.

Миг — и перед аудиторией снова стоял могущественный маг, глава Академии Душа.

— Мы закрыли Прорыв, — повторил Эрнесто, но уже таким тоном, что захотелось вскочить со своего места и униженно благодарить магов за такое деяние. — С помощью стражи были уничтожены все иномирные создания. Наши целители готовы предложить свою... ммм... хорошо, безвозмездную помощь некоторым самым тяжелым раненым.

Атмосфера в зале изменилась. Теперь трепещущие от счастья быть перед могущественным магом люди с благодарностью принимали дары, которые он милостиво пожаловал.

— Академия готова финансово помочь руководству города восстановить часть разрушенных зданий, — сообщил Эрнесто.

— Таша, — прошептал кто-то за моей спиной за моей спиной. — Таша, ты нужна нам. Беда.

Мы с Лео стремительно обернулись. Пригнувшись, чтобы не мешать остальным слушать, между рядами стояла молоденькая студенточка.

— Что случилось? — спросила я. В животе мгновенно образовался кусок льда.

— Жена Николая. У нее начались роды, а она зовет его. Ведь ты была последняя, кто его видел...

Да, чтобы не происходило в моей жизни дальше, вина за то, что Николай погиб, будет всегда лежать на мне.

— Я иду.

— Я с тобой, — спокойно сказал Лео.

Не дослушав Эрнесто, мы выбрались из зала под осуждающими взглядами — тихо пробраться к выходу не удалось, деревянная нога Лео стучала и скребла по паркету.

Уже у выхода я бросила на Эрнесто извиняющийся взгляд — мне не хотелось его обижать. Он едва видно согласно качнул головой, у меня отлегло от сердца.

Мы вбежали в маленькую комнату, где на кровати корчилась молодая женщина с огромным животом. Уважаемая Агата, лекарь, принимающая самые тяжелые роды в городе, с обеспокоенным лицом вытирала жене — вдове — Николая лицо мокрой тряпкой.

— Она не хочет рожать, — сказала она, увидев нас. — не хочет рожать, пока не узнает, что с Николаем.

— Не хочет рожать — это что значит? — спросил Леопольд растерянно. — как можно не хотеть рожать? Я думал, это не контролируемый процесс.

— Очень даже контролируемый, — вспыхнула Агата, стараясь контролировать свой голос, чтобы не кричать. — В таком состоянии она погубит и себя, и ребенка. Таша, тебя последнюю видели с Николаем. Поговори с Ириной.

Лекарь сделала приглашающий жест рукой. Я застыла у двери, не в силах сделать хоть один шаг. Что я ей скажу? Из-за меня погиб твой муж, но ты все равно должна рожать, тужиться по команде?

Время замерло. Все смотрели на меня, а меня задавило тяжеленное чувство вины, я только беззвучно открывала рот.

Вдруг Лео стремительным шагом пересек комнату и подошел к кровати. Он сжал лицо Ирины своими руками и заставил посмотреть на себя.

— Послушай меня, девочка, — сказал он ласково, но твердо. — Николай пожертвовал собой ради спасения горожан. Он оставался аптекарем до самого мгновения своей смерти, но умер с твоим именем на устах. Ты поняла меня? Хотя он до конца оставался верен своему долгу, но думал и беспокоился он о тебе. Ты должна родить этого ребенка, должна перед памятью о своем муже. Ради того, чтобы вы с малышом могли спокойно и мирно жить, чтобы вам ничего не угрожало, Николай пожертвовал собой. И если ты сейчас поддашься своим эмоциям, то это значит, что ты перечеркнешь все то хорошее, что между вами было во время супружества. Этот ребенок — часть Николая, и ты должна сделать так, чтобы он жил.



Понятно?

Завороженная женщина кивнула.

— Я буду рядом, — все так же твердо и нежно сказал Лео. — И у нас все получится.

Я никогда не видела Леопольда таким. Весельчак и балагур, который никак не мог закончить аптекарский колледж, отступил, и на его месте внезапно проявился тот профессионал, к которому едут за спасением даже из других городов.

Никем не замеченная, я выскользнула за двери, и побежала по коридору.

Я думала, что во мне появилось что-то новое после прошедшей ночи, я думала, что я стала сильнее, но я снова отступила, встретившись с трудностью. Так я разрешала отцу решить за меня мою судьбу, хоть его решения и шли вразрез с моими мечтами и планами. Почему я не осмелилась раньше уйти из дома? Ведь я же вполне могу обеспечить себя сама, и жить независимо. Ведь я же почти аптекарь! Что мне до мнения окружающих, когда у меня есть моя цель — аптека с красными стенами! И тут... Почему у меня не хватило силы духа подойти к Ирине и смело признаться, что ее муж умер по моей вине? Почему Лео, а не я, нашел нужные слова?..

— Эй, Таша! Хватит предаваться жалости к самой себе, — Лео встряхнул меня за плечи. — У Ирины мальчик, назвали Николаем. Все хорошо.

— Как ты меня нашел? — икая от слез, спросила я.

— А где же тебя еще искать, как не в чулане со швабрами и вениками? — удивился сокурсник.

Он отодвинул меня, устроил себе удобную лежанку из метел и с комфортом на нее уселся.

— Хорошо! — выдохнул он. — А, главное, нас тут не найдут. Чего-то я устал... Ну, что стряслось?

— Я... думаю, это из-за меня погиб Николай! — всхлипнула я.

— Почему это? — искренне удивился Лео.

— Ну, вы со мной пошли в Академию, и там его убили...

— Что за ерунда! Таша, ты говоришь глупости. Николай — взрослый человек, а каждый взрослый человек должен сам отвечать за свои ошибки. Ты же его волоком в академию не тащила? Не тащила. Ты его заставляла кидаться магам под нос? Не заставляла. Это были его решения, за которые он и поплатился. Мне тоже искренне жаль Николая, но, как бы это грубо не звучало, он сам виноват. Так что давай, успокаивайся, и иди посмотри на его сына. Агата говорит, что он похож на отца, но мне показалось, что он похож на печеное яблоко. Новорожденные дети такие мерзкие!

— Как ты можешь так говорить! — возмутилась я. — Надеюсь, ты хоть этого роженице не сказал?

— Нет, нет, что ты! Я просто сказал "Фуу!", когда мне предложили его подержать.

Открыв рот, я уставилась на Лео. Его лицо было совершенно серьезным. Он что, действительно так сделал??

Но вдруг Лео расхохотался, да так заразительно, что я тоже последовала его примеру. Мы хохотали, хохотали, и никак не могли остановиться.

Как только я выбилась из сил, Лео простонал:

— Я его взял на руки и говорю: "Какой прекрасный младенец! Как он похож на отца! Особенно уши!"

— Уши? Почему уши?

— Потому что это самое приличное в младенце. В новорожденном уши — единственное, что похоже на человеческое!

И мы снова засмеялись.

Когда смех иссяк, а щеки и живот заболели, я почувствовала себя значительно лучше.

— Ну ладно, — сказал Лео, вытирая слезы. — Пойдем. Работы еще... очень много. Там начали приносить тех, кто прятался в подвалах или был под завалом. Как же я мечтаю выспаться! Мы сегодня все несколько часов поспали. А вот если бы в кровати, на чистых

простынях, да после ванны... Эх....

Я согласно кивала, вспоминая, какое это удовольствие — купаться в большой ванной. Конечно, Лео из более обеспеченной семьи, чем я, у них есть ванна, ему повезло.

Мы побрели на первый этаж снова принимать раненых. И в эту ночь нам не удастся поспать в своих постелях, это было понятно. К тому же, если честно, мне и не хотелось возвращаться домой. Если дом уцелел во время прорыва, то основательно выстыл. А это значит, что мне придется долго топить печку, чтобы нагреть хотя бы кухню, греть воду в специальном баке для купания, готовить еду. А у меня все болело от усталости, и я уже даже начинала завидовать тем, кто лежал на холодных столах в покойницкой. Им уже не приходится заставлять себя шевелиться и что-то делать, а главное — смотреть на людские страдания.

Из Быстрицы к нам на помощь прибыло только десять аптекарей — все остальные побоялись. Специалистов катастрофически не хватало.

В какой-то момент я просто отключилась, и проснулась только через несколько часов, лежа на полу и аккуратно укрытая одеялом. На моей груди громко храпел Антиох, а на затекших ногах — куратор Лиза. Я пошевелила пальцами, разгоняя кровь, и снова заснула.

Для того, чтобы меня разбудить, одному из аптекарей пришлось поставить меня на ноги. Только упав с высоты своего роста, я смогла открыть глаза.

— На дежурство на первый этаж, — приказал мне аптекарь, завернулся в мое одеяло и мгновенно заснул.

Еще трое суток мы работали, сменяя друг друга и спя урывками.

Кто-то из добровольцев всегда следил, чтобы мы не засыпали с мисками каши в руках, потому что стоило на что-то опереться — даже не присесть, как организм сразу же пытался отключиться.

Люди постепенно расходились по своим домам, у нас оставались только раненые и бездомные, но и те постепенно находили себе приют — у родственников, знакомых или в гостиницах, их пребывание там оплачивала Академия.

Собрание знатных людей быстро сменило нашего городского управляющего, который ничего не сделал во время Прорыва, и оперативно избрало нового.

По городу поползли слухи, что маги убивали людей, но их быстро кто-то прекратил.

И вот, наконец-то настал долгожданный момент.

— Всем студентам, кроме выпускников, можно расходиться по домам, — объявил ректор. — Выпускники остаются на ночное дежурство, а всех остальных ждем завтра.

В чьей-то куртке — ту, которую мне дал ректор еще в Академии, мне не удалось отыскать, — я покинула колледж. Холодный ветер приятно прикоснулся к разгоряченному лицу. Я вышла за ворота, отыскала более-менее чистый сугроб и с наслаждением растерла лицо колючим снегом.

Ориентируясь по свету уцелевших фонарей, я отправилась домой.

Прорыв закончился.

## **Серьезные решения, или О начале**

Мой дом уцелел. И вообще весь квартал был на удивление целым — наверное, потому что находился в южной части города. В окне нашей кухни был виден слабый мерцающий огонек. Неужели братья вернулись?

Перескакивая через несколько ступенек, я помчалась наверх и ворвалась в квартиру.

В жарко натопленной кухне сидел Тарас и чистил овощи на суп.

Я замерла в дверях, медленно снимая с себя куртку.

— Здравствуй, Таша, — Каким-то жалким голосом сказал Тарас. — А я тебя вот тут жду... печку растопил. Ты не против?

Я пожала плечами. Что ни говори, а возвращаться в теплый дом было приятно. Помыла руки и села рядом чистить овощи.

В молчании мы приготовили продукты, сварили суп, поели. От тепла и сытной еды меня начало клонить в сон, но я заставила себя сходить в душ и хорошенько вымыться.

Когда я вернулась, Тарас подвинул мне кружку с горячим, ароматным чаем. Я прислонилась к притолоке, и, прихлебывая сладкую жидкость, вопросительно посмотрела на кузнеца.

— Я хотел поговорить с тобой, — серьезно сказал он. — Точнее, задать тебе вопрос, ответ на который для меня очень важен: у меня есть хоть один шанс, что ты добровольно выйдешь за меня замуж?

Я бы могла рассказать Тарасу о том, что я вообще не хочу замуж, о том, что у меня есть цель, которой я мечтаю достичь, о том, что он, в сущности, хороший и заботливый человек. Но я ограничилась одним словом:

— Нет.

— Я так и думал, — вздохнул Тарас. — Ты собираешься быть подстилкой этому магу, Эрнесто?

— Нет.

— Ты собираешься выйти замуж за своего сокурсника?

— Нет. Я вообще не собираюсь замуж, — объяснила я. — Мне нужно доучиться. Я хочу быть независимой. Хочу сама себе создать такой мир, который бы не рухнул в один день из-за внешних обстоятельств. Хочу быть уверенной в завтрашнем дне.

— Ты считаешь, что это возможно? — спросил Тарас.

— Да, — улыбнулась я. Если у меня будет моя собственная аптека с красными стенами, то уже ничего меня не сломает. Ни болезнь близкого человека, ни Прорыв, ни государственные катаклизмы — ведь мне всегда будет то, что всегда поддержит и к чему можно будет возвращаться. К любимому делу. К своей собственной аптеке. А люди всегда болеют, что бы не происходило вокруг. И всегда в мои двери будут стучаться те, кому нужна будет моя помощь. А значит, моя жизнь зря не пройдет.

— Ты изменилась, — вздохнул кузнец. — Я не могу тебя понять. Но я постараюсь. И я буду ждать. Ведь я люблю тебя, Таша.

— Спасибо тебе, — искренне поблагодарила я. — Спасибо тебе за любовь. Но я не могу ее сейчас принять.

— Я это уже понял, — криво улыбнулся Тарас. — Мне очень хочется спросить тебя о твоих отношениях с моим... братом, но, наверное, не стоит?

— Не стоит, — согласилась я.

— Что ж. Удачи тебе, Таша.

— И тебе.

Проходя мимо, Тарас поднял руку, замер, а потом бессильно уронил ее и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Я была очень рада тому, что мы разобрались в наших отношениях, и что это больше не будет меня мучить. За эти дни я окончательно решила то, какой будет моя жизнь. И никому не позволю в нее вмешиваться.

Допив чай, я завалилась спать.

Утром я проснулась от холода — специально, чтобы проснуться, я не стала накрываться одеялом и топить на ночь. Все тело болело, я была еще более разбитая, чем когда ложилась. Дойти до колледжа и отработать свою смену с больными стоило мне огромных усилий. Слава Подкове, куратор Лиза дала мне несколько выходных, опасаясь, чтобы я не пополнила собой ряды лежащих со стонами на койках.

Как же мне хорошо спалось! Какие же замечательные сны мне снились! Как же мне было тепло и уютно!

Тепло?

Тепло???

Если учесть, что я пять суток почти не спала и работала на износ, то к моменту моего пробуждения в доме должна была царить жуткая холодина, потому что дрова так долго не

горят. Приехали родные?

Я поднялась на локте и увидела, как в очаге весело пылает жаркое пламя. А потом перевела взгляд вниз.

Тот, кого я спросонок приняла за брата, по привычке забравшегося в мою кровать, оказался ни кем иным, как господином магом Эрнесто. Он крепко спал, и на лице его царило такое умиротворенное выражение, что я невольно залюбовалась. Сейчас он был действительно красив, так красив, что даже сердце замирало. Да и какая женщина не дрогнет, увидев у себя в постели такого мужчину? Обнять и не отпускать его — вот что я хотела.

Мысленно выругав себя за такие мысли, я строгим голосом спросила:

— Господин маг, что вы делаете у меня в кровати?

— Что? — сонно переспросил Эрнесто. — Что ты хочешь, Кнопка? Дай поспать! Лучше поесть приготовить.

С этими словами он повернулся на живот, уткнулся носом в подушку и снова сладко засопел.

Мне оставалось только гадать, что я пропустила во время сна и насколько это нормально, когда глава Академии Духа обнаруживается у тебя в кровати. И главное — что я должна делать?

Так ничего и не решив, я просто аккуратно перелезла через спящего мага и принялась готовить нам еду — на столе каким-то волшебным образом очутилась сумка с продуктами. Да нет, вовсе не волшебным, ее наверняка принес маг. Наверное, решил, что питаться простолудинской едой — это не для него.

Как только по кухне пошел вкусный запах, Эрнесто тут же проснулся, взъерошил волосы, потянулся и сел за стол. Как только он потянулся за мясом в подливке, я хлопнула его по руке черпаком.

Он с таким изумлением воззрился на свою руку, потом на черпак, а потом на меня, будто мы вдвоем обросли фиолетовой шерстью.

— Эээ, Кнопка, ты хоть понимаешь, ЧТО ты сейчас сделала?

— И что же?

— Ты ударила главу Академии Духа. За это я тебя должен испепелить прямо на месте.

— Главы Академии Духа не врываются посреди ночи в квартиры к одиноким девушкам и не залезают к ним в кровать, — сказала я, стараясь вести себя с магом так, как вела с братьями.

— Именно так они и поступают, — проворчал Эрнесто, поедая глазами мясо. — Им никто запретить не может. Вообще-то, это сейчас ночь, а я пришел утром, но ты спала, и мне не удалось тебя разбудить.

— Я проспала сутки? — ахнула я.

Воспользовавшись моим удивлением, Эрнесто щелкнул пальцами и вся тарелка с мясом перелетела к нему, роняя на скатерть капли подливы.

— Вы...

— Ты, — поправил маг, жадно жуя.

— Ты расскажешь мне, что происходит?

— Угу. Только ешь, а то на тебя страшно смотреть.

После того, как мы поели, Эрнесто уселся на кровати и задумчиво уставился на огонь.

— Рассказывай, Эрнесто, пожалуйста, — попросила я.

.... Практически каждый маг знает, что их существование зашло в тупик. Нужны были решительные перемены для того, чтобы маги выжили. Но какие перемены и как их осуществить, если уже больше тысячи лет маги жили одним и тем же укладом?

Да, раньше они правили странами, потом это оказалось слишком сложно и пришлось уступить людям эту привилегию. Раньше у магов были огромные шикарные дворцы, потом оказалось, что они велики для уменьшающегося с каждым годом числа магов, да и магические силы начали оскудевать. В конце концов, маги стали ютиться в Академиях

духов, которые раньше служили только для обучения, а теперь в них хватало места на то, чтобы не только учиться, но и с удобствами жить. Магические науки пришли в упадок, ведь не было смысла открывать что-то новое, когда стараешься сохранить хотя бы то, что уже есть.

Маги вели паразитический образ жизни, регулярно подпитываясь финансовыми вложениями из государственной казны — ведь закон об этом был принят еще шестьсот лет назад, и никому в голову не приходило его изменить.

Единственное время, когда маг мог проявить себя — это был Прорыв. Но, с каждым годом прорывы происходили все реже, а старейшины всегда посылали в первые ряды ту молодежь, которая ратовала за изменение жизни. Так было довольно долго.

Несколько лет назад Эрнесто съездил в гости в дальнюю Академию на юге страны, в той провинции, где наиболее часто происходили Прорывы. Он с удивлением увидел, что той Академией правят не только старейшины, возраст которых приближался к двумстам годам, а и наиболее активные из молодых магов. К тому же, совокупная магическая сила магов той Академии значительно превосходила силы двух-трех Академий на севере. Почему? Потому что те маги постоянно совершенствовали свои силы, не боясь растративать энергию на любой пустяк, что противоречило догмам магического обучения, в которых считалось, что сила — величайшая драгоценность, и ее нужно тратить только по острой необходимости. К южным целителям стояла очередь из людей, ведь маги не брали денег за свои услуги. Боевые маги в отсутствие чудовищ гонялись по лесам за волками и медведями. А женщины вовсе осваивали бытовую магию, а некоторые — даже боевую.

Приехавший домой Эрнесто с восхищением рассказывал о новшествах в южной академии, но его практически никто не поддержал. Более того, старейшины вообще запретили ему вести разговоры об этом. Большинство магов редко выезжали за пределы своих округов, не говоря уж за пределы провинций.

Раздосадованный Эрнесто тайком собрал вокруг себя кружок молодых людей, которые назвали себя «обновленцами» и принялись тайком тренироваться в лесу. Все остальные маги считали, что молодежь днями гуляет в борделях или проводит закрытые вечеринки в комнатах отдыха.

Для большинства из «обновленцев» это была только игра, но Эрнесто и его лучшие друзья, реально оценивали то, насколько увеличилась их сила и как опасно скрывать от старейшин их забавы. Скорее всего, старейшины что-то почувствовали, поэтому послали Эрнесто с друзьями на захват артынки, при этом дав строгий приказ взять чудище живьем. Из-за этого погибли молодые маги, и их потерю Эрнесто очень сильно переживал. И тогда он понял, что скрываться перед старейшинами не имеет смысла, поэтому решил взять меня на Зимний магический Бал.

Старейшина Пабло понял, что Эрнесто зашел далеко, поэтому отнесся к нему с вниманием, ведь опасную молодежь следует держать как можно ближе и следить за его шагом. Старейшина отдал молодому магу дневники отца, не подозревая, что совершает тем самым ошибку.

В дневниках Ампаро Эрнесто прочитал про возможность любви между женщиной-простолюдинкой и магом, про то, что его отец любил, про его любимую женщину. На этом дневники обрывались — именно вторую часть, где Ампаро описывал беременность Марфы, то, как он ее спас, ведь дети и их матери, участвовавшие в эксперименте по рождению новых магов, уничтожались, — и искал Тарас в Академии в день Прорыва.

Разобравшись в своих чувствах, Эрнесто пришел ко мне, чтобы предупредить, что затевается что-то плохое — он, как и любой маг, чувствовал изменения магического фона, когда старейшины готовили Прорыв. Просто большинство, слишком увлеченные праздным образом жизни, не обратили на это внимания. Я рассказала ему подслушанный разговор, который шокировал Эрнесто настолько, что он сутки размышлял над услышанным. То, что старые маги готовились хладнокровно убить полгорода, было страшно, противоречило учению, что маги должны защищать людей от Прорывов. Но то, что они собирались

хладнокровно бросить на растерзание чудовищам своих же, было чудовищно.

Эрнесто едва хватило времени, чтобы подготовиться к Прорыву «обновленцев». Но Сильвестро был прав — ему еще учиться и учиться управлению. Молодежь напрочь забыла про отцов, и все пошло наперекосяк.

Для начала старейшины открыли проход совсем не в тот мир, в который собирались. В наш мир затянуло кровожадных, разъяренных монстров, которые ужасно чувствовали себя в резко изменившихся условиях обитания. Маги были посланы поздно, и им не сразу удалось закрыть Прорыв. Старейшины осознали, что не могут собрать разлитую в пространстве силу — пламя свечи можно потушить пальцами, а к бушующему пламени даже страшно приблизиться. Боясь восстания молодых магов и желая задавить их силой, старики обратились к крайнему способу — высасыванию жизненных сил из людей. И тут на сцене появилась я.

Почувствовав неприятности, Эрнесто с группой магов помчался обратно в Академию, где он в последний момент успел заслонить меня собой. Магический щит не выдержал, он был сильно ранен, но был вынужден вступить в схватку со старейшинами, которые убивали людей ради своей силы. В Академии завязались стычки между приверженцами Пабло и его идей и противниками. Старейшины из близлежащих Академий привезли с собой много магов — тех, от которых нужно было избавиться, и тех, кого планировалось насытить дармовой силой.

Молодые маги брали энтузиазмом, быстротой реакции и большим, чем у стариков, опытом, приобретенным в последнее время. Старейшины уже лет по пятьдесят почивали на лаврах, не занимаясь практической магией.

Но потерь было слишком много. В боях с чудовищами, в стычках друг с другом, погибло более трети от общего числа магов, проживающих в северной провинции. И, что самое страшное, даже женщины.

Академии оказались обезглавленными. И если в нашей власти в свои руки сразу же взяли «обновленцы», назначившие руководителем Эрнесто, то в других сразу же начались междоусобицы. На освободившиеся должности уже слетались, как мухи на мед, маги из других Академий.

За это время у Эрнесто было много работы. Нужно было навести порядок в Академии, расчистить дорогу к накопителю, который притягивал к себе энергию, и, счастью, устоял перед взрывом. Нужно было разместить старейшин, которые преступили закон, по камерам тюрем, нужно было разобраться с последствиями Прорыва, пресечь сплетни об убийствах людей...

Среди сегодня утром он понял, что больше не выдержит. И самым постыдным образом сбежал ко мне в квартиру отдохнуть...

— Я был уверен, что найду здесь... брата, — с нервным смешком сказал молодой маг.

— Он был здесь, — честно призналась я.

— Вы... собираетесь пожениться?

Я посмотрела в большие зеленые глаза. В них кипели страсти, которые Эрнесто пытался скрыть за маской безразличия.

— Нет, — сказала я. — Я не собираюсь замуж.

— Это хорошо, — с видимым облегчением сказал маг. — Могу я спросить, что ты собираешься делать дальше?

— Учиться, — ответила я. — Мне нужно получить диплом аптекаря, а там видно будет.

Он кивнул, и снова стал смотреть на огонь. Щекотливую тему пришлось поднимать мне.

— Эрнесто, — я тронула его за рукав. — А что ты собираешься делать... с теми чувствами, в которых ты мне признался?

Он не повернулся ко мне, но его уши запылали. Я молчала. Давая ему время собраться с силами.

— Я не знаю, — наконец сказал он. — Я не знаю, что делать. Я совершенно запутался.

На меня столько навалилось.... Я не знаю, как мне себя вести с тобой, я уже думал об этом. Например, я могу ходить только к тебе тогда, когда у меня закончатся магические силы...

— Я что, буду работать шлюхой? — воскликнула я.

— Нет, нет, что ты! Конечно, нет, я бы никогда не смог так... с тобой. Просто... даже наши поцелуи наполняют меня силой, мне даже страшно представить, что будет, когда мы... когда у нас...

— Произойдет полноценный физический контакт, — подсказала я.

— Да! Я знаю, что ты никогда не согласишься на такие отношения... поэтому... Кнопка, давай подождем? Я не могу сейчас решать свои личные проблемы, на мне вся Академия. Я должен ее уберечь от разграбления магами из других провинций, я должен разобраться с делами, эх, если бы ты знала, сколько их у меня...

— Давай подождем, — легко согласилась я.

Просто я не знала, как ответить на его чувства. И мне не было стыдно, хотя сегодня передо мной открывали свою душу два парня. Наверное, я очень черствая, но сейчас мне было не до них.

Эрнесто поднялся с кровати и начал натягивать на рубашку мантию, висящую на стуле.

— Позволь мне сделать тебе подарок, — сказал он. — Ведь влюбленные мужчины часто делают подарки.

Он протянул мне бархатный мешочек. В нем был небольшой кулончик на золотой цепочке.

— Это гематит. Говорят, он помогает исцелять раны. Я подумал, что ввиду твоей профессии... проклятие... Я не знаю, что нужно говорить в таких случаях.

— Спасибо за подарок, — улыбнулась я.

Он нежно, едва касаясь, провел по моей щеке рукой, а потом припал к губам так, будто хотел напиться. И снова все мое тело пронзила волна удовольствия, я обхватила Эрнесто руками, крепко прижимая к себе.

Он отстранился и прижал к моим губам палец.

— Дела, дела, — пробормотал он. — У меня дела...

Затем легонько поцеловал меня в нос и стремительно ушел.

А я надела подарок на шею, помыла посуду и снова завалилась спать.

На этот раз меня разбудили братья.

— Ташка! Эй, сестра! Ты как? — они теребили меня с двух сторон так, что моя голова болталась из стороны в сторону. — Мы так боялись за тебя! Говорили, что тут вообще весь город разрушен и трупы по улицам валяются...

— Подождите, — вяло пробормотала я. — Дайте я проснусь.

— Ну, сестра! Ну, зануда! Мы никак не думали, что ты будешь дрыхнуть во время таких событий.

— Во время событий я и не спала, — возразила я. — Где родители?

— Они еще идут. Мы просто быстро-быстро бежали, за тебя переживали, а ты спишь!

— Мальчики, нужно мебель назад поставить, пока родители не пришли. А потом я вам все расскажу, обещаю.

Пока братья занимались перестановкой мебели, я поставила на плиту чайник. Магический огонь все еще горел, хоть уже и не так интенсивно, как прежде.

К приходу родителей все было готово.

— Таша, дочка! — мама обняла меня. — Мы так рады, что ты цела!

— Да, рады, — подтвердил отец. — Мы за тебя волновались, когда узнали, что в городе был Прорыв. Поэтому вернулись на первой же жукачаре, которая прибыла от вас в нашу деревню.

— Тетушки и дядюшки шлют тебе привет, — сказала мама. — Они очень возмущены тем, что ты так редко их проводишь.

— Но мы сказали им, что ты учишься и работаешь, — вставил Федор.

— А у тетушки Агафены уже двое внуков, — как бы невзначай заметила мама.

— Но мы сказали, что у нас тоже скоро будут, — добавил отец.

Я решила никак не комментировать данное заявление, пытаюсь максимально долго сохранить мир в семье.

— Давайте отпразднуем окончание Прорыва, — предложила мама. — Таша, ты, например, можешь пригласить Тараса, я испеку вкусный пирог.

Ну все, начинается. Со всеми неприятными вещами лучше разделяться сразу, не дожидаясь, пока маленький снежный ком, скатывающийся с горы, превратится в огромную лавину, сносящую все на пути.

— Я не думаю, что Тарас еще когда-нибудь сюда придет, — сказала я.

— Что? — переспросили родители. — Как это — не придет?

— Мы обсудили наши с ним планы на будущее, и решили, что мы не будем вместе.

— Вы? Вы обсудили или ты так решила? — проницательно спросил отец.

— Я так решила, а Тарас согласился с моим решением.

— Ты так решила! Я знал, знал, что тебя нельзя оставлять одну. Я сейчас иду к Тарасу, и в ближайшее время мы вас женим. Такого замечательного, работающего и заботливого мужчину ты еще не скоро найдешь.

— Возможно, — согласилась я. — Но мне не нужен сейчас мужчина. Видишь ли, папа, у меня немного другие планы на жизнь.

— Я не хочу ничего слушать! Ты — моя дочь, и я должен заботиться, чтобы у тебя все сложилось наилучшим образом. А самое лучшее, что я могу для тебя сделать — это выдать тебя замуж, чтобы ты оставила свои сумасбродные идеи. Ты хоть подумала, как на нас смотрит вся родня? Ты уже такая взрослая, а до сих пор не замужем!

Мама согласно кивала. Братья, прятаящиеся за дверями своей комнаты, посылали мне в зеркало, которое я видела, ободряющие жесты.

— Мне все равно, что говорят обо мне родственники, — твердо сказала я. — И я хочу быть счастливой. А вот вы никогда не спрашивали, что мне для этого нужно.

— Родители лучше знают, что тебе нужно для счастья, — мягко сказала мама.

— Наверное, вы этого не заметили, но я уже давно выросла. И уже сама могу решать, что мне нужно.

— В этом доме, — вдруг взорвался отец, — живут либо по моим правилам, либо не живут здесь!

— Папа, ты хочешь, чтобы я ушла? — спросила я.

Мне было больно, очень больно, но сейчас, в противостоянии с родителями, наконец, заканчивалось рождение новой меня — той, которая начала появляться на свет тогда, когда у нее на глазах убили друга. А кто сказал, что роды — это легко и безболезненно?

— Ты либо выходишь замуж, и живешь, как любая приличная девушка, либо убираешься из этого дома. Никогда не думал, что у меня вырастет такая непочтительная дочь!

— А ты меня воспитывал? — горько спросила я. — Ты же совершенно не занимался нами после того, как заболела мама! Ты же даже не знаешь, в какой класс ходят сейчас твои сыновья! Ты не знаешь ни одного имени их друзей. Я уже не говорю про себя! Ты взвалил на шестилетнюю девочку все хозяйственные хлопоты, даже не задумываясь о том, насколько ей это будет тяжело! И ты еще после этого говоришь, что я выросла у тебя? Я выросла сама по себе! И братьев вырастила!

— Да как ты можешь! — ахнул отец. — Я все для вас делал! Я работал! Зарабатывал деньги! Чтобы вы могли где-то жить, на чем-то спать, что-то есть!

Из моих глаз потекли слезы. У каждого своя правда. Мы с братьями мучались от отсутствия в нашей жизни хотя бы одного участливого родителя, ведь отец, приходивший с работы, запирался в комнате с матерью, совершенно не интересуясь нашей жизнью. А отец считает, что его старания нас финансово обеспечить компенсируют его холодность к собственным детям.

— Ты... ты...ты... — отец беспомощно оглянулся, и увидел мать, которая плакала,



тяжело переживая эту сцену. — Ты расстроила свою мать. А что, если она снова заболит?

— Конечно, заболит! Ведь это так удобно — лежи и ни о чем не беспокойся! — крикнула я.

— Не смей оскорблять свою мать! — заревел отец и занес руку.

Я съезжилась. Он никогда нас не бил — просто не было за что. Но отец меня не ударил. Передо мной выросли две долговязые фигуры. Флор крепко держал отца за руку, в то время как Федор спокойно проговорил:

— Ну, все, хватит. Погорячились — и довольно. Папа, если ты хочешь выгнать Ташу из дома — это твое право. Но бить мы ее не позволим.

— Убирайся, — выдохнул в мою сторону отец.

— Прощай, папа, — сказала я. — И ты тоже, мама.

Отец увел мать в комнату, а братья пошли вместе со мной собирать вещи.

— Куда ты пойдешь? — спросил Флор, обнимая меня за плечи и давая возможность выплакаться, пока Федор аккуратно складывал в сумку белье.

— В колледж. Там есть где временно разместиться. Потом найду работу, сниму жилье...

— Мы же можем к тебе приходиться? — умоляюще спросил Флор.

— Конечно, — улыбнулась я сквозь слезы, — чтобы не случилось, вы — мои маленькие братья. И всегда ими будете. Я вас люблю.

Братья сели по обеим сторонам от меня и крепко обняли.

— Ты уверена, что у тебя все будет хорошо? — спросил Федор, пока мы шли на улице. Братья тащили тяжеленные сумки — вещей у меня оказалось на удивление много. Стопки книг были просто неподъемными!

— Конечно, — уверенно сказала я. — Я уже давно знала, что наши разногласия с родителями не позволят мне долго оставаться с ними под одной крышей. Я могу найти работу и обеспечить себя сама, так что не переживайте.

— Ого! Ты решила пожертвовать колледжу свое барахло? — спросил за нашими спинами Лео.

— Привет! — обрадовалась я встрече. Флор уже незаметно попытался подсунуть моему другу наиболее тяжелую сумку. — Нет, я просто туда переезжаю.

— Бывает, — сказал Лео, деликатно отпихивая протезом сумку назад к братцу. — А ко мне ты не хочешь переехать? У нас есть свободная комната.

— Нет, — я покачала головой, — но спасибо за предложение. Думаю, мне пора жить самой.

— Наверное, это и правильно. Но ты учти, даже если многие тебя сочтут после этого недостойной партией, я все также буду готов на тебе жениться.

— Ташка, вот это да! — не сдержался Флор. — У тебя женихи плодятся, как... Федор, кто там быстро размножается?

— Кролики, — подсказал брат.

— Да, как кролики. А не хочет ли уважаемый жених понести одну сумку своей невесты?

— Она мне все еще не сказала "да", — сообщил Лео. — Поэтому почетное право носить ее сумки пока остается за братьями. Гордитесь такой привилегией!

— Ташка, разбирайся быстрее в своей личной жизни, сумки тяжело носить, — заканючил братец.

— Я разберусь, разберусь, — пообещала я.

Но это будет не сегодня. Ведь сегодня мне это не нужно. Сегодня я подойду к стенду с объявлениями, который висит в холле колледжа. После Прорыва должно было появиться много вакансий. Сегодня-завтра я найду себе работу. А потом жилье. И так, с каждым маленьким шажочком моей новой, самостоятельной жизни, я буду становиться все ближе и ближе к моей цели — лучшей в городе аптеке, и единственной, которая будет с красными стенами!

К О Н Е Ц